ПРЕДСТОЯЩАЯ

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА.

С. Д. БАБУШКИНЪ.

КАЗАНЬ.
Типо-Литографія Императорскаго Университета.
1897.

Дозволено цензурою. Г. С.-Петербургъ, 6-го ноября 1896 года.

I.

Въ общественной жизни бываютъ моменты, которые служатъ наилучшимъ пробнымъ камнемъ, опредѣляющимъ уровень умственнаго и нравственнаго развитія передовыхъ людей въ обществѣ, то есть интеллигентной его части.

Какъ извѣстно, такимъ моментомъ въ жизни русскаго общества было время великихъ реформъ, ознаменовавшихъ начало царствованія Императора Александра II-го.

Хотя этотъ послѣдній моментъ наступилъ вслѣдъ за севастопольскою войною, наглядно доказавшею и обветшалость многихъ, существовавшихъ въ то время, вѣковыхъ устоевъ русской гражданственности и непригодность, для дальнѣйшаго развитія ея по пути прогресса, господствовавшихъ тогда идеаловъ, или, вѣрнѣе сказать, вкусовъ къ жизни и понятій,—но въ этомъ же самомъ обществѣ уже носились, предъ означенными реформами, другія вѣянія, имѣвшія немало приверженцевъ, вскормленныхъ и вспоенныхъ русскимъ идеализмомъ тридцатыхъ и сороковыхъ годовъ. Несмотря на то, что люди шестидесятыхъ годовъ, изъ которыхъ вышли творцы помянутыхъ реформъ, крайне пренебрежительно относились къ своимъ отцамъ—идеалистамъ сороковыхъ годовъ, неподлежитъ однакоже сомнѣнію, что безпочвенный идеализмъ послѣднихъ породилъ въ дѣтяхъ ихъ ту любовь къ добру и правдѣ, которая, проявившись на почвѣ практической дѣятельности, дала жизнь великимъ реформамъ 60-хъ годовъ.

Всякое новое законодательство, удачно преслѣдующее цѣль упорядоченія правовыхъ отношеній между общественными классами и отдѣльными лицами, на основахъ справедливости и предоставленія возможности каждому гражданину возстановить, дѣйствіемъ закона,

свое нарушенное право,—всегда находитъ многихъ себѣ недоброжелателей, благополучіе коихъ основывалось на существованіи прежнихъ, отмѣняемыхъ порядковъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что внесшія коренныя измѣненія въ русскую общественную жизнь и правовыя отношенія—реформы 60-хъ годовъ, съ самаго начала осуществленія ихъ и до настоящаго времени, имѣютъ злѣйшихъ и непримиримыхъ враговъ, яростныя нападки которыхъ на эти реформы не только не ослабѣваютъ съ теченіемъ времени, но даже усиливаются при появленіи благопріятныхъ для нихъ условій. И чѣмъ такія ярость и непримиримость интенсивнѣе, тѣмъ ярче ими оттѣняется высокая полезность означенныхъ реформъ. Гдѣ свѣтъ, тамъ и тѣни, густота которыхъ находится въ прямой пропорціональной зависимости отъ силы свѣта. Благотворность же водворенныхъ въ русскую жизнь реформами 60-хъ годовъ—порядковъ настолько неподлежащій сомнѣнію фактъ для всѣхъ благомыслящихъ и справедливыхъ людей, что совершенно излишне доказывать его. Достаточно одного простого сравненія между собою разнообразныхъ проявленій жизни русскаго дореформеннаго и настоящаго общества, чтобы признать время помянутыхъ реформъ такою поворотною эпохою въ этой жизни къ прогрессу, съ которою можетъ, по своему значенію, равняться развѣ только эпоха реформъ Петра Великаго.

И такъ, передовые люди русскаго общества 60-хъ годовъ не-ударили въ грязь лицомъ, когда были призваны верховною властью къ участію въ законодательныхъ работахъ, громкая слава о высокой плодотворности коихъ будетъ жить уже никакъ не въ меньшемъ числѣ будущихъ поколѣній, чѣмъ слава о дѣяніяхъ самыхъ знаменитыхъ воителей и полководцевъ.

Отмѣтивъ высокій уровень умственнаго развитія передовыхъ людей 60-хъ годовъ, какъ фактъ, отъ котораго зависили принятое реформами той эпохи направленіе и цѣлесообразность ихъ, перейдемъ къ нашему времени, когда волею той же верховной власти лучшія силы русскаго общества вновь призваны къ участію въ законодательныхъ работахъ, предпринятыхъ съ цѣлью устраненія изъ сферы отправленія правосудія всего препятствующаго ему, какъ подобаетъ, совершаться.

Область этой, предстоящей, реформы не такъ обширна, какъ область всѣхъ реформъ 60-хъ годовъ, ибо она обнимаетъ собою одну лишь судебную часть въ государствѣ, занимающую однакоже въ немъ, по важности преслѣдуемыхъ ею цѣлей, второе мѣсто между законодательною и исполнительною функціями верховной власти.

Но если область предпринятыхъ нынѣ законодательныхъ работъ по реформированію суда уступаетъ своими размѣрами области всѣхъ реформъ 60-хъ годовъ, для выработки и осуществленія коихъ потребовались по истинѣ титаническіе силы и трудъ способнѣйшихъ людей того времени, то предстоящія работы по реформированію судебной части должны встрѣтить такія трудности и препятствія, которыхъ совершенно не имѣли на своемъ пути реформаторы 60-хъ годовъ.

Дѣло въ томъ, что дѣятели реформъ того времени, изслѣдуя причины существовавшихъ тогда общественныхъ золъ, для принятія противъ нихъ надлежащихъ законодательныхъ мѣръ, имѣли этими причинами установленные вѣками порядки, винить въ существованіи которыхъ невозможно было даже и тѣхъ современниковъ, благополучіе коихъ основывалось на такихъ порядкахъ. Не виновато было, напримѣръ, въ существованіи крѣпостного права—дворянство, бытъ котораго исторически сложился на послѣднемъ. Не болѣе виноваты были въ царившей тогда въ судахъ неправдѣ и продажности судей не только завѣдывавшее судами центральное управленіе министерства юстиціи, но и сами судьи, коль скоро возможность для судьи не умереть, съ своею семьею, съ голоду, искони и завѣдомо для всѣхъ обусловливалась продажностью и взяточничествомъ, а не получаемымъ, ничтожнымъ по размѣру, жалованьемъ. Поэтому обнаруженіе истинныхъ причинъ присущихъ той эпохѣ общественныхъ и государственныхъ бѣдствій и неурядицъ не могло повести за собою возникновеніе противъ какого либо общественнаго или государственнаго дѣятеля, или же противъ какого либо общественнаго класса или сословія—обвиненія въ томъ, что эти бѣдствія и неурядицы существуютъ въ силу ихъ стремленій къ извѣстнымъ цѣлямъ и направленной къ достиженію послѣднихъ дѣятельности.

Такимъ образомъ участники въ законодательныхъ работахъ 60-хъ годовъ не столкнулись въ своей дѣятельности съ опасностью

уязвить свое или чужое самолюбіе добросовѣстнымъ исполненіемъ своей миссіи, то есть справедливымъ признаніемъ, что тѣ или другія причины подлежащихъ устраненію реформами нежелательныхъ явленій коренятся въ дѣйствіяхъ или въ общемъ направленіи извѣстной дѣятельности самихъ ихъ реформаторовъ, или другихъ современныхъ дѣятелей, или же въ направленіи дѣятельности цѣлыхъ корпорацій и сословій. Между тѣмъ такая, невстрѣченная дѣятелями реформъ 60-хъ годовъ, опасность, по возможнымъ отъ нея послѣдствіямъ, несравненно страшнѣе и для самаго дѣла реформъ можетъ быть пагубнѣе—вражды, которая была вызвана помянутыми реформами на почвѣ сословныхъ и личныхъ матеріальныхъ выгодъ и преимуществъ и, какъ извѣстно, неоказала существеннаго вліянія на исходъ реформаторской дѣятельности той эпохи.

Совершенно иными представляются условія, среди которыхъ приходится дѣйствовать участникамъ въ нынѣшнихъ законодательныхъ работахъ по реформированію судебной части.

Судебная реформа 60-хъ годовъ, предпринятая въ видахъ устраненія существовавшихъ до того времени неблагопріятныхъ условій для отправленія правосудія, должна была достигнуть сего положенными въ основу ея, выработанными наукой и жизнью, идеями, надлежащее служеніе которымъ потребовало отъ жрецовъ Ѳемиды не только спеціальнаго юридическаго и общаго образованія и соотвѣтствующаго воспитанія, но также выработываемыхъ этими стимулами и жизнью высокополезныхъ традицій и даже гражданскихъ доблестей, то есть потребовало всѣхъ тѣхъ качествъ, возможность существованія коихъ въ значительномъ количествѣ людей, необходимыхъ для пополненія рядовъ судебныхъ дѣятелей, обусловливается высокою культурою общества.

Нетрудно, конечно, перечислить главнѣйшіе признаки новаго суда по судебнымъ уставамъ, которыми законодатель задался предоставить русскому народу судъ правый, милостивый, равный для всѣхъ и скорый. Но надо на какой угодно судебной должности самому вѣрою и правдою послужить указаннымъ этими словами идеямъ, чтобы въ достаточной степени убѣдиться въ исключительной трудности такого служенія и въ необходимости для него помянутыхъ качествъ и гражданскихъ доблестей.

Такъ, подобная служба приведетъ къ убѣжденію, что недостаточно сознавать разумомъ, въ чемъ заключается правда „праваго суда“ по извѣстному дѣлу, а нужно каждому судебному дѣятелю, будь то судебный слѣдователь, прокуроръ, или судья, сумѣть согласовать всѣ свои служебныя дѣйствія съ велѣніями этой правды и не только уберечься отъ всякихъ сторонніхъ воздѣйствій, препятствующихъ ей осуществиться, но и быть готовымъ спокойно и мужественно вынести всѣ невзгоды, которымъ нерѣдко подвергаютъ служителей правды—заклятые враги ея, столь многочисленные и въ малокультурныхъ и въ самыхъ цивилизованныхъ обществахъ.

Затѣмъ, не менѣе трудности встрѣчаетъ служеніе идеѣ „милости“, требующей отъ судьи, помимо необходимыхъ для него глубокаго знанія жизни, основательнаго знакомства съ природою даннаго преступленія и полнаго безпристрастія, еще исключительной способности проявлять въ своихъ рѣшеніяхъ милость въ той именно степени, которая не переходитъ границы, отдѣляющей „судейскую милость“ отъ произвола, каковая способность основана на равновѣсіи требованій ума и сердца судьи и заключается въ его умѣньи подчинять свое рѣшеніе вліянію каждаго обстоятельства дѣла ровно настолько, насколько такое вліяніе вызывается природою этого обстоятельства и значеніемъ его въ современной общественной жизни и согласуется съ духомъ существующихъ законоположеній.

Останавливаясь, далѣе, на идеѣ „равнаго для всѣхъ суда“, приходится признать, что трудность ревностнаго служенія и этой основной идеѣ новаго суда точно также болѣе зависитъ отъ данныхъ, заключающихся въ самомъ судебномъ дѣятелѣ, чѣмъ отъ внѣшнихъ условій судебной дѣятельности. Безспорно, что преобладающее въ русскомъ обществѣ, какъ и во всякомъ другомъ, стремленіе громаднаго большинства лицъ, принадлежащихъ къ имущимъ и привилегированнымъ классамъ, выдѣлять себя изъ окружающихъ и во всякомъ положеніи—всѣми, даже недозволенными закономъ, мѣрами пользоваться непредоставленными имъ правами и преимуществами—нерѣдко весьма тяжело даетъ себя чувствовать судебному дѣятелю, проводящему въ жизнь принципъ „равнаго для всѣхъ суда“. Тѣмъ не менѣе это явленіе не можетъ оказать такого погубнаго вліянія на господство въ судѣ означеннаго принципа, какое оказываетъ ненадлежащее отношеніе къ своей дѣятель-

ности самаго судебнаго дѣятеля, по причинамъ, въ немъ находящимся. Несомнѣнно, что искорененіе осуществившеюся судебною реформою существовавшей до нея продажности суда—общепризнанный фактъ. Но не одно корыстолюбіе судьи служитъ благопріятной почвой для неправосудія, ибо это страшное зло весьма успѣшно, напримѣръ, произрастаетъ и на почвѣ халатнаго, небрежнаго, отношенія судебнаго дѣятеля къ своему дѣлу. Если стимуломъ дѣятельности судебнаго слѣдователя, прокурора, или судьи не является неуклонное, основанное на принципѣ, стремленіе его по каждому дѣлу, чьи интересы оно не затрогивало бы, не ослабно исполнять свои обязанности, то такая дѣятельность въ лучшемъ случаѣ, при заботѣ дѣятеля о своей карьерѣ, будетъ нормальною лишь по тѣмъ дѣламъ, въ которыхъ замѣшаны интересы лицъ, принадлежащихъ къ имущимъ и привилегированнымъ классамъ общества и, поэтому, могущихъ оградить себя отъ ненадлежащей судейской или прокурорской дѣятельности и вредныхъ ея послѣдствій. Но такихъ дѣлъ сравнительно не много. Громадное же большинство ихъ затрогиваетъ интересы лишь той меньшей, неимущей братіи, стремленіе которой защитить себя отъ судейскихъ произвола и волокиты приводитъ къ напрасной тратѣ послѣднихъ грошей за написаніе безтолковыхъ и безграмотныхъ жалобъ. Понятно, что такія жалобы не могутъ страшить склоннаго къ небрежной службѣ чиновника и побуждать его къ надлежащей служебной дѣятельности—также, какъ побуждаетъ къ ней сознаваемый служебный долгъ. Изъ сказаннаго видно, насколько подобная дѣятельность далека отъ служенія идеѣ „равнаго для всѣхъ суда“ и какою недосягаемою гражданскою доблестью является для представителя этой дѣятельности подчиненіе себя надлежаще сознаваемому долгу.

Но какъ ни трудно творить судъ правый, милостивый и равный для всѣхъ, однакоже эта трудность не можетъ равняться съ тяжкимъ бременемъ, налагаемымъ на современнаго русскаго судебнаго дѣятеля служеніемъ идеѣ „скораго суда“. Эта послѣдняя идея требуетъ отъ огромнаго большинства чиновъ судебнаго вѣдомства такого непрерывнаго, тяжелаго труда, выполнить который, вслѣдствіе постоянной погони за быстротою производства по каждому изъ многочисленныхъ дѣлъ, возможно лишь при полномъ самоотверженіи на почвѣ удовлетворенія собственныхъ насущнѣйшихъ

потребностей. Всѣмъ понятно, почему быстрота въ отправленіи правосудія составляетъ необходимѣйшее условіе надлежаще организованнаго въ странѣ суда, но не всѣмъ извѣстно, что въ такомъ огромномъ, по территоріи и количеству народонаселенія, государствѣ, какъ Россія, устроить „скорый судъ“ естественнымъ порядкомъ, то есть путемъ учрежденія нормальнаго, въ количественномъ отношеніи, штата чиновъ судебнаго вѣдомства, и прежде не было возможно и нынѣ положительно немыслимо безъ большихъ финансовыхъ жертвъ, до сего времени признававшихся крайнимъ обременѳніемъ и непосильною тяжестью для государственнаго казначейства, которое на такой штатъ должно было бы сразу по крайней мѣрѣ втрое увеличить государственный расходъ, нынѣ производимый на судебное вѣдомство. Въ будущемъ же этотъ расходъ съ каждымъ годомъ долженъ увеличиваться въ прогрессіи, замѣчаемой въ возрастаніи числа вновь возникающихъ ежегодно въ судахъ дѣлъ, требующемъ новаго увеличенія штата чиновъ судебнаго вѣдомства. Для устраненія всякаго сомнѣнія въ основательности сказаннаго надлежитъ лишь просмотрѣть статистическія свѣдѣнія о количествѣ вновь вступающихъ ежегодно на каждаго судебнаго слѣдователя, прокурора и судью—дѣлъ и привести въ извѣстность, какое количество труда могутъ понести названные чины, неотказывая себѣ въ необходимомъ для человѣка отдыхѣ и въ удовлетвореніи насущнѣйшихъ потребностей жизни интеллигента, отъ чего зависитъ плодотворность и самаго служебнаго труда. Этимъ экспериментальнымъ путемъ мы придемъ къ выводу, что при существующемъ штатѣ чиновъ судебнаго вѣдомства господство въ новомъ судѣ идеи „скораго суда“ возможно лишь нетолько при условіи обреченія означенныхъ чиновъ на чрезмѣрную, въ количественномъ отношеніи, служебную дѣятельность, но и при условіи добровольной, основанной на сознаніи служебнаго долга, готовности ихъ къ такой дѣятельности, а равно ко всѣмъ лишеніямъ, съ нею сопряженнымъ. Несомнѣнно, что только свойственная самоотверженной службѣ приподнятость духовныхъ силъ человѣка способна вызывать его на такую постоянную чрезмѣрную работу и что никакими мѣрами взысканія и награжденія недостигнуть сего, чѣмъ только и объясняется наблюдаемая живучесть явленій халатности и небрежности въ судебной службѣ, требующей работы свыше силъ средняго человѣка.

И такъ, судебная реформа 60-хъ годовъ предъявила къ дѣятелямъ новаго суда такія требованія, удовлетворить которыя можетъ только высокихъ достоинствъ общественный дѣятель. Между тѣмъ типъ такаго дѣятеля находился еще въ зачаточномъ состояніи и нормальное развитіе его зависило отъ окружающихъ среды и условій. Поэтому все стараніе вводившихъ названную реформу лицъ было направлено на возможно полную замѣну прежняго неудовлетворительнаго личнаго состава чиновъ судебнаго вѣдомства—такимъ, которому было бы не только совершенно чуждо, но и омерзительно стремленіе къ противозаконной наживѣ на почвѣ злоупотребленія правосудіемъ, что составляетъ, конечно, первое и самое главное условіе надлежащаго отправленія его. И такая замѣна настолько удачно осуществилась, что даже враги новаго суда не пытаются обвинять его въ продажности, а новыхъ судебныхъ дѣятелей—въ преступномъ корыстолюбіи. Но выше было уже резюмировано, что не одно корыстолюбіе судьи служитъ благопріятной почвой для неправосудія. Поэтому, какъ не велика заключающаяся въ искорененіи продажности суда—заслуга, однакоже она неизмѣримо менѣе—долженствующей быть достояніемъ безукоризненнаго служенія всѣмъ четыремъ, разсмотреннымъ выше, идеямъ, положеннымъ въ основу новаго суда, безъ каковаго служенія со стороны массы судебныхъ дѣятелей не могутъ быть достигнуты судебною реформою намѣченныя для нея законодателемъ благотворныя цѣли.

Но если при введеніи этой реформы русское общество не могло выдѣлить изъ себя достаточное количество общественныхъ дѣятелей, вполнѣ готовыхъ къ многотрудной службѣ на разныхъ должностяхъ судебнаго вѣдомства, то, быть можетъ, истекшій тридцатилѣтній періодъ существованія новаго суда заключалъ въ себѣ благопріятныя условія для развитія указаннаго типа судебныхъ дѣятелей и въ настоящее время такой типъ преобладаетъ въ судебномъ вѣдомствѣ?

Отвѣтомъ на изложенные вопросы приходится констатировать такія печальныя явленія въ службѣ по судебному вѣдомству, что мы могли бы колебаться высказать этотъ отвѣтъ изъ боязни обвиненія въ преувеличеніи, еслибы означенныя явленія не были офиціально признаны настоящимъ главою судебнаго вѣдомства. Вотъ

что говоритъ по означенному предмету Министръ Юстиціи въ своемъ вступительномъ сообщеніи, обращенномъ къ коммисіи для пересмотра законоположеній по судебной части:

„....Обстановка, обстоятельства, условія, среди которыхъ онъ (нашъ судебный персоналъ) дѣйствуетъ, съ каждымъ годомъ становится все неблагопріятнѣе, и въ немъ самомъ, отчасти подъ внѣшними вліяніями, отчасти и по внутренней недозрѣлости, начинаютъ прокрадываться тревожныя черты. Духъ, бодрость подаютъ—идеалы оскудѣваютъ, ремесленичество растетъ, интересъ къ знанію ослабѣваетъ; развитіе въ застоѣ, а тутъ же рядомъ надвигается имущественная нужда, почти нищета, съ ея безысходнымъ гнетомъ.

Еще одинъ, другой десятокъ лѣтъ, еще нѣсколько шаговъ въ томъ же направленіи—и трудно предугадать, къ чему приведетъ это движеніе: во всякомъ случаѣ не вверхъ, а внизъ и въ сторону. Какъ бы то ни было, хорошаго здѣсь ждать нечего и равнодушно относиться къ этому нельзя уже по одному тому, что неокрѣпшее, недавно созданное судебное сословіе, еще не успѣвшее выработать традицій, есть растеніе, требующее свѣта, воздуха и самаго тщательнаго ухода. А вѣдь каковы судьи, таковъ и судъ“...

Такимъ образомъ въ прожитые новымъ судомъ тридцать лѣтъ судебное сословіе не только еще не окрѣпло и не успѣло выработать традицій, но въ немъ самомъ, подъ внѣшними вліяніями и по внутренней недозрѣлости, прокрадываются тревожныя черты, какъ то: упадокъ духа и бодрости, оскудѣніе идеалами, ростъ ремесленничества, ослабѣніе интереса къ знанію и проч.

Но что же именно до сего времени препятствовало судебному сословію окрѣпнуть, выработать традиціи и внутренно дозрѣть? Какія внѣшнія вліянія направляютъ его къ упадку, выражающемуся оскудѣніемъ идеаловъ, ослабѣваніемъ интереса къ знанію и т. п? Едвали всю вину въ этомъ возможно свалить на современные недостатки судопроизводственныхъ формъ, несовершенство уголовныхъ и гражданскихъ законовъ и несомнѣнную недостаточность получаемыхъ судебными чинами окладовъ жалованья. Безспорно, что все это должно отражаться на успѣхѣ дѣятельности новаго суда и понижать нормальный уровень ея, но не можетъ вести къ упадку самое судебное сословіе и къ вырожденію необходимѣйшихъ для него качествъ: энергіи, интереса къ знанію и надлежащаго стрем-

ленія удовлетворять своею дѣятельностью требованіямъ законодателя на почвѣ служенія положеннымъ въ основу новаго суда идеямъ.

Тормозя служебную дѣятельность чиновъ судебнаго вѣдомства, указанныя неблагопріятныя условія вызываютъ въ тоже время на борьбу съ ними, каковая борьба, обыкновенно закаливающая человѣка, а не растлѣвающая его, вполнѣ возможна, хотя нельзя сказать, что бы она всегда или даже часто оканчивалась побѣдою борящагося. Но, вѣдь, необходимѣйшее качество достойнаго общественнаго дѣятеля и его характерное отличіе отъ другихъ—въ томъ и заключается, что онъ не въ состояніи мириться съ приносящими вредъ общественнымъ интересамъ—явленіями и идти на компромиссы даже и въ томъ случаѣ, когда впередъ извѣстно, что борьба съ этими явленіями не будетъ имѣть успѣха. Хотя такіе общественные дѣятели, къ стыду современнаго общества, получаютъ въ немъ прозвище „донъ—кихотовъ“, но нѣтъ сомнѣнія, что только тѣ общества жизненны и способны къ прогрессу, въ которыхъ нарождаются подобные донъ кихоты, дѣятельность коихъ вноситъ свѣтъ въ темное царство неправды, произвола и кумовства, до сихъ поръ повсюду господствующихъ въ нашемъ обществѣ.

Мнѣ скажутъ, что певсегда борьба съ неблагопріятными условіями службы, порождаемыми несовершенствомъ законовъ и недостатками въ нихъ, возможна для рядоваго судебнаго дѣятеля и что нерѣдко матеріальная нужда и гнетъ ея доходятъ до того предѣла, при которомъ становится совершенно непосильною борьба съ ними. Конечно, съ этими несомнѣнными истинами тоже надо считаться. Но тамъ, гдѣ сила обстоятельствъ полагаетъ предѣлъ энергіи рядовыхъ дѣятелей и стремленію ихъ устранить съ служебнаго пути встрѣченныя препятствія,—тамъ открывается поле дѣятельности для высшихъ учрежденій вѣдомства, уполномоченныхъ закономъ управлять рядовыми дѣятелями и направлять ихъ путемъ указанія, разъясненія и толкованія закона. Такими учрежденіями въ судебномъ вѣдомствѣ являются центральное управленіе министерства юстиціи и кассаціонные департаменты правительствующаго сената.

Съ полною увѣренностью можно сказать, что между бывшими и настоящими дѣятелями новаго суда не найдется такого, который свое ознакомленіе съ дѣйствующими судопроизводственными, уго-

ловными и гражданскими законами совершилъ бы безъ помощи кассаціонныхъ рѣшеній сената и въ своей практической дѣятельности, при постоянно возникающихъ у юриста—практика недоразумѣніяхъ по примѣненію закона, не черпалъ бы необходимыхъ свѣдѣній изъ названнаго источника мудраго толкованія и разъясненія законовъ. Но это—лицевая сторона дѣятельности нашего высшаго кассаціоннаго суда. Какъ извѣстно, она имѣетъ и обратную сторону, заключающуюся во множествѣ крайне разнорѣчиво изъясняющихъ законъ кассаціонныхъ рѣшеній и существованіе которой также вліяетъ на ходъ дѣла правосудія, но такое вліяніе крайне нежелательное, однакоже до сего времени не устраненное. Причины этого явленія болѣе или менѣе общеизвѣстны. Они, главнымъ образомъ, заключаются: во 1-хъ) въ крайней трудности, подчасъ даже невозможности, для кассаціоннаго суда, при толкованіи по извѣстному дѣлу закона, уберечься отъ подчиненія этого толкованія и основываемаго на немъ рѣшенія по дѣлу—требованіямъ существа его, каковое подчиненіе, по теоріи, противно природѣ кассаціи,—во 2-хъ) въ такомъ значительномъ количествѣ приходящихся на каждаго сенатора—докладчика—дѣлъ, которое не оставляетъ ему достаточно времени на тщательную обработку кассаціонныхъ рѣшеній и на согласованіе заключающихся въ нихъ разъясненій закона съ прежде состоявшимися кассаціонными разъясненіями его, и въ 3-хъ) въ невозможности, въ силу того же несоотвѣтствія количества означенныхъ дѣлъ—числу засѣдающихъ въ помянутыхъ департаментахъ сенаторовъ, принимать участіе въ засѣданіяхъ надлежащему численному составу ихъ, могущему вполнѣ обезпечить коллегіалное разрѣшеніе докладываемыхъ дѣлъ. Все это, вмѣстѣ взятое, и привело къ существованію и возможному появленію въ будущемъ многихъ кассаціонныхъ рѣшеній сената, съ діаметрально противоположными разъясненіями закона. Неговоря уже о томъ, что такія явленія подрываютъ довѣріе общества къ суду, необходимо признать, что они оказываютъ крайне вредное вліяніе и на самихъ судебныхъ дѣятелей, отучая ихъ отъ недопускающей произвольнаго толкованія закона—осторожности въ примѣненіи его.

Но если дѣятельность кассаціонныхъ департаментовъ сената, по обязательному для общаго руководства разъясненію и толкованію законовъ, оказала и оказываетъ большое вліяніе на успѣхъ

отправленія правосудія въ новыхъ судахъ, то дѣятельность центральнаго управленія министерства юстиціи должна имѣть на это несравненно большее вліяніе.

Выше было уже говорено объ исключительной трудности современной службы по судебному вѣдомству и о томъ, что она можетъ быть надлежащею лишь при условіи самоотверженности служащаго, которой присуща приподнятость духовныхъ силъ его, способная вызывать на постоянную чрезмѣрную работу и дающая силы переносить всевозможныя лишенія и жизненныя передряги, выпадающія на долю судебнаго дѣятеля. Но духовныя силы человѣка, такъ же какъ и физическія, имѣютъ свой предѣлъ, наступающій тѣмъ раньше, чѣмъ неблагопріятнѣе условія человѣческой дѣятельности. Съ наступленіемъ же такого предѣла—конецъ и плодотворности этой дѣятельности. Если же духовныя и физическія силы будутъ тратиться дѣятелемъ не на самое, порученное ему, дѣло, а на мелочную борьбу съ препятствіями исполнять его, то благихъ результатовъ отъ такой службы и совсѣмъ никогда не будетъ. Понятно, поэтому, какъ необходимо поставить судебныхъ дѣятелей всѣхъ поприщъ и категорій въ самыя благопріятныя условія и постоянно устранять съ ихъ дороги—все, вызывающее на не входящую въ кругъ ихъ обязанностей борьбу съ чѣмъ либо, препятствующую достиженію намѣченныхъ законодателемъ для судебной службы—цѣлей. Вотъ, забота о такихъ благопріятныхъ условіяхъ для службы агентовъ суда и объ устраненіи всего, ей препятствующаго, и должна составлять преимущественную задачу дѣятельности центральнаго управленія министерства юстиціи, главнѣйшія черты каковой дѣятельности должны быть слѣдующія: надлежащая организація подготовки къ судебной службѣ вступающихъ въ вѣдомство молодыхъ людей; цѣлесообразная система назначенія ихъ на должности и дальнѣйшаго движенія по службѣ, безъ малѣйшаго отступленія отъ этой системы въ угоду стороннимъ вліяніямъ, основаннымъ на родовитости, связахъ, богатствѣ, воспитывающей дѣятелей—той, а не другой школѣ и проч.; надлежащее осуществленіе надзора за дѣятельностью всѣхъ судебныхъ учрежденій и должностныхъ лицъ, начиная съ самыхъ высшихъ и кончая самыми низшими въ вѣдомствѣ; закономъ допущенное поощреніе высоконесущихъ служебное знамя дѣятелей; существенная поддержка и помощь

ослабѣвающимъ и изнемогающимъ отъ неблагопріятныхъ житейскихъ и служебныхъ условій дѣятельности; неуклонное привлеченіе къ законной отвѣтственности заслужившихъ этого преступныхъ и нерадивыхъ дѣятелей; способствованіе всѣми возможными мѣрами развитію въ чинахъ судебнаго вѣдомства чувства долга и необходимой—какъ служебной, такъ и внѣслужебной порядочности, долженствующей отличать судебнаго дѣятеля; искорененіе прислужничества и наушничества, какъ средствъ для сведенія личныхъ счетовъ съ недругами и для собственнаго возвышенія по службѣ; преслѣдованіе кумовства и непотизма; неукоснительное удаленіе съ высшихъ въ судебныхъ учрежденіяхъ должностей, требующихъ административныхъ способностей и самой высокой нравственности,—лицъ, неудовлетворяющихъ этимъ требованіямъ, и осторожный выборъ замѣстителей таковыхъ должностей; распредѣленіе весьма значительныхъ отъ смѣтныхъ назначеній по вѣдомству денежныхъ остатковъ—въ пособіе самымъ нуждающимся чинамъ вѣдомства и, притомъ, въ строго соотвѣтствующихъ нуждѣ размѣрахъ; зоркое наблюденіе за соотвѣтствіемъ нормирующихъ судебную дѣятельность законовъ—требованіямъ, предъявляемымъ къ нимъ цѣлями правосудія, и принятіе надлежащихъ мѣръ къ осуществленію необходимыхъ измѣненій въ помянутыхъ законахъ,—и, наконецъ, безкорыстная защита интересовъ судебнаго вѣдомства повсюду и всегда, когда вызывается въ семъ надобность: будетъ ли то необходимость въ огражденіи кого либо изъ чиновъ судебнаго вѣдомства отъ вызванныхъ надлежащею служебною дѣятельностью этого чина—козней и вражды сильныхъ міра сего, или же необходимость въ отстаиваніи принциповъ законности и правоваго порядка на всякой иной почвѣ дѣятельности.

Успѣшное достиженіе цѣлей, преслѣдуемыхъ каждою изъ указанныхъ выше отраслей управленія судебною частью, дѣло многотрудное, за то въ высшей степени плодотворное, ведущее къ благимъ результатамъ, обусловливающимъ возможность надлежащаго отправленія правосудія въ государствѣ.

Но верховною властью признано, что дѣятельность новыхъ судовъ за прожитый ими тридцатилѣтній періодъ времени неудовлетворяетъ предъявленнымъ къ нимъ законодателемъ требованіямъ и что для того, „чтобы наконецъ дѣйствительное правосудіе царило

въ Россіи"., необходимъ всесторонній пересмотръ судебныхъ уставовъ, для котораго и назначена особая коммисія.

Однакоже для того, чтобы создать благопріятныя условія для надлежащаго отправленія правосудія, прежде всего необходимо привести въ извѣстность всѣ, до одной, причины, препятствующія ему совершаться, и затѣмъ уже устранить эти причины соотвѣтствующими мѣрами.

Поэтому вопросами, которые надлежитъ разрѣшить первыми при выполненіи законодательныхъ работъ по реформированію судебной части, должны быть признаны слѣдующіе: насколько удовлетворительна была за тридцатилѣтній періодъ существованія судебныхъ уставовъ дѣятельность каждаго изъ учрежденій судебнаго вѣдомства, начиная съ центральнаго управленія и кончая низшимъ; упражнялась ли надлежащимъ образомъ эта дѣятельность во всѣхъ отрасляхъ дѣла и если были въ этомъ отношеніи недочеты и уклоненія въ сторону, то какіе именно, чѣмъ они были вызваны и къ какимъ именно результатамъ привели, а также какими мѣрами возможно достигнуть того, чтобы означенная дѣятельность являлась нормальною; въ какихъ стадіяхъ уголовнаго и гражданскаго процесса проявляется неудовлетворительность въ судопроизводствѣ; насколько эта неудовлетворительность зависитъ отъ несовершенства нормирующихъ его законовъ, и какихъ именно, и насколько она является результатомъ существующихъ въ вѣдомствѣ распорядковъ, обычаевъ и системъ, выборъ и созданіе которыхъ законодатель предоставилъ или самимъ судебнымъ учрежденіямъ или центральному управленію судебною частью, а также какими законоположеніями, распорядками, обычаями и системами надлежитъ замѣнить оказавшіеся неудовлетворительными.

Отвѣтами на эти вопросы можетъ быть, напримѣръ, признано, что порядками, обусловливающими неудовлетворительность въ производствѣ уголовныхъ дѣлъ, являются существующіе система практической подготовки начинающихъ службу лицъ къ исполненію обязанностей судебнаго слѣдователя и товарища прокурора и порядокъ замѣщенія этихъ должностей, а также система, по которой совершается дальнѣйшее движеніе по службѣ съ означенныхъ должностей; затѣмъ къ такимъ неудовлетворительнымъ порядкамъ могутъ быть отнесены и существующія системы выбора и назначенія

на должности членовъ окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ и система представленія судей къ наградамъ и повышеніямъ по службѣ, и многіе другіе порядки, водворенные въ судебное вѣдомство тѣмъ или другимъ бывшимъ министерскимъ режимомъ.

Законами же, обусловливающими неудовлетворительность въ производствѣ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлъ и мѣшающими надлежащему отправленію правосудія, могутъ, при разрѣшеніи изложенныхъ выше вопросовъ, оказаться—тѣ, кои изданы въ измѣненіе и дополненіе судебныхъ уставовъ въ разное время 30-ти лѣтняго періода существованія ихъ.

Между тѣмъ большая часть судебныхъ и иныхъ дѣятелей означеннаго, истекшаго, періода времени, въ который, согласно съ мнѣніями и взглядами этихъ дѣятелей, создались помянутые порядки и были выработаны указанные законы, еще живы, вліятельны и продолжаютъ держаться тѣхъ же мнѣній и взглядовъ. У нихъ несомнѣнно найдуться и въ рядахъ современныхъ дѣятелей единомышленники и послѣдователи, которые будутъ, конечно, проводить свои воззрѣнія въ сферѣ предпринятыхъ работъ по реформѣ судебной части и содѣйствовать осуществленію этой реформы въ желательномъ, для ихъ взглядовъ, направленіи, солидарномъ съ создавшимъ для судебнаго вѣдомства не мало такихъ порядковъ и дополнительныхъ къ судебнымъ уставамъ законовъ, упразднить кои необходимо для того, „чтобы наконецъ дѣйствительное правосудіе царило въ Россіи“.

Мы, конечно, далеки отъ мысли, что производящійся нынѣ пересмотръ судебныхъ уставовъ не приведетъ къ указанію на необходимость измѣненія въ нихъ и такихъ законоположеній, которыя вошли въ первоначальный текстъ этихъ уставовъ. Несомнѣнно, что такихъ законоположеній найдется не мало, какъ, вѣроятно, не мало найдется и подлежащихъ заполненію пробѣловъ въ судопроизводственныхъ законахъ. Мы только отмѣчаемъ фактъ несомнѣнной зависимости современнаго состоянія судебной части отъ характера дѣятельности, за истекшій 30-ти лѣтній періодъ времени, личнаго состава чиновъ судебнаго вѣдомства и, въ особенности, отъ дѣятельности тѣхъ изъ этихъ чиновъ, на коихъ возложено закономъ руководство другими и созданіе въ вѣдомствѣ порядковъ и традицій, долженствующихъ содѣйствовать надлежащему отпра-

вленію правосудія. Не находимъ мы также справедливымъ утверждать, что въ дѣятельности этихъ руководителей не было своихъ хорошихъ сторонъ. Напротивъ, несомнѣнно, что каждый министерскій режимъ имѣлъ такія хорошія стороны и оказалъ заслуги судебному дѣлу. Но такъ какъ человѣческая дѣятельность неможетъ быть совершенной, то крайне многотрудное и разнообразное дѣло управленія такимъ вѣдомоствомъ, какъ судебное, не могло быть поставлено вполнѣ безукоризненно въ первые же годы дѣйствія судебныхъ уставовъ. Въ этомъ новомъ дѣлѣ неминуемы были промахи и ошибки, на которые однакоже неслѣдуетъ закрывать глаза, при исполненіи высочайшей воли относительно искорененія причинъ, мѣшающихъ правосудію царствовать въ Россіи. Успѣхъ же такого искорененія вполнѣ зависитъ отъ полнаго безпристрастія занимающихся имъ лицъ и умѣлости ихъ разобраться во всѣхъ явленіяхъ судебной жизни за истекшее время дѣйствія судебныхъ уставовъ и найти въ этихъ явленіяхъ указанія на дѣйствительныя причины, служащія помѣхою отправленію правосудія.

Такимъ образомъ условія, среди которыхъ приходится дѣйствовать участникамъ въ нынѣшнихъ законодательныхъ работахъ по преобразованію судебной части, отличаются отъ условій дѣятельности реформаторовъ 60-хъ годовъ—именно тѣмъ, что первые дѣятели должны столкнуться въ своей дѣятельности съ невстрѣченною послѣдними опасностью уязвить свое или чужое самолюбіе справедливымъ признаніемъ, что тѣ или другіе причины подлежащихъ устраненію реформами нежелательныхъ явленій коренятся въ дѣйствіяхъ или въ общемъ направленіи извѣстной дѣятельности—несошедшихъ еще съ жизненнаго поприща дѣятелей, а можетъ быть и нѣкоторыхъ изъ нихъ, участниковъ въ нынѣшнихъ работахъ по реформѣ судебной части.

Но это, одно изъ неблагопріятныхъ, условіе производящагося пересмотра судебныхъ уставовъ вполнѣ, конечно, уравновѣшивается несомнѣнно присущимъ каждому дѣятелю означеннаго пересмотра—сознаніемъ своего долга передъ отечествомъ содѣйствовать надлежащей постановкѣ судебнаго дѣла въ Имперіи. Особенный же противовѣсъ всякому увлеченію въ столь важномъ дѣлѣ и отклоненію его съ истиннаго пути надлежитъ усматривать въ томъ, что оно возникло по всеподданѣйшему докладу самаго главы судебнаго вѣ-

домоства и энергично ведется подъ его непосредственнымъ руководствомъ, съ первыхъ же дней управленія имъ судебнымъ вѣдомоствомъ, что̀ свидѣтельствуетъ о нежеланіи вести дѣло управленія при существующихъ неблагопріятныхъ условіяхъ и о стремленіи создать, вмѣсто нихъ, такія, которыя содѣйствовали бы надлежащему отправленію правосудія въ Россіи.

Все изложенное даетъ понять, почему русское общество съ величайшимъ вниманіемъ слѣдитъ за дѣятельностью Высочайше утвержденной коммисіи для пересмотра законоположеній по судебной части и съ нетерпѣніемъ ждетъ окончательныхъ результатовъ этой дѣятельности. Но такъ какъ такіе результаты могутъ быть общественнымъ достояніемъ лишь въ будущемъ, то въ настоящее время обращается вниманіе на все, сколько нибудь могущее служить указаніемъ, въ какомъ направленіи ведутся работы коммисіи и въ чемъ именно выразится ожидаемая судебная реформа.

При этомъ непропускается безъ вниманія ни одна появляющаяся въ печати статья, посвященная предстоящей судебной реформѣ, особенно если авторомъ статьи является кто либо изъ участниковъ въ производящемся пересмотрѣ судебныхъ уставовъ или лицо, въ какомъ либо отношеніи близкое къ сему дѣлу.

Такихъ статей появляется однакоже весьма не много,—за то двѣ изъ нихъ возбудили много разговоровъ о себѣ.

Статьи эти: „О судѣ присяжныхъ. Вопросъ о его реорганизаціи“, принадлежащая перу В. Ф. Дейтрихъ и помѣщенная въ 6-й книгѣ „Журнала Министерства Юстиціи“ за 1885 г., и „Преданіе суду въ настоящее время и возможная постановка его въ будущемъ“, написанная И. В. Мѣщаниновымъ и напечатанная въ 3-й книгѣ „Журнала Юридическаго Общества“ за тотъ же годъ.

Первый авторъ, г. Дейтрихъ, принимаетъ непосредственное участіе въ работахъ помянутой коммисіи, по третьему ея отдѣлу, которому порученъ пересмотръ уголовнаго судопроизводства, а служебная дѣятельность втораго, г. Мѣщанинова, направлена къ собранію, чрезъ осмотръ дѣлопроизводства въ мѣстныхъ судебныхъ учрежденіяхъ, необходимыхъ для работъ той же коммисіи свѣдѣній.

Только такою прикосновенностью названныхъ авторовъ къ дѣлу пересмотра судебныхъ уставовъ объясняется сенсація, произведенная въ обществѣ помянутыми статьями, затронувшими вопросъ

о реорганизаціи столь важныхъ основъ уголовнаго судопроизводства, какъ существующій институтъ суда присяжныхъ и дѣйствующій нынѣ порядокъ преданія уголовному суду, ибо, по нашему мнѣнію, которое мы надѣемся доказать, серьезностью разработки своихъ темъ и убѣдительностью выводовъ, къ коимъ г.г. Дейтрихъ и Мѣщаниновъ приходятъ и приводятъ читателей, означенныя статьи не отличаются.

II.

Обратимся къ статьѣ г. Дейтрихъ.

Этотъ авторъ приступаетъ къ исполненію своей задачи признаніемъ за русскимъ судомъ присяжныхъ несомнѣнныхъ достоинствъ и заслугъ и видитъ такія заслуги во 1-хъ) въ томъ, что „присяжные внесли въ отправленіе правосудія независимость, безъ которой никакой правильно функціонирующій судъ существовать не можетъ“,—во 2-хъ) въ томъ, что, „благодаря присяжнымъ пала теорія формальныхъ доказательствъ, надѣлавшая столько вреда дѣлу правосудія, и уступила мѣсто свободной, по совѣсти, оцѣнкѣ доказательствъ виновности подсудимаго“—и въ 3-хъ) въ томъ, что контроль общества, проявившійся въ лицѣ его представителей—присяжныхъ засѣдателей за дѣятельностью слѣдственныхъ органовъ, уничтожилъ и отослалъ въ область преданій всѣ злоупотребленія по предварительному собранію доказательствъ виновности обвиняемаго [1].

Указавъ на эти заслуги суда присяжныхъ, г. Дейтрихъ высказалъ, что ихъ вполнѣ достаточно для желанія сохранить названный судъ въ главныхъ существенныхъ чертахъ. Но, вслѣдъ затѣмъ, авторъ разбираемой статьи находитъ, что судъ присяжныхъ болѣетъ такими капитальнѣйшими недостатками, которые, если они небудутъ своевременно устранены, должны привести его къ гибели и повсемѣстному упраздненію [2]. Предлагаемый же г. Дейтрихъ проектъ устраненія усматриваемыхъ имъ недостатковъ суда присяжныхъ заключается ни въ чемъ иномъ, какъ въ упраздненіи его и замѣнѣ

---

[1]) Стр. 2—3.

[2]) Тамъ же.

судомъ правительственнымъ, съ участіемъ представителей общества. Это преобразованіе должно заключаться въ слѣдующемъ: надлежитъ соединить коронныхъ судей съ присяжными засѣдателями въ одномъ общемъ присутствіи, предоставивъ послѣднему разрѣшать какъ вопросы о виновности, такъ и вопросы о примѣненіи къ подсудимому наказанія; присутствія такія образовать изъ девяти присяжныхъ и трехъ коронныхъ судей, въ числѣ коихъ долженъ находится коронный предсѣдатель суда, въ качествѣ предсѣдателя означеннаго присутствія. „И получимъ", говоритъ г. Дейтрихъ [1], „вмѣсто нынѣ существующаго суда присяжныхъ съ участіемъ суда правительственнаго—судъ правительственный съ участіемъ представителей общества. Этотъ судъ уже несомнѣнно будетъ носить совершенно иной характеръ....."

Такимъ образомъ высказанное названнымъ авторомъ желаніе сохранить судъ присяжныхъ въ главнѣйшихъ чертахъ, въ виду заслугъ его, есть pia desideria, неподлежащее выполненію, ибо о какомъ же сохраненіи этого суда можетъ идти рѣчь, когда самое названіе его, какъ несоотвѣтствующее существу проектируемаго, вмѣсто него, суда, приходится отбросить и замѣнить другимъ и, притомъ, такимъ, подъ которымъ „этотъ судъ уже несомнѣнно будетъ носить совершенно иной характеръ."

Однако въ чемъ же заключаются капитальнѣйшіе недостатки суда присяжныхъ, требующіе проектируемой г. Дейтрихъ реорганизаціи послѣдняго? Мы, конечно, въ правѣ ожидать, что они вытекаютъ изъ самой природы названнаго суда, а не являются внѣшними, посторонними ему, могущими быть устраненными безъ всякой реорганизаціи института суда присяжныхъ.

Обратимся же къ этимъ, указаннымъ г. Дейтрихъ, недостаткамъ.

Первымъ изъ нихъ, бросающимся въ глаза „всякому внимательному и непредубѣжденному наблюдателю", г. Дейтрихъ признаетъ „полную безпомощность и неспособность присяжныхъ справиться съ слѣдственнымъ матеріаломъ въ сложныхъ и запутанныхъ процессахъ", [2] при чемъ цитируемый авторъ дѣлаетъ оговорку, что

---

[1]) Стр. 19-я.
[2]) Стр. 3-я.

онъ говоритъ не объ исключительныхъ составахъ присяжныхъ, а о среднихъ. Доказательствомъ же такой безпомощности служатъ, по его мнѣнію, неожиданные, для коронныхъ судей, оправдательные приговора, при полной доказанности обвиненія, по такимъ, напримѣръ, сложнымъ дѣламъ, какъ дѣла о хищеніяхъ въ Кронштадскомъ и Саратовско-Симбирскомъ банкахъ, ибо, говоритъ г. Дейтрихъ, [1] „вѣдь нельзя же предположить, чтобы присяжные, осудившіе вора, укравшаго старые сапоги, наканунѣ, — на другой день по дѣламъ какихъ либо Кронштадскаго или Саратовско-Симбирскаго банковъ, по коимъ было вполнѣ доказано расхищеніе десятковъ милліоновъ рублей, вынесли оправдательные вердикты лишь потому, что считали заправилъ этихъ банковъ неотвѣтственными за совершенныя ими хищенія! Неправдоподобнѣе ли заключить, что такія оправданія произошли только отъ того, что присяжные засѣдатели не могли разобраться въ массѣ слѣдственнаго матеріала и отличить *дѣйствительно виновныхъ отъ попавшихъ на скамью подсудимыхъ лишь вслѣдствіе довѣрія своего къ главнымъ заправиламъ банка?*“

Высказавъ изложенное, г. Дейтрихъ не обратилъ вниманія на то, что въ его собственныхъ, вышеприведенныхъ, словахъ заключается указаніе еще на третью, кромѣ имъ указанныхъ двухъ, причину, которая могла вынудить у присяжныхъ засѣдателей оправдательные вердикты по дѣламъ о хищеніяхъ изъ названныхъ банковъ. Если, какъ онъ утверждаетъ, на скамьѣ подсудимыхъ по означеннымъ дѣламъ сидѣли не только „дѣйствительно виновные“, но и „попавшіе на нее лишь вслѣдствіе довѣрія своего къ главнымъ заправиламъ банка,“ то нисколько неудивительно, что присяжные засѣдатели оправдали всѣхъ подсудимыхъ. Очевидно ихъ привела къ этому масса того самаго противорѣчиваго слѣдственнаго матеріала, въ которомъ не могли должнымъ образомъ разобраться слѣдственная и прокурорская власти и обвинительная камера, не отличившія „дѣйствительно виновныхъ“ въ хищеніяхъ банковскихъ денегъ отъ легковѣрныхъ, посаженныхъ на скамью подсудимыхъ и преданныхъ суду безъ „дѣйствительной своей вины“. Такимъ образомъ оправдательные вердикты по означеннымъ дѣламъ могли быть постановлены

[1]) Стр. 6—7.

по причинѣ неудовлетворительности слѣдственнаго производства, неустановившаго, кто дѣйствительно виновенъ въ хищеніяхъ. Опасаясь обвинить съ дѣйствительно виновными—упражнявшихъ лишь одно довѣріе къ заправиламъ банковъ, присяжные нашли единственный, въ этомъ положеніи возможный, выходъ изъ затрудѣнія: оправдать всѣхъ сидѣвшихъ на скамьѣ подсудимыхъ лицъ.

Не думаемъ, чтобы указываемая нами причина постановленія означенныхъ оправдательныхъ приговоровъ могла быть признана менѣе вѣроятной—выставленныхъ г. Дейтрихъ и заключающихся въ безпомощности присяжныхъ и неспособности ихъ дѣлать свое дѣло, или же въ признаніи ими заправилъ банковъ виновными въ хищеніи, но не подлежащими отвѣтственности. Тѣмъ не менѣе мы далеки отъ намѣренія утверждать, что помянутые оправдательные приговора присяжныхъ послѣдовали именно по приведенному нами основанію, вытекающему изъ словъ самаго же г. Дейтрихъ. Для того, чтобы знать, что привело присяжныхъ къ оправданію подсудимыхъ по какому либо дѣлу, необходимо самому участвовать въ постановленіи послѣдовавшаго по нему вердикта присяжныхъ. Дѣлая же выводъ изъ словъ г. Дейтрихъ относительно неудовлетворительности предварительныхъ слѣдствій по дѣламъ Кронштадтскаго и Саратовско-Симбирскаго банковъ, какъ причины послѣдовавшихъ по нимъ оправдательныхъ приговоровъ, мы имѣли намѣреніе обратить вниманіе читателей на очевидную несостоятельность доводовъ, приводимыхъ названнымъ авторомъ въ качествѣ основаній для его проекта реорганизаціи суда присяжныхъ.

Построивъ на такомъ шаткомъ основаніи, какъ свое мнѣніе о причинѣ оправданія присяжными подсудимыхъ по двумъ вышеуказаннымъ дѣламъ,—то положеніе, что „среднему составу“ присяжныхъ засѣдателей присуща полная безпомощность и неспособность справиться съ слѣдственнымъ матеріаломъ въ сложныхъ и запутанныхъ процессахъ,—г. Дейтрихъ утверждаетъ, что происходитъ такая безпомощность и неспособность прежде всего отъ неимѣнія присяжными „навыка“ и „ремесленной сноровки“ въ обращеніи съ судебными доказательствами и что „совершенно не правы тѣ, которые утверждаютъ, что для постановленія правильнаго приговора достаточно обладать однимъ здравымъ житейскимъ смысломъ и что

профессіональный навыкъ въ обращеніи съ судебными доказательствами только вреденъ для судьи присяжнаго“ [1]....

Но если это такъ, если для постановленія правильнаго приговора необходимъ не столько здравый смыслъ присяжнаго засѣдателя, сколько „профессіональный навыкъ и ремесленная сноровка“ короннаго судьи, то зачѣмъ же было г. Дейтрихъ говорить въ началѣ своей статьи, что одна изъ главныхъ заслугъ суда присяжныхъ заключается въ свободной, по совѣсти, оцѣнкѣ доказательствъ виновности подсудимаго? Причемъ же такая оцѣнка, когда дѣло не въ ней, а въ „ремесленной сноровкѣ“ короннаго судьи обращаться съ доказательствами?

И что это за „ремесленная сноровка“ въ обращеніи съ судебными доказательствами? При существованіи теоріи формальныхъ доказательствъ, надѣлавшей, по справедливому замѣчанію г. Дейтрихъ, столько вреда дѣлу правосудія, такая ремесленная сноровка короннаго судьи могла пригодиться, упражняясь въ подсчитываніи числа доказательствъ, слагавшагося изъ полныхъ, половинныхъ и чуть ли не четвертныхъ. При свободной же оцѣнкѣ доказательствъ виновности подсудимаго, по совѣсти судьи, нужна, по нашему мнѣнію, не ремесленная сноровка, а способность средняго человѣка дѣлать по вопросу о виновности подсудимаго правильные выводы изъ сопоставленныхъ между собою, предлагаемыхъ судебнымъ слѣдствіемъ, фактовъ,—каковою способностью, какъ извѣстно, Господь-Богъ не обдѣлилъ и такого русскаго человѣка, который не учился въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и не пріобрѣталъ „ремесленной сноровки“ на должности короннаго судьи.

Объ этой способности къ дѣланію правильныхъ выводовъ упоминаетъ и г. Дейтрихъ, называя ее способностью систематизировать улики и говоря, что если кто ее не имѣетъ, то вынесенный имъ приговоръ будетъ носить въ себѣ элементъ случайности и, слѣдовательно, неосновательности [2]. Съ такимъ мнѣніемъ никто, конечно, спорить не будетъ. Безъ сомнѣнія, и между нашими соотечественниками и, притомъ, во всякой средѣ, неисключая, пожалуй, и среды пріобрѣтшихъ „ремесленный навыкъ„

---

[1]) Стр. 4-я.

[2]) Тамъ же.

коронныхъ судей, найдутся люди, обладающіе способностями ниже средняго уровня и которымъ будетъ не подъ силу справиться съ обязанностями судьи въ сложныхъ и запутанныхъ процессахъ. Но такіе люди составляютъ столь рѣдкое исключеніе, что его принимать въ расчетъ нѣтъ основанія. Если изрѣдка и попадетъ такой убогій въ составъ присяжныхъ засѣдателей, то одинадцать его сотрудниковъ несомнѣнно сдѣлаютъ свое дѣло, какъ слѣдуетъ.

Признавъ всѣхъ, кромѣ профессіональныхъ коронныхъ судей, неумѣлыми въ обращеніи съ судебными доказательствами и не привыкшими къ систематизаціи уликъ, г. Дейтрихъ къ этимъ, несомнѣннымъ для него, причинамъ усматриваемыхъ имъ безпомощности и неспособности присяжныхъ засѣдателей — присоединяетъ другія, какъ то: почти всегдашнее дурное чтеніе секретарями, въ судебныхъ засѣданіяхъ, обвинительныхъ актовъ, частое дурное составленіе послѣднихъ прокурорскимъ надзоромъ и, обыкновенно, не вносящее достаточно свѣта и ясности въ дѣло—напутственное слово предсѣдателя[1]. Словомъ, всѣмъ сестрамъ досталось по сергамъ, и, прибавимъ отъ себя, вполнѣ заслуженно.

По нашему мнѣнію, признаніе существованія этихъ недостатковъ въ уголовномъ процессѣ должно вести къ стремленію дѣйствовать прямо противъ нихъ, то есть: поставить секретарей суда, прокуроровъ и предсѣдателей—въ такія условія, которыя побудили бы первыхъ изъ нихъ прочитывать, какъ слѣдуетъ, въ судебныхъ засѣданіяхъ обвинительные акты, вторыхъ — хорошо составлять ихъ, а третьихъ—предсѣдателей—вносить своимъ напутственнымъ словомъ побольше свѣта и ясности въ дѣло.

Но г. Дейтрихъ поступаетъ не такъ. Вмѣсто сего, онъ находитъ необходимымъ замѣнить старшину присяжныхъ засѣдателей, при совѣщаніяхъ ихъ, предсѣдателемъ суда, такъ какъ, по мнѣнію названнаго автора, не только сами присяжные, но и старшина ихъ, въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, необладаетъ надлежащими качествами и „обладать не можетъ“; „онъ рѣдко обладаетъ опытомъ въ оцѣнкѣ и группировкѣ уликъ и еще рѣже—умѣньемъ руководить преніями“; къ тому же ему всегда не достаетъ предвари-

[1]) Стр. 4—5.

тельной подготовки по дѣлу [1]. Предсѣдатель же суда преніями своими съ присяжными все устроитъ: неясное выяснитъ, а ясное и безспорное не подвергнетъ излишнему обсужденію, оцѣнитъ улики и систематизируетъ ихъ [2].

Словомъ, выходитъ такъ: предсѣдатель постановитъ приговоръ, а присяжные засѣдатели, подавленные его превосходнымъ умѣньемъ выяснять неясное, оцѣнивать улики и систематизировать ихъ, согласятся на этотъ приговоръ.

Но тогда въ чемъ же будутъ проявляться тѣ, вносимыя присяжными засѣдателями въ отправленіе правосудія, независимость и свободная, по совѣсти, оцѣнка доказательствъ виновности подсудимаго, безъ которыхъ, по указанному выше мнѣнію самаго г. Дейтрихъ, „никакой правильно функціонирующій судъ существовать не можетъ“?

Убѣждая своихъ читателей, что отъ проектируемаго имъ расширенія обязанностей предсѣдателя суда, чрезъ введеніе этого представителя короннаго суда въ совѣщательную комнату присяжныхъ, „ничего дурнаго произойти не можетъ“, ибо „предсѣдатель суда—судья независимый и несмѣняемый, обязанный такъ же, какъ и присяжные, при исполненіи своихъ судейскихъ обязанностей по оцѣнкѣ уликъ, руководствоваться одною своею совѣстью“ [3],—г. Дейтрихъ совершенно упускаетъ изъ вида, что, возлагая на предсѣдателя суда обязанность преніями своими съ присяжными содѣйствовать постановленію ими правильнаго вердикта, онъ, г. Дейтрихъ, дѣлаетъ предсѣдателя отвѣтственнымъ за послѣдній. Всѣ тѣ, которые согласны съ г. Дейтрихъ, что, ведя въ совѣщательной комнатѣ пренія съ присяжными, предсѣдатель суда, выясняя имъ неясное, систематизируя и оцѣнивая улики, можетъ достигнуть постановленія правильнаго вердикта,—несомнѣнно обвинятъ предсѣдателя въ неспособности и неумѣньи руководить присяжными, если постановленный ими вердиктъ не будетъ соотвѣтствовать общимъ ожиданіямъ, или даже ожиданіямъ однихъ порицающихъ предсѣдателя лицъ, между коими могутъ находиться такіе, мнѣніе кото-

---

[1]) Стр. 6-я.
[2]) Стр. 8-я.
[3]) Стр. 7—8-я.

рыхъ можетъ оказать вліяніе не только на будущую карьеру, но и на настоящее служебное положеніе его.

Такимъ образомъ, проектируемое г. Дейтрихъ руководство со стороны предсѣдателя суда совѣщаніями присяжныхъ засѣдателей ставитъ этого предсѣдателя въ совершенно ложное положеніе, исключающее для него возможность спокойно, безпристрастно, по совѣсти исполнять какъ обязанности судьи, такъ и обязанности руководителя совѣщаніемъ другихъ судей.

Здѣсь мы считаемъ не лишнимъ остановить вниманіе читателя еще на одномъ доводѣ г. Дейтрихъ, которымъ онъ имѣетъ намѣреніе доказать необходимость руководства со стороны предсѣдателя суда совѣщаніями присяжныхъ засѣдателей. Названный авторъ говоритъ, что присяжные и, въ особенности, лицо, руководящее ихъ совѣщаніемъ, должны быть ознакомлены съ содержаніемъ дѣла еще до слушанія его въ судебномъ засѣданіи, безъ чего работа судьи, по мнѣнію г. Дейтрихъ, потеряетъ свою систематичность и полноту и постановляемый, при такихъ обстоятельствахъ, приговоръ будетъ непремѣнно страдать случайностью и неосновательностью [1].

Этотъ взглядъ на необходимость ознакомленія судьи съ содержаніемъ дѣла до судебнаго засѣданія идетъ въ разрѣзъ съ существующей практикой, установившейся и между коронными судьями, при разрѣшеніи ими дѣлъ безъ участія присяжныхъ засѣдателей. И коронные судьи, исключая предсѣдателя, знакомятся, при такомъ разрѣшеніи дѣла, съ его содержаніемъ лишь изъ прочтеннаго въ судебномъ засѣданіи обвинительнаго акта и данныхъ судебнаго слѣдствія. Основаніемъ для такой практики послужило то, вытекающее изъ существующаго закона и въ высшей степени необходимое для дѣла правосудія,—положеніе, что судья долженъ составлять свое мнѣніе о виновности или невиновности подсудимаго, руководствуясь одними данными судебнаго слѣдствія; все же остальное, бывшее предметомъ предварительнаго слѣдствія и не подтвердившееся на судебномъ, должно быть отброшено судьею въ сторону. А такъ какъ случаи, когда данныя предварительнаго слѣдствія не согласуются съ данными судебнаго, весьма нерѣдки,—меж-

[1] Стр. 4—5 и 6

ду тѣмъ отрѣшиться отъ впечатлѣнія, полученнаго при ознакомленіи съ предварительнымъ слѣдствіемъ, не всегда судьѣ удается, то у коронныхъ судей сложилось убѣжденіе, что для составленія надлежащаго мнѣнія о виновности подсудимаго лучше всего явиться судьѣ въ судебное засѣданіе совершенно свободнымъ отъ всякихъ свѣдѣній по дѣлу, предлагаемыхъ предварительнымъ слѣдствіемъ. Что же касается предсѣдателя суда, то онъ знакомится съ содержаніемъ дѣла до судебнаго засѣданія—для того, чтобы имѣть возможность вести судебное слѣдствіе въ соотвѣтствующемъ порядкѣ, руководить допросомъ свидѣтелей и другими дѣйствіями судебнаго слѣдствія, но никакъ не для руководства совѣщаніемъ судей по вопросу о виновности подсудимаго, при каковомъ совѣщаніи недолжно быть и рѣчи о томъ, что не подтвердилось на судебномъ слѣдствіи. Для того же, чтобы „работа судьи не теряла своей систматичности и полноты“, вполнѣ достаточно для него ознакомленія, въ судебномъ засѣданіи, съ содержаніемъ дѣла по обстоятельно составленному обвинительному акту, чтеніе котораго секретаремъ „въ засѣданіи“ можетъ быть дополнено, по особенно сложнымъ дѣламъ, ближайшимъ ознакомленіемъ присяжныхъ засѣдателей съ этимъ актомъ въ ихъ совѣщательной комнатѣ, передъ производствомъ судебнаго слѣдствія.

Такимъ образомъ и послѣдній, изъ вышеуказанныхъ, доводъ г. Дейтрихъ, направленный въ доказательство необходимости руководства со стороны предсѣдателя суда совѣщаніями присяжныхъ засѣдателей, совершенно не убѣдителенъ.

Предъявивъ къ присяжнымъ засѣдателямъ неосновательный упрекъ въ безпомощности и неспособности ихъ оцѣнивать и систематизировать улики, г. Дейтрихъ обращаетъ къ нимъ, затѣмъ, такое же неосновательное, но еще болѣе тяжкое обвиненіе „въ величайшей измѣнчивости рѣшеній, выражающейся въ неодинаковости репрессивной ихъ дѣятельности“ [1] и вытекающей изъ того, что присяжные засѣдатели не имѣютъ „своего опредѣленнаго постояннаго взгляда на природу преступленій“, который присущъ суду коронному. [2]

---

[1]) Стр. 9-я.

[2]) Стр. 17-я.

Это обвиненіе и самъ г. Дейтрихъ признаетъ „обвиненіемъ въ капитальнѣйшемъ недостаткѣ, которое только можетъ быть къ суду предъявлено“, и къ сему присовокупляетъ, что „судъ съ мѣняющимся воззрѣніемъ на природу преступленія, судъ, осуждающій сегодня однаго виновнаго и оправдывающій завтра при тѣхъ же условіяхъ другого, не можетъ быть признанъ здоровымъ.“ [1]

Да, если бы судъ присяжныхъ засѣдателей былъ такимъ, того дѣйствительно нельзя было бы признать здоровымъ. Но такъ какъ этотъ судъ цѣликомъ состоитъ изъ представителей русскаго общества и русскаго народа, то, предъявляя помянутое тяжкое обвиненіе къ суду присяжныхъ, не мѣшаетъ имѣть въ виду, что означенное обвиненіе падаетъ также на общество и народъ.

И дѣйствительно, обращенное г. Дейтрихъ къ суду присяжныхъ обвиненіе въ неимѣніи „своего опредѣленнаго постояннаго взгляда на природу преступленія“ есть въ сущности обвиненіе не только русскаго общества, но и всего русскаго народа, выдѣляющаго изъ себя главный контингентъ присяжныхъ засѣдателей, въ неимѣніи надлежащихъ, твердыхъ понятій о томъ, въ чемъ заключается зло и въ чемъ добро, гдѣ правда и гдѣ неправда, грубый произволъ и насиліе, какія дѣйствія составляютъ преступленія, караемыя закономъ, и какія не составляютъ,—словомъ, страшное обвиненіе въ недостаткѣ, равно присущемъ и дикой ордѣ азіатскихъ кочевниковъ и нравственно разлагающемуся обществу и народу, но не народу русскому, возникшія на почвѣ православія и свойственной ему нравственности—здравыя понятія котораго о природѣ зла и добра, правды и неправды, преступности и непреступности дѣйствій заслуженно считаются достаточно твердыми и незыблимыми, а не измѣнчивыми и страдающими непостоянствомъ. Не болѣе, конечно, основанія предъявлять такое обвиненіе и къ русскому обществу, въ средѣ котораго такъ-же, какъ и въ средѣ русскаго народа, несомнѣнно найдутся индивидуумы, растерявшіе на жизненномъ пути не только означенныя понятія, но и всякій стыдъ и совѣсть, или же родившіеся и выросшіе въ исключающей возможность существованія такихъ понятій—цыганской семьѣ и обстановкѣ. Но для того, чтобы недопустить подобныхъ неблагона-

[1]) Стр. 15-я.

дежныхъ людей въ составъ присяжныхъ засѣдателей, необходимо лишь установить для нихъ надлежащій цензъ, а не превращать судъ присяжныхъ въ „судъ правительственный, съ участіемъ въ немъ“, очевидно въ видахъ исключительно декоративныхъ, „представителей общества“.

Но г. Дейтрихъ, повидимому, инаго мнѣнія и о русскомъ обществѣ и о русскомъ народѣ, утверждая, что „среднему составу“ присяжныхъ засѣдателей чуждъ „опредѣленный постоянный взглядъ на природу преступленія“, доказательство чему названный авторъ усматриваетъ опять таки въ оправданіи присяжными подсудимыхъ по тѣмъ же дѣламъ о хищеніяхъ въ вышеназванныхъ банкахъ и другимъ дѣламъ, включая въ нихъ и дѣло Ольги Палемъ, убившей студента Довнара. При этомъ г. Дейтрихъ утверждаетъ, что шлиссельбургскіе присяжные засѣдатели едвали оправдали бы Ольгу Палемъ, какъ это сдѣлали петербургскіе [1]).

Намъ неизвѣстно, какъ поступили бы въ данномъ случаѣ шлиссельбургскіе присяжные, хотя съ большимъ вѣроятіемъ возможно предположить, что и они оправдали бы Палемъ по указанной ниже причинѣ. Но если бы присяжные засѣдатели г. Шлиссельбурга обвинили названную подсудимую при томъ положеніи дѣла о ней, при которомъ она была оправдана въ Петербургѣ, то поступили бы весьма неправильно и дурно, ибо нынѣ кассаціоннымъ рѣшеніемъ Сената по этому дѣлу вполнѣ установлено, что для выясненія и разрѣшенія вопроса о вмѣненіи Ольгѣ Палемъ въ вину совершеннаго ею убійства Довнара необходимо освидѣтельствованіе ея въ порядкѣ, установленномъ 353—356 ст. уст. угол. суд., каковое освидѣтельствованіе не было произведено. Поэтому дѣло о Палемъ обращено, по указанію Сената, къ дослѣдованію и сама Палемъ, насколько извѣстно, находится на испытаніи въ психіатрической больницѣ. Правда, оправданіе Ольги Палемъ судомъ, при доказанности факта совершеннаго ею убійства, явленіе ненормальное и крайне нежелательное, но оно было для суда присяжныхъ единственныхъ выходомъ изъ положенія, въ которое его поставила неудовлетворительность слѣдственнаго производства. Не могли же присяжные обвинить Ольгу Палемъ безъ выясненія, над-

---

[1]) Стр. 16-я.

лежащимъ освидѣтельствованіемъ, психическаго состоянія ея во время совершенія преступленія, когда самъ Сенатъ нынѣ призналъ необходимымъ это освидѣтельствованіе. Даже и въ случаѣ установленія производящимся въ настоящее время изслѣдованіемъ Ольги Палемъ полной вмѣняемости ея—обвиненіе названной подсудимой судомъ до такого изслѣдованія было бы нежелательнымъ, такъ какъ оно тогда оставило бы за собою сомнѣніе, что приговорена къ наказанію и наказана подлежавшая заключенію въ домъ умалишенныхъ.

Такимъ образомъ оправдавшіе Ольгу Палемъ петербургскіе присяжные засѣдатели заслужили этимъ своимъ вердиктомъ не порицаніе, а полное одобреніе и признаніе, что они въ разсматриваемомъ случаѣ исполнили свой, весьма не легкій, долгъ, тяжесть коего усугублялась ожиданіемъ несправедливыхъ нареканій, которыми нынѣ встрѣчаютъ почти каждый оправдательный вердиктъ суда присяжныхъ. Но, оправдывая Палемъ при такихъ условіяхъ, присяжные имѣли полное основаніе также ожидать, что истинный патріотизмъ лучшихъ русскихъ людей приведетъ послѣднихъ къ надлежащей оцѣнкѣ означеннаго оправдательнаго приговора и къ признанію невозможности постановленія по дѣлу Палемъ обвинительнаго вердикта, при указанной выше неполнотѣ слѣдствія. И въ такомъ своемъ ожиданіи присяжные засѣдатели не обманулись, въ чемъ ихъ должно убѣдить помянутое кассаціонное рѣшеніе Сената по дѣлу Ольги Палемъ.

Мы увѣрены, что при тщательномъ изслѣдованіи условій постановленія судомъ присяжныхъ каждаго изъ другихъ, указываемыхъ г. Дейтрихъ, оправдательныхъ вердиктовъ — точно также выяснится, что присяжные засѣдатели, оправдывая по всѣмъ этимъ дѣламъ подсудимыхъ, подчинялись необходимости, ничего общаго неимѣющей съ приписываемыми г. Дейтрихъ суду присяжныхъ безпомощностью и неспособностью оцѣнивать и систематизировать улики и отсутствіемъ у присяжныхъ засѣдателей постояннаго опредѣленнаго взгляда на природу преступленія.

Но, кромѣ указанія на постановленіе судомъ присяжныхъ помянутыхъ оправдательныхъ вердиктовъ, г. Дейтрихъ приводитъ еще два аргумента въ подтвержденіе того, что присяжные засѣдатели не имѣютъ своего постояннаго опредѣленнаго взгляда на при-

роду преступленія и, потому, постановляютъ случайные приговора, которыхъ никогда и никто предсказать не можетъ [1]).

Желая доказать это, г. Дейтрихъ говоритъ, что „въ судебной средѣ, по преимуществу адвокатской, выработался даже терминъ „сорвать дѣло“, означающій, что дѣло отложено слушаніемъ по какому нибудь пустому формальному поводу, безъ всякихъ серьезныхъ данныхъ, оправдываемыхъ обстоятельствами дѣла, а лишь потому, что составъ присяжныхъ засѣдателей оказывался неблагопріятнымъ для защиты или обвиненія“ [1]).

Но къ такому же неосновательному откладыванію слушаніемъ дѣла нерѣдко прибѣгаетъ которая либо изъ сторонъ и при слушаніи его коронным судомъ, безъ участія присяжныхъ засѣдателей, когда составъ коронныхъ судей, по мнѣнію добивающейся сего стороны, неблагопріятенъ для нея. Причинами какъ этого, такъ и указываемаго г. Дейтрихъ явленія служитъ не отсутствіе у присяжныхъ засѣдателей и коронныхъ судей постояннаго опредѣленнаго взгляда на природу преступленія, а то, что одни изъ присяжныхъ и судей отличаются мягкостью своихъ сужденій и приговоровъ, а другіе суровостью. Вѣроятно и г. Дейтрихъ извѣстны нерѣдкіе случаи, когда одно и тоже дѣло, вслѣдствіе кассаціи приговора, послѣдовательно, дважды, разрѣшалось двумя различными составами коронныхъ судей, безъ участія присяжныхъ засѣдателей, при чемъ изъ постановленныхъ приговоровъ—одинъ былъ оправдательный, а другой обвинительный. Такіе случаи объясняются индивидуализмомъ судьи, выражающимся въ присущихъ ему взглядахъ и міровоззрѣніи. Какъ бы г. Дейтрихъ не желалъ, а создать судъ, состоящій изъ судей, одинаково мыслящихъ, чувствующихъ и судящихъ, невозможно, да и нежелательно, ибо такой судъ своимъ формализмомъ дѣйствовалъ бы на общество угнетающимъ и развращающимъ образомъ.

Изъ того же индивидуализма судьи вытекаетъ и невозможность навѣрное предсказать, какой именно постановитъ, по извѣстному дѣлу, приговоръ судъ присяжныхъ или коронный судъ,—тѣмъ болѣе, что сужденіе о семъ лица, посторонняго рѣшающему дѣло

---

[1]) Стр. 15-я.

[2]) Стр. 16-я—17-я.

составу суда, никогда не будетъ проникнуто такою осторожностью и вдумчивостью, какою проникается сужденіе рѣшающаго дѣло судьи, ибо послѣдняго предостерегаетъ отъ уклоненія въ сторону неправильнаго сужденія—сознаніе имъ своей обязанности разрѣшить дѣло по совѣсти и мѣрѣ своего разумѣнія и своей нравственной отвѣтственности за ненадлежащее разрѣшеніе вопроса о виновности подсудимаго.

Затѣмъ, второй изъ своихъ помянутыхъ аргументовъ г. Дейтрихъ излагаетъ такъ [1]): „Насколько страдаетъ институтъ присяжныхъ случайностью своихъ приговоровъ можно заключить изъ того, что намъ приходилось нерѣдко слышать отъ лицъ, стоящихъ по своимъ профессіональнымъ обязанностямъ близко къ суду присяжныхъ, что если бы имъ пришлось судиться и отъ нихъ зависѣлъ бы выборъ суда, то въ случаѣ ихъ невиновности они предпочли бы предстать передъ судомъ коронным, а въ случаѣ виновности—передъ судомъ присяжныхъ засѣдателей. Въ этихъ словахъ заключается осужденіе существующей у насъ организаціи присяжныхъ, признаніе ихъ приговоровъ случайными и недостаточно обоснованными. И въ самомъ дѣлѣ, неуказываетъ ли вышеприведенное мнѣніе лицъ, близко знакомыхъ съ дѣятельностью присяжныхъ засѣдателей, на то, что невиновный рискуетъ легче быть осужденнымъ въ судѣ присяжныхъ, чѣмъ въ судѣ коронномъ, а виновный имѣетъ у присяжныхъ гораздо болѣе шансовъ избѣгнуть заслуженнаго осужденія".

Приводя слышанное имъ отъ близко стоящихъ къ суду присяжныхъ лицъ, вышеизложенное, мнѣніе, осуждающее существующую у насъ организацію названнаго суда, г. Дейтрихъ не указываетъ основаній, послужившихъ помянутымъ лицамъ для составленія такого мнѣнія. Поэтому надо думать, что послѣднее у нихъ сложилось на почвѣ тѣхъ же, усмотрѣнныхъ г. Дейтрихъ, „капитальнѣйшихъ недостатковъ суда присяжныхъ", существованіе коихъ, какъ мы видѣли, названный авторъ безуспѣшно старается доказать. Такимъ образомъ г. Дейтрихъ въ самомъ фактѣ существованія между близко знакомыми съ дѣятельностью присяжныхъ засѣдателей—лицъ, имѣющихъ одинаковое съ нимъ мнѣніе о дѣйствующей

[1]) Стр. 15—16.

у насъ организаціи суда присяжныхъ, усматриваетъ новое доказательство основательности этого своего мнѣнія.

Не оспаривая того, что г. Дейтрихъ можетъ имѣть единомышленниковъ по вопросу объ удовлетворительности дѣятельности присяжныхъ засѣдателей, мы однакоже должны высказать, что неправильное мнѣніе не сдѣлается правильнымъ, а заблужденіе не станетъ истиной—отъ того, что эти мнѣніе и заблужденіе есть достояніе не одного лица, а раздѣляются многими. Къ тому же и многочисленность такихъ единомышленниковъ г. Дейтрихъ весьма сомнительна, ибо, какъ это видно изъ напечатаннаго во 2-й книгѣ „Журнала Министерства Юстиціи“ за 1895 г.—„Сообщенія“ А. Ѳ. Кони. (л. к. 33—60),—изъ 20-ти вызванныхъ въ 1894-мъ году министромъ юстиціи, на совѣщаніе, старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ только двое держались мнѣнія г. Дейтрихъ о судѣ присяжныхъ. Остальные 18-ть членовъ совѣщанія находили этотъ судъ „не только вполнѣ удовлетворяющимъ своей цѣли, но и вообще представляющимъ собою лучшую форму суда, какую только можно себѣ представить для разрѣшенія большей части серьезныхъ дѣлъ, особливо ьъ тѣхъ случаяхъ, когда тяжкое обвиненіе связано съ тонкими уликами, требующими житейской вдумчивости“ [1]). При этомъ тѣмъ же совѣщаніемъ, большинствомъ 18-ти членовъ его противъ двухъ остальныхъ, установлено, что „обвиненіе присяжныхъ въ малой репрессіи неосновательно“, такъ какъ „судъ присяжныхъ, при сравненіи съ судомъ коронным, болѣе репрессивенъ и устойчивъ“ [2]); „по поводу же указаній на неоднородность приговоровъ присяжныхъ нѣкоторыми членами большинства замѣчено, что безусловно одинаковыхъ дѣлъ не бываетъ и что разность взглядовъ бываетъ и у суда коронаго . . . . . и это не недостатокъ, а достоинство суда, который не есть слѣпой механизмъ“ [3]).

Вотъ мнѣніе о существующей у насъ организаціи суда присяжныхъ весьма значительнаго числа лицъ, безспорно близко и, во всякомъ случаѣ, неменѣе знакомыхъ съ дѣятельностью присяж-

---

[1]) Стр. 47—48.
[2]) Стр. 48.
[3]) Стр. 50—51.

ныхъ засѣдателей, чѣмъ г. Дейтрихъ и его единомышленники. Тѣ и другіе разсматриваютъ одни и тѣже явленія изъ сферы дѣятельности суда присяжныхъ, но приходятъ къ различнымъ выводамъ: одни видятъ нормальное и желательное въ томъ, въ чемъ другіе усматриваютъ явленія, грозящія ввѣренной суду охранѣ общественныхъ и частныхъ интересовъ; первые, руководимые указанными въ помянутомъ „Сообщеніи“ А. Ѳ. Кони, вѣрно освѣщенными, фактами и правильными логическими выводами изъ нихъ, признаютъ необходимымъ оставить неприкосновенною дѣйствующую нынѣ организацію суда присяжныхъ и создать законодательнымъ путемъ для дѣятельности суда присяжныхъ—внѣшнія условія, которыя были бы благопріятнѣе существующихъ, а вторые, дѣлая, какъ мы видѣли, неправильную оцѣнку привлекшимъ ихъ вниманіе явленіямъ и заблуждаясь относительно причинъ происхожденія послѣднихъ, настаиваютъ на необходимости измѣненія самой организаціи суда присяжныхъ, долженствующаго лишить этотъ судъ всякой самостоятельности и обратить его въ ничего незначащій придатокъ къ суду коронному.

И какъ не признать такимъ придаткомъ проектируемый г. Дейтрихъ контингентъ присяжныхъ засѣдателей въ судѣ коронномъ „для устраненія измѣнчивости взглядовъ присяжныхъ засѣдателей на природу преступленія“ и „для приданія ихъ приговорамъ устойчивости и равномѣрности“,—когда самъ г. Дейтрихъ, предлагая соединить трехъ коронныхъ судей и девять присяжныхъ засѣдателей въ одно общее присутствіе для разрѣшенія вопроса о виновности подсудимаго, предвидитъ вытекающее изъ этого его проекта то возраженіе, что, „установивъ такую форму участія общественнаго элемента въ составѣ суда правительственнаго, мы рискуемъ, что послѣдній совершенно поглотитъ присяжныхъ и что предлагаемая реорганизація института присяжныхъ есть въ существѣ дѣла упраздненіе этого института“ [1]). Сдѣлавъ же себѣ такое возраженіе и высказавъ, что едва ли оно основательно, названный авторъ далѣе говоритъ: „если же коронные судьи и окажутъ свое нравственное вліяніе на присяжныхъ засѣдателей, и своими голосами, при возможныхъ разномысліяхъ въ средѣ самихъ присяж-

[1]) Стр. 20.

ныхъ, дадутъ восторжествовать тому или иному мнѣнію, то это будетъ лишь желательное и, въ интересахъ правильнаго разрѣшенія дѣла, полезное воздѣйствіе суда короннаго на судей-присяжныхъ; это будетъ такое воздѣйствіе суда короннаго на судей присяжныхъ, которое должно, по глубокому нашему убѣжденію, устранить измѣнчивость рѣшеній и предохранить ихъ отъ произнесенія такихъ, возмущающихъ чувство справедливости, приговоровъ, которые мы весьма нерѣдко встрѣчаемъ нынѣ“ [1]).

Но если судьи коронные такъ непогрѣшимы въ своихъ сужденіяхъ, что ихъ голоса всегда подаются за надлежащее разрѣшеніе дѣла, и, потому, желательно, чтобы послѣдніе имѣли рѣшающее значеніе при постановленіи приговора, то не проще ли было бы достигнуть „устраненія измѣнчивыхъ рѣшеній и возмущающихъ чувство справедливости приговоровъ“ суда присяжныхъ—совершеннымъ упраздненіемъ этого института и замѣной его судомъ коронным, безъ всякаго участія общественнаго элемента, чѣмъ затруднять дѣло коронныхъ судей борьбою ихъ при совѣщаніяхъ по вопросу о виновности подсудимаго—съ мнѣніями присяжныхъ засѣдателей. Если бы проектъ г. Дейтрихъ получилъ осуществленіе, то нѣтъ сомнѣнія, что въ недалекомъ будущемъ самъ собою выдвинулся бы вопросъ о необходимости совершенно упразднить институтъ присяжныхъ засѣдателей, какъ ничего незначащій, ненужный придатокъ къ суду коронному. Къ этому должна привести проектируемая г. Дейтрихъ роль присяжныхъ засѣдателей въ „одномъ общемъ съ коронными судьями присутствіи“, при „оцѣнивающемъ и систематирующемъ улики и неподвергающемъ излишнему обсужденію безспорнаго“—предсѣдателѣ суда и долженствующихъ имѣть на присяжныхъ „нравственное вліяніе“ двухъ коронныхъ судьяхъ,—каковая роль будетъ ролью статистовъ, нахожденіе которыхъ при совѣщаніяхъ суда не только излишне, но и не должно быть терпимо какъ издѣвательство надъ идеей участія въ дѣлѣ суда общественнаго элемента.

Идя къ своей цѣли—доказать необходимость соединенія коронныхъ предсѣдателя суда и двухъ судей съ девятью присяжными засѣдателями въ одно общее присутствіе, г. Дейтрихъ высказываетъ,

---

[1]) Стр. 20-я.

что это необходимо не только для разрѣшенія вопроса о виновности подсудимаго, но и для опредѣленія ему означеннымъ присутствіемъ наказанія. „Спрашивается“, говоритъ названный авторъ [1]), „какое основаніе имѣемъ мы устранять присяжныхъ засѣдателей отъ участія въ примѣненіи къ подсудимому карательныхъ постановленій закона, тогда какъ они призваны въ правительственный судъ для оказанія послѣднему помощи въ отправленіи правосудія“. Затѣмъ, указавъ на то, что отказъ присяжнымъ въ такомъ участіи ведетъ лишь къ „подпольному воздѣйствію“ ихъ „въ сферѣ присужденія обвиняемаго къ наказанію“, чрезъ оправданіе послѣдняго или непризнаніе несомнѣнныхъ фактическихъ обстоятельствъ виновности его, г. Дейтрихъ находитъ, что, для устраненія такого „узурпированнаго вліянія“ присяжныхъ на опредѣленіе подсудимому наказанія, желательно ихъ участіе въ этомъ судебномъ дѣйствіи; но такъ какъ присяжные засѣдатели необладаютъ необходимыми для сего знаніями закона и техникой его примѣненія, то всецѣло предоставить имъ право опредѣленія наказанія невозможно, а надлежитъ „пріобщить ихъ къ суду коронному, для совмѣстной постановки приговора о наказаніи“, при чемъ „они должны войти въ составъ правительственнаго суда на правахъ равенства, должны, смѣшиваясь съ нимъ, составить одну общую и равноправную коллегію“

Въ разъясненіе же того, какое это будетъ равенство между коронными судьями и присяжными засѣдателями и какую первые съ послѣдними составлять общую равноправную коллегію, приведемъ слѣдующія слова самого г. Дейтрихъ, помѣщенныя на той же страницѣ его статьи, вслѣдъ за вышеприведенными цитатами: „Опасаться того“, говоритъ онъ, „что присяжные, составляющіе большинство присутствія, окажутъ вредное вліяніе на техническое примѣненіе закона, едва ли есть основаніе. Несомнѣнно, что въ вопросахъ квалификаціи преступныхъ дѣяній присяжные никогда не пойдутъ противъ суда коронnаго и всегда подчиняться его авторитету, такъ какъ они не могутъ не сознавать, что въ этой области они совешенно не компетентны. Но, взамѣнъ этого, въ предѣлахъ maximum'a и minimum'a наказанія, которые будутъ имъ ука-

[1]) Стр. 11-я

заны судомъ, а равно по вопросу о наличности условій для ходатайствованія передъ Его Величествомъ о смягченіи наказанія осужденному въ размѣрѣ, выходящемъ изъ предѣловъ, предоставленныхъ судебной власти, или даже о совершенномъ помилованіи, они окажутся полными хозяевами и едва ли, имѣя за собою большинство, поступятся этими своими правами передъ судомъ коронным ъ“ [1]).

Признавая присяжныхъ засѣдателей „полными хозяевами“ въ вопросахъ, разрѣшеніе коихъ обусловливается не примѣненіемъ закона, а оцѣнкою обстоятельствъ дѣла, г. Дейтрихъ позабылъ, вѣроятно, проектированныя имъ ранѣе мѣры, заключающіяся въ томъ, что за безпомощностью и неспособностью присяжныхъ къ надлежащей оцѣнкѣ и систематизаціи уликъ—вводится въ составъ суда присяжныхъ предсѣдатель коронаго суда, на обязанности котораго будетъ производить для присяжныхъ эти оцѣнку и систематизацію, а для того, чтобы такія оцѣнка и систематизація, учиненныя предсѣдателемъ, отразились, какъ слѣдуетъ, на приговорѣ суда, присоединяются къ присяжнымъ засѣдателямъ еще двое коронныхъ судей, на предметъ оказанія ими „желательнаго нравственнаго вліянія и полезнаго воздѣйствія“ на присяжныхъ засѣдателей.

Если все это имѣть въ виду, а также принять во вниманіе, что, при такихъ прерогативахъ предсѣдателя и коронныхъ судей, активными постановителями приговора окажутся несомнѣнно эти послѣдніе, а не присяжные засѣдатели, то названіе присяжныхъ „полными хозяевами“ въ области опредѣленія подсудимому maximum'a и minimum'a наказанія необходимо будетъ признать какъ разъ соотвѣтствующимъ истинной роли присяжныхъ засѣдателей при постановленіи приговора правительственнымъ судомъ.

Въ заключеніе г. Дейтрихъ говоритъ [2]), что „если бы не было признано возможнымъ пріобщить присяжныхъ къ суду коронному для постановленія приговора о наказаніи, то разрѣшеніе предсѣдателю и сторонамъ указывать имъ размѣръ той кары, которая ожидаетъ подсудимаго въ случаѣ его осужденія, явится уже шагомъ впередъ, но шагомъ слишкомъ робкимъ по пути участія присяжныхъ въ опредѣленіи наказанія подсудимому“.

---

[1]) Стр. 12-я.

[2]) Стр. 14-я.

Между тѣмъ, такой „робкій шагъ“ долженъ вполнѣ устранить вредно отражающееся на вердиктѣ присяжныхъ засѣдателей невѣдѣніе ихъ относительно того, къ какому наказанію можетъ быть приговоренъ подсудимый, при признаніи его виновнымъ, что только и требуется сдѣлать, ибо объ оправданіяхъ судомъ присяжныхъ изобличенныхъ въ преступленіи подсудимыхъ изъ одного желанія избавить послѣднихъ отъ опредѣленнаго закономъ за это преступленіе наказанія—невозможно говорить сколько нибудь серьезно, за отсутствіемъ къ тому какихъ либо фактическихъ данныхъ.

Разсмотрѣнными нами доводами г. Дейтрихъ исчерпывается все, что онъ представилъ въ доказательство необходимости осуществить предлагаемый имъ проектъ реорганизаціи суда присяжныхъ.

Предлагая же этотъ свой проектъ, помянутый авторъ приводитъ въ извѣстность, что „во всей Европѣ не существуетъ еще такой формы участія представителей общества въ рѣшеніи уголовныхъ дѣлъ, какимъ является предлагаемое“ имъ, хотя „мысль объ участіи общества въ отправленіи правосудія въ этой послѣдней формѣ уже дебатировалась въ Швейцаріи, въ Женевскомъ кантонѣ, и выразилась въ отвергнутомъ проектѣ депутата Гамперта“. . . . [1]) „Казалось бы“, продолжаетъ г. Дейтрихъ, „что новизна и несуществованіе этой формы суда въ Европѣ не можетъ еще служить основаніемъ къ тому, чтобы при предстоящихъ работахъ Высочайше утвержденной коммисіи для пересмотра законоположеній по судебной части этотъ вопросъ не былъ подвергнутъ тщательному обсужденію, такъ какъ едвали, положа руку на сердце, возможно утверждать, что въ нашемъ судѣ присяжныхъ все обстоитъ благополучно и что онъ сохранилъ и оправдалъ то довѣріе, которое ему было оказано правительствомъ и обществомъ“ [2]). Къ этому г. Дейтрихъ присовокупляетъ, что своей статьей онъ „желаетъ обратить вниманіе юристовъ на необходимость возвратить институту присяжныхъ засѣдателей то довѣріе, которое онъ утерялъ и безъ котораго никакой судъ немыслимъ“.

Если новизна и несуществованіе въ Европѣ предлагаемой г. Дейтрихъ формы правительственнаго суда по уголовнымъ дѣламъ не можетъ помѣшать обсужденію названною коммисіею

[1]) Стр. 21-й—22-й.

[2]) Стр. 22-я.

вопроса о такой формѣ суда, то въ этихъ несуществованіи и новизнѣ ея, а также въ непринятіи подобнаго же проекта Гамперта въ Швейцаріи, едва ли возможно усматривать и прецедентъ, дающій г-ну Дейтрихъ право надѣяться, что его проектъ коммисіей будетъ принятъ, чему прежде всего должна воспрепятствовать полная бездоказательность предъявленнаго названнымъ авторомъ къ суду присяжныхъ обвиненія въ „капитальнѣйшихъ недостаткахъ“ и еще болѣе тяжкаго и несправедливаго обвиненія въ томъ, что этотъ судъ утерялъ оказанное ему правительствомъ и обществомъ довѣріе.

Если бы г. Дейтрихъ говорилъ объ утратѣ судомъ присяжныхъ—довѣрія, которое къ нему питалъ онъ самъ, то, въ виду неосновательности приведенныхъ имъ, послужившихъ къ тому, данныхъ, можно было бы ограничиться однимъ указаніемъ на безпричинность такой утраты. Но утвержденіе авторомъ разсматриваемой статьи, что судъ присяжныхъ не сохранилъ и не оправдалъ оказаннаго ему правительствомъ и обществомъ довѣрія, побуждаетъ насъ высказать, что правительство и общество, насколько извѣстно, вовсе не требуютъ отъ суда присяжныхъ признанія виновности подсудимаго во что бы то ни стало—и даже тогда, когда, какъ, напримѣръ, по дѣлу Ольги Палемъ, являлось сомнѣніе, что на скамьѣ подсудимыхъ находится лицо, подлежащее заключенію въ домъ умалишенныхъ; онъ же, г. Дейтрихъ, какъ мы видѣли, инаго мнѣнія по этому вопросу и объ оправдательномъ приговорѣ по дѣлу Палемъ. Такимъ образомъ, предъявлемыя къ суду присяжныхъ имъ, г. Дейтрихъ, правительствомъ и обществомъ требованія—не одни и тѣже. Посему и утрата присяжными засѣдателями довѣрія названнаго автора не можетъ еще свидѣтельствовать объ утратѣ ими довѣрія провительства и общества, отождествлять которыхъ съ собою г. Дейтрихъ не имѣетъ никакого основанія. Само же правительство и само общество никогда, нигдѣ и ничѣмъ не заявили объ утратѣ судомъ присяжныхъ оказаннаго ими послѣднему довѣрія.

Въ заключеніе г. Дейтрихъ заявляетъ, что ему желательно только, чтобы „безъ гнѣва и партійной страсти“ былъ изслѣдованъ и рѣшенъ вопросъ о томъ: „дѣйствительно ли обезпечено у насъ въ настоящее время дѣло уголовнаго правосудія, и если оно

не обезпечено, если судъ присяжныхъ, какъ ему думается, не судъ одинаковый для всѣхъ, то чтобы были приняты радикальныя мѣры къ водворенію у насъ устойчиваго, равномѣрнаго и равнаго для всѣхъ суда, безъ котораго никакое благоустроенное государство существовать не можетъ“ [1]).

Мы же въ заключеніе своего разбора статьи г. Дейтрихъ скажемъ, что признаніе дѣла уголовнаго правосудія въ настоящее время необезпеченнымъ не ведетъ еще за собою признанія суда присяжныхъ неодинаковымъ для всѣхъ, а потому—подлежащимъ указанной помянутымъ авторомъ реорганизаціи, ибо ненравящіеся г. Дейтрихъ нѣкоторые оправдательные вердикты присяжныхъ засѣдателей вполнѣ могутъ вытекать изъ неудовлетворительной дѣятельности, по относящимся къ этимъ вердиктамъ—дѣламъ, слѣдственной и другихъ судебныхъ властей и чиновъ, включая сюда и секретарей, не хорошо прочитывающихъ въ судебномъ засѣданіи обвинительные акты, и прокуроровъ, дурно эти акты составляющихъ, и предсѣдателей, не вносящихъ своимъ напутственнымъ словомъ достаточно свѣта и ясности въ дѣло, о существованіи каковыхъ недостатковъ въ дѣятельности названныхъ чиновъ свидѣтельствуетъ самъ г. Дейтрихъ въ своей, разбираемой нами, статьѣ, какъ это мы видѣли выше.

Что же касается предостереженія не увлекаться партійною страстью, то, дѣлая его другимъ, г. Дейтрихъ самъ не уберегся отъ вліянія означенной страсти, такъ какъ только она одна могла воспрепятствовать названному автору видѣть полную бездоказательность защищаемыхъ имъ положеній и усмотрѣть дѣлаемыя имъ, въ своей статьѣ, на каждомъ шагу, противорѣчія самому себѣ. Только обуреваемый партійною страстью могъ печатно заявить, что судъ присяжныхъ засѣдателей не сохранилъ и не оправдалъ оказаннаго ему правительствомъ и обществомъ довѣрія, утерялъ его,—при полномъ отсутствіи надлежащихъ основаній къ такому заявленію, обрушившемуся на институтъ присяжныхъ засѣдателей незаслуженнымъ имъ обвиненіемъ.

Окончивъ разборъ статьи г. Дейтрихъ, мы оставляемъ въ сторонѣ вопросъ, въ какомъ направленіи и какими законодатель-

---

[1]) Стр. 22-я.

ными и иными мѣрами надлежитъ упорядочить дѣятельность уголовнаго суда вообще и суда присяжныхъ засѣдателей—въ частности. По этому вопросу существуетъ цѣлая, разработавшая его, литература. Личный же нашъ, общій, взглядъ на означенный предметъ мы имѣли случай изложить въ своей статьѣ „Жгучіе вопросы", напечатанной около четырехъ лѣтъ тому назадъ въ „Судебной Газетѣ" [1]).

Впрочемъ, ниже, при разборѣ статьи г. Мѣщанинова, намъ придется коснуться нѣкоторыхъ существеннѣйшихъ условій дѣятельности современнаго уголовнаго суда,—и тогда мы не преминемъ высказать свое мнѣніе о необходимыхъ, для измѣненія этихъ условій, реформахъ.

III.

Теперь перейдемъ къ названной выше статьѣ г. Мѣщанинова.

Указавъ, въ началѣ ея, на вызванный жизнью, производящійся въ настоящее время по повелѣнію верховной власти, назначенною для сего коммисіею, пересмотръ судебныхъ уставовъ, помянутый авторъ заявляетъ, что задача его статьи заключается тоже въ разсмотрѣніи судопроизводственныхъ законовъ пока лишь по предмету одного „важнѣйшаго положенія, твердо и ясно установленнаго судебными уставами, но требующаго, согласно указаніямъ опыта, существенной переработки": это по „вопросу о преданіи суду, и, въ частности, о преданіи суду по общимъ преступленіямъ" [2]).

Затѣмъ, отмѣтивъ, что преданіе суду, не будучи извѣстно нашему старому своду законовъ въ видѣ отдѣльной стадіи уголовнаго процесса, явилось только съ судебными уставами и что послѣдніе создали неизвѣстную дотолѣ русскому уголовному процессу обвинительную власть, въ лицѣ независимаго отъ суда и администраціи прокурорскаго надзора,—власть сильную, сплоченную и дисциплинированную, которой было ввѣрено преслѣдованіе виновныхъ и наблюденіе за исполненіемъ закона,—г. Мѣщаниновъ говоритъ да-

---

[1]) «Суд. Газета» 1893 г., №№ 10-й и 11-й.

[2]) «Стр. 6—8.

лѣе, что составители судебныхъ уставовъ, „исключительно въ видахъ избѣжанія случаевъ легкомысленнаго привлеченія къ судебной отвѣтственности и лишенія прокурора опаснаго права требовать обвиняемаго къ суду по личному своему усмотрѣнію, рѣшились отступить отъ строгой системы раздѣленія властей и отдали стройное и дисциплинированное учрежденіе прокуратуры подъ верховный надзоръ судебной палаты, учрежденія, по самому существу своему, призваннаго быть судьею, чѣмъ и произвели смѣшеніе совершенно различныхъ процессуальныхъ функцій—судебной и обвинительной и совершили какъ бы поворотъ къ ревизіонному порядку, который стоитъ въ коренномъ противорѣчіи съ состязательнымъ процессомъ и отъ котораго сами составители судебныхъ уставовъ нашли возможнымъ отказаться“ [1]).

Приведенное нами положеніе, въ связи съ которымъ г. Мѣщаниновъ построилъ свои дальнѣйшіе выводы и заключенія, является первымъ шагомъ названнаго автора по пути къ разрѣшенію имъ намѣченной для своей статьи задачи, но уже и этотъ первый шагъ сдѣланъ по зыбкой почвѣ и не вѣрно.

Такъ, обращаясь къ изложенному въ изданныхъ Государственною Канцеляріею судебныхъ уставахъ—„объясненію на 523 ст. уст. угол. суд., ссылкою на которое подкрѣпляетъ себя г. Мѣщаниновъ, мы находимъ, что въ „объясненіи“ томъ дѣйствительно говорится и о возможности легкомысленнаго привлеченія прокуроромъ къ судебной отвѣтственности и объ опасномъ правѣ его требовать обвиняемаго къ суду по личному своему усмотрѣнію, но, тѣмъ не менѣе, не въ этихъ надерганныхъ изъ разсматриваемаго объясненія“ на 523 ст.—отдѣльныхъ фразахъ суть дѣла, а въ томъ, что составители судебныхъ уставовъ непризнали возможнымъ отдать разрѣшеніе вопроса о преданіи обвиняемаго суду и объ освобожденіи его отъ такового въ руки прокурора—потому, что послѣдній, „не смотря на все стараніе придать себѣ спокойный и безпристрастный характеръ, уже по самому существу своей обязанности, долженъ склоняться скорѣе къ обвиненію подсудимаго, нежели къ его оправданію“ [2]).

---

[1]) Стр. 15.

[2]) Стр. 196-я, суд. уст. 20 ноября 1864 г., изд. Государст. Канцеляріею.

Глубокій смыслъ этихъ словъ „объясненія“ и жизненная правда ихъ доступны и понятны лишь тѣмъ, кому извѣстно, что умъ человѣка, спеціализируясь продолжительное время на одной какой либо дѣятельности, получаетъ къ этой дѣятельности исключительную склонность, отражающуюся и на правильности общаго міровоззрѣнія имѣющаго такую склонность человѣка и на основательности критической оцѣнки имъ отдѣльнаго даннаго явленія. Познать силу этой истины, въ примѣненіи ея къ прокурорской дѣятельности, вполнѣ можетъ только тотъ, кто, долго занимаясь послѣднею, смѣнилъ ее, наконецъ, на дѣятельность судьи. Было бы ошибочно полагать, что такая смѣна дѣятельности ведетъ за собою немедленное исчезновеніе въ назначенномъ изъ прокуроровъ судьѣ выработанныхъ имъ на прокурорской службѣ склонности къ обвиненію и, сообразной съ нею, прокурорской способности къ критической оцѣнкѣ уликъ. Только путемъ продолжительной работы надъ самимъ собою и постоянныхъ усилій не давать означенной склонности упражняться — удается судьѣ изъ прокуроровъ прекратить проявленіе своихъ прокурорскихъ наклонностей и достигнуть того равновѣсія своихъ духовныхъ силъ, безъ котораго немыслимо судейское безпристрастіе, крайне необходимое и для лицъ, разрѣшающихъ вопросъ о преданіи кого либо уголовному суду.

Эта работа надъ собою и эти усилія побороть свою склонность къ обвиненію, необходимыя для безпристрастнаго обсужденія какъ вопроса о виновности подсудимаго, такъ и вопроса о достаточной для преданія суду обвиняемаго доказанности вины его—не только на почвѣ уликъ и практической возможности обвинять (что́ если не по теоріи, то на практикѣ составляетъ исключительную заботу современной прокуратуры), но и съ точки зрѣнія ослабляющихъ обвиненіе данныхъ дѣла,—есть удѣлъ почти каждаго назначеннаго изъ прокуроровъ судьи. Все различіе между таковыми судьями заключается въ томъ, что одинъ изъ нихъ нуждается въ бо́льшей работѣ надъ собою въ указанномъ направленіи, а другой—въ меньшей, смотря по ихъ индивидуальнымъ особенностямъ. Если же и существуютъ прокуроры, обладающіе счастливою способностью сразу сбрасывать съ себя, при полученіи судейской должности, усвоенную на прокурорской службѣ и вредящую цѣлямъ правосудія склонность къ обвиненію, или такіе, которые совсѣмъ не прі-

обрѣтаютъ этой склонности, благодаря исключительнымъ свойствамъ своего ума, то подобные прокуроры—столь рѣдко встрѣчаемое явленіе, что на немъ невозможно построить опроверженіе указываемаго нами факта склонности прокуроровъ къ обвиненію.

Убѣдившись въ достовѣрности всего этого путемъ личнаго опыта и наблюденія, въ судейской совѣщательной комнатѣ, надъ своими сослуживцами—судьями изъ прокуроровъ, пишущій настоящія строки имѣетъ основаніе полагать, что авторъ разбираемой статьи, продолжительное время подвизавшійся на прокурорской службѣ, никогда не рѣшился бы агитировать въ пользу предоставленія прокуратурѣ права преданія уголовному суду, если бы онъ, послѣ прокурорской службы, хотя недолго послужилъ на должности судьи и испыталъ на самомъ себѣ справедливость нами высказаннаго.

Перейдемъ къ мнѣнію г. Мѣщанинова о томъ, что составители судебныхъ уставовъ, учредивъ судебныя палаты въ качествѣ предназначенной для разрѣшенія вопроса о преданіи уголовному суду—судебной коллегіи, отступили отъ положенной въ основу судебной реформы строгой системы раздѣленія властей, произведя смѣшеніе совершенно различныхъ процессуальныхъ функцій—судебной и обвинительной.

Для того, чтобы убѣдиться въ неосновательности этого мнѣнія названнаго автора, достаточно внимательно просмотрѣть „Основныя положенія“ судоустройства и уголовнаго судопроизводства по судебнымъ уставамъ 1864 года [1]), а также „Объясненіе“ на 523 ст. у. у. с. [2]).

Такой просмотръ обнаружитъ, что по „Основнымъ положеніямъ“ судоустройства „власть обвинительная“ дѣйствительно „отдѣляется отъ судебной“ (часть 3-я, стр. VIII, лит. б., ст. 1-я), а по „Основнымъ положеніямъ“ уголовнаго судопроизводства—подъ властью обвинительною подразумѣвается власть обнаруженія преступленій и преслѣдованія виновныхъ, каковая власть принадлежитъ прокурорамъ (часть 2-я, стр. VII, § 1-й, ст. 4-я). Тѣми же „Основными положеніями“ уголовнаго судопроизводства опредѣляется,

---

[1]) Суд. Уставы 20 Ноября 1864 г., изд. Государст. Канцеляріею.

[2]) Тамъ же.

что по дѣламъ, подлежащимъ рѣшенію съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, прокуроръ актъ обвиненія или мнѣніе о прекращеніи слѣдствія предлагаетъ „на рѣшеніе“ судебной палаты (стр. XIII, § IV, ст. 58-я), которая опредѣленіе свое о преданіи подозрѣваемаго суду или о прекращеніи слѣдствія препровождаетъ, для исполненія, прокурору (тамъ же ст. 59-я). Это послѣднее основное положеніе судопроизводства вошло въ текстъ 523-й ст. у. у. с., въ „объясненіи“ на которую составители судебныхъ уставовъ, между прочимъ, говорятъ: „когда всѣ изысканія предварительнаго слѣдствія окончены, тогда *первое дѣйствіе правосудія* должно состоять въ томъ, чтобы взвѣсить вѣроятность обвиненія и опредѣлить его законное значеніе для постановленія *рѣшенія* или о преданіи обвиняемаго суду, или о прекращеніи возбужденнаго противъ него преслѣдованія“ [1]). Затѣмъ, отвергнувъ право прокурора по болѣе важнымъ дѣламъ требовать обвиняемаго къ суду простымъ вызовомъ отъ лица прокурорской власти и допустивъ, въ видѣ исключенія, такой порядокъ вызова къ суду обвиняемаго по маловажнымъ дѣламъ, какъ оправдываемый только этою маловажностью ихъ и практическими соображеніями объ успѣшности и быстротѣ дѣлопроизвоства, составители судебныхъ уставовъ высказали въ своемъ помянутомъ „объясненіи“, что „по болѣе важнымъ дѣламъ рѣшеніе вопроса: есть ли достаточныя улики, чтобы посадить человѣка на позорную скамью обвиняемыхъ, общество можетъ и должно ожидать не отъ обвинителя и стороны, но отъ безпристрастной камеры обвиненія“ [2]), ибо прокуроръ—обвинитель, „несмотря на все стараніе придать себѣ спокойный и безпристрастный характеръ, уже по самому существу своей обязанности, долженъ склоняться скорѣе къ обвиненію подсудимаго, нежели къ его оправданію“ [3]); отсюда возможны „увлеченіе“ прокурора обвиненіемъ и „произволъ“ прокурорскій „въ привлеченіи кого либо къ уголовному преслѣдованію“ [4]).

Такимъ образомъ, дѣло уголовнаго суда, освѣщенное приведенными выше „Основными положеніями“ судебныхъ уставовъ и

Тамъ же
[1]) Книга 2-я, стр. 193-я.
[2]) Стр. 199.
[3]) Стр. 196.
[4]) Стр. 194 и 198.

„Объясненіемъ“ на 523 ст. у. у. с., представляется въ слѣдующемъ видѣ:

Прокуратура, уполномоченная закономъ на борьбу съ преступленіями, возбуждаетъ дѣла о нихъ, руководитъ розысками и дознаніемъ, наблюдаетъ за предварительными слѣдствіями и направляетъ ихъ путемъ даваемыхъ слѣдственной власти предложеній, но сама производить слѣдствій не имѣетъ права. Въ этомъ періодѣ своей дѣятельности прокуратура ведетъ свое дѣло вполнѣ самостоятельно и независимо. Но, вотъ, всѣ изысканія предварительнаго слѣдствія окончены, къ послѣднему въ качествѣ обвиняемаго привлечено заподозрѣнное въ совершеніи преступленія—лицо, и дѣло вступаетъ къ прокурору, который, находя обвиненіе доказаннымъ, требуетъ суда надъ обвиняемымъ и наказанія его. Тогда по дѣламъ болѣе важнымъ, по которымъ обвиненіе ложится тяжкимъ позоромъ и грозитъ большимъ наказаніемъ привлеченному къ слѣдствію лицу, наступаетъ моментъ для *перваго дѣйствія правосудія*, учиняемаго судебною коллегіею и заключающагося въ разрѣшеніи ею вопроса: насколько основательно требуетъ прокуроръ суда надъ обвиняемымъ, для чего взвѣшивается вѣроятность обвиненія и опредѣляется его законное значеніе. Результатомъ же такого *перваго дѣйствія правосудія* надъ обвиняемымъ является или прекращеніе возбужденнаго противъ него преслѣдованія или преданіе его суду, на которомъ прокуроръ, являясь обвинителемъ, продолжаетъ требовать наказанія подсудимаго, но не выше предѣловъ, положенныхъ для обвиненія его судебною палатою. Какъ слѣдствіе такого требованія прокурора, совершается *второе дѣйстсіе правосудія*—рѣшеніе судомъ вопросовъ о виновности подсудимаго и о томъ, подлежитъ ли онъ и какому именно наказанію.

Изъ изложеннаго видно, что составители судебныхъ уставовъ, слѣдуя строгой системѣ раздѣленія властей вообще и отдѣленія обвинительной власти отъ судебной—въ частности, входили во всестороннее обсужденіе важнѣйшихъ дѣйствій уголовнаго процесса—для выясненія, которое изъ нихъ, по существу своему, соотвѣтствуетъ боевому характеру дѣятельности, врученной прокурорской, обвинительной, власти, направленной закономъ на борьбу съ преступленіемъ, и которое, будучи своимъ существомъ несродно природѣ обвиненія, требуетъ возложенія его на судебную власть, мо-

гущую, при надлежащей ея организаціи, должнымъ образомъ выполнить такое дѣйствіе на почвѣ свойственнаго спокойному характеру дѣятельности судебной власти—безпристрастія.

Дѣйствіями послѣдней категоріи, то есть природою своею соотвѣтствующими природѣ судебной власти, оказались: производство предварительныхъ слѣдствій, разрѣшеніе вопроса о преданіи обвиняемаго суду по болѣе важнымъ дѣламъ и разрѣшеніе вопросовъ о виновности и наказаніи подсудимаго. Поэтому первое изъ нихъ было поручено судебнымъ слѣдователямъ, въ качествѣ слѣдственныхъ судей, а второе и третье—судебнымъ коллегіямъ: палатѣ и окружному суду.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что составители судебныхъ уставовъ ни чуть не отступили отъ строгой системы раздѣленія властей, передавъ разрѣшеніе вопроса о преданіи суду обвиняемыхъ—судебной коллегіи, и что, напротивъ, такое отступленіе было бы сдѣлано тогда, когда означенное процессуальное дѣйствіе, требующее, для его исполненія, судейскаго безпристрастія, было бы поручено обвинительной, прокурорской, власти.

Тѣмъ не менѣе по мнѣнію г. Мѣщанинова и его единомышленниковъ—прокуроръ во всѣхъ своихъ служебныхъ дѣйствіяхъ также безпристрастенъ, какъ и судебная коллегія, ибо на немъ лежитъ не только обязанность быть обвинителемъ, но также и другая: быть блюстителемъ закона (51 ст. „Основныхъ положеній“ судопроизводства) [1]); законъ же требуетъ осужденія и наказанія только несомнѣнно виновнаго; поэтому вредящее дѣлу правосудія увлеченіе обвиненіемъ, противорѣча закону, должно быть чуждо обвинительной дѣятельности прокурора. Къ этому обыкновенно добавляютъ, что современный прокуроръ, подобно дореформенному, продолжаетъ быть „взыскателемъ наказанія“ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, „защитникомъ невинности“.

Но кому же неизвѣстно, что дореформенный прокуроръ такимъ „взыскателемъ“ и „защитникомъ“ въ дѣйствительности не былъ и быть не могъ. Въ своемъ трудѣ „Прокурорскій надзоръ“ Н. В. Муравьевъ, называя двойное призваніе дореформеннаго прокурора—быть „взыскателемъ наказанія“ и „защитникомъ невинно-

---

[1]) Тамъ же, стр. 9-я.

сти“ возвышеннымъ и широкимъ въ теоріи, признаетъ его на практикѣ неисполнимымъ и говоритъ, что у дореформеннаго прокурора не было для выполненія такого призванія дѣйствительныхъ и своевременныхъ средствъ [1]).

Нѣтъ средствъ и возможности, прибавимъ мы отъ себя, быть такимъ двуликимъ Янусомъ—обвинителемъ и защитникомъ—и у современнаго намъ прокурора, ибо совмѣщеніе функцій обвиненія и защиты въ дѣятельности одного лица не согласно съ природой человѣка, требующей для совершенства дѣятельности его въ какомъ либо направленіи—спеціализаціи этой дѣятельности, что̀ и лежитъ въ основѣ принципа раздѣленія труда, явившагося въ жизни человѣчества могучимъ двигателемъ прогресса его.

Если допустить, что прокуроръ можетъ одновременно и съ успѣхомъ быть и „взыскателемъ наказанія“ и „защитникомъ невинности“, то должно признать совершенно излишнею на судѣ защиту подсудимаго со стороны особаго, спеціальнаго, органа, какъ содѣйствующаго отравленію правосудія. Тогда, слѣдуя логикѣ, придемъ къ выводу, что, дѣйствуя на почвѣ такого двойнаго призванія своего, прокуроръ въ обращенной къ суду рѣчи разсмотритъ каждое обстоятельство дѣла и съ точки зрѣнія обвиненія и съ точки зрѣнія защиты, ни чуть не погрѣшая, притомъ, противъ истины и справедливости, водворяемыхъ въ жизнь закономъ, на стражѣ котораго находится прокуроръ, — а такая его дѣятельность устраняетъ всякую надобность въ спеціальномъ органѣ для судебной защиты подсудимаго.

Но какъ поклонники идеи основаннаго на указанномъ двойномъ призваніи прокурора—безпристрастія въ его дѣятельности ни увлекаются этою идеею, однакоже они, слава Богу, не дошли еще до отрицанія необходимости въ особомъ органѣ судебной защиты для подсудимаго.

Удерживаетъ ихъ отъ сего, повидимому, сознаніе, что произнесенная на почвѣ такого безпристрастія судебная рѣчь прокурора была бы, по мѣткому народному выраженію, „ни Богу свѣчею, ни чорту кочергою“.

---

[1]) Муравьевъ «Прокурорскій надзоръ, стр. 352-я.

Однакожъ необходимость, при судебномъ разбирательствѣ дѣла, въ особомъ органѣ защиты интересовъ подсудимаго,—органѣ, который уравновѣшивалъ бы воздѣйствіе на судъ прокурора—обвинителя, нисколько не смущаетъ защитниковъ безпристрастія послѣдняго, такъ какъ для затушеванія значенія такой необходимости у нихъ всегда готова фикція во образѣ разсужденія, что прокуроръ до судебнаго разбирательства является прокуроромъ, такъ сказать, въ чистомъ видѣ, безъ примѣси въ немъ обвинительнаго элемента, и въ этомъ періодѣ дѣятельность его не можетъ быть заподозрѣна въ пристрастіи; при судебномъ же разбирательствѣ дѣла прокуроръ является уже обвинителемъ, при чемъ онъ, исполняя обязанности такового, не всегда въ состояніи уберечься отъ увлеченія обвиненіемъ и, потому, это увлеченіе должно уравновѣшиваться воздѣйствіемъ на судъ со стороны особаго органа защиты подсудимаго.

Но при такомъ разсужденіи упускаютъ изъ вида, что лишить прокурора безпристрастія можетъ не только обвинительная дѣятельность его на судѣ, но и упражняемая имъ до судебнаго разбирательства. Такъ, возбуждая своею властью уголовныя дѣла, руководя розысками и дознаніемъ и направляя своими предложеніями слѣдственную власть, прокуроръ не можетъ не смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія того самаго обвиненія, которое ему придется по этому дѣлу предъявлять на судѣ, а потому и въ этотъ періодъ своей прокурорской дѣятельности онъ легко можетъ поддаться увлеченію обвиненіемъ,—въ особенности при разрѣшеніи вопроса о преданіи суду — лица, противъ коего онъ самъ возбудилъ уголовное преслѣдованіе, руководилъ розысками и дознаніемъ и направлялъ дѣятельность слѣдственной власти. Иной разъ можетъ случиться даже и такъ, что разрѣшеніе вопроса о преданіи обвиняемаго суду будетъ въ тоже время разрѣшеніемъ вопроса о правильности предшествовавшей дѣятельности по дѣлу самаго прокурора.

Все сказанное достаточно выясняетъ, что если прокуроръ, въ качествѣ блюстителя закона, съ успѣхомъ можетъ наблюдать за исполненіемъ его другими, то это не даетъ еще основанія полагать, что онъ въ состояніи быть такимъ же строгимъ блюстителемъ законности своихъ собственныхъ дѣйствій. Общеизвѣстенъ фактъ, что лица, упражняющіе при оцѣнкѣ дѣятельности другихъ—

строгость Катона, весьма часто отличаются въ своей собственной жизни и дѣятельности такими промахами, ошибками и, даже, пороками, на ряду съ коими не должна была бы, казалось, уживаться проявляемая этими лицами требовательность къ другимъ. Тѣмъ не менѣе въ дѣйствительности такая уживчивость указанныхъ противоположностей въ одномъ и томъ же человѣкѣ встрѣчается на каждомъ шагу,—и съ этимъ приходится считаться, разрѣшая вопросъ о блюстительствѣ прокуроромъ законности дѣйствій: и другихъ лицъ и своихъ собственныхъ.

Свели свой счетъ съ означенною чертою человѣческой природы, по скольку черта та можетъ имѣть примѣненіе къ прокурорской дѣятельности, и тѣ законодательства западной Европы (Австріи и Шотландіи)., на которыя указываетъ г. Мѣщаниновъ какъ на предоставившія прокуратурѣ право непосредственнаго преданія обвиняемаго уголовному суду [1]. Законодательства эти отвергли всѣ другіе виды дѣятельности прокурора, кромѣ дѣятельности его по уголовному преслѣдованію въ обвинительномъ процессѣ, освободивъ прокуратуру какъ отъ наблюденія за исполненіемъ закона, такъ и отъ контроля надъ судьями, судебно-административныхъ обязанностей и дѣлъ гражданскихъ [2]. Только при такой спеціализаціи дѣятельности прокурора и при условіи обширнаго развитія законодательствомъ страны началъ защиты обвинямаго и вспомогательнаго частнаго обвиненія, въ качествѣ процессуальныхъ институтовъ, служащихъ противовѣсомъ обвинительной прокурорской дѣятельности, явилась для Австріи возможность предоставить прокуратурѣ право непосредственнаго преданія уголовному суду [3]. Въ Шотландіи же врученіе прокуратурѣ, вѣрнѣе сказать: институту государственныхъ обвинителей, съ „лордомъ-адвокатомъ„ во главѣ,—права непосредственнаго преданія уголовному суду обусловливается, кромѣ указанной выше спеціализаціи прокурорской дѣятельности и обширныхъ правъ защиты обвинямаго, еще предоставленіемъ свободной прессѣ страны права на „неумолимую критику“ дѣйствій обвинительной власти [4]. Но всѣ эти благопріятныя для такого по-

[1]) Стр. 29-я.

[2]) Муравьевъ. «Прокурорскій надзоръ» стр.: 176, 236 и 238—239-я.

[3]) Тамъ же, стр. 189-я.

[4]) Тамъ же, 236—239-я.

рядка преданія уголовному суду—условія не были бы надлежащею гарантіею противъ вреда отъ ненадлежащей прокурорской дѣятельности, если-бы порядокъ тотъ практиковался въ странѣ съ менѣе высокою культурою, ибо только сравнительно высокій уровень умственнаго развитія и матеріальнаго благосостоянія народа въ Австріи и Шотландіи дозволяютъ тамъ почти каждому, въ должной мѣрѣ, пользоваться институтами защиты и частнаго обвиненія.

Какое громадное различіе между указанными условіями, послужившими основаніямъ для полной передачи австрійской и шотландской прокуратурѣ дѣла преданія уголовному суду, и тѣмъ крайне шаткимъ основаніемъ для таковой передачи, которое стали въ послѣднее время усматривать нѣкоторые юристы въ возложенной на прокуратуру русскимъ законодательствомъ миссіи „блюсти законъ“ и выводимой изъ нея обязанности прокурора быть въ одно и тоже время и „взыскателемъ наказанія“ и „защитникомъ невинности.“

Но объ этомъ мы будемъ еще говорить ниже, а теперь перейдемъ къ мнѣнію г. Мѣщанинова о томъ, что „основныя положенія, побудившія составителей судебныхъ уставовъ“ учредить судебныя палаты въ качествѣ обвинительной камеры, „въ дѣйствительности не подтвердились“ и существующая у насъ постановка дѣла преданія уголовному суду требуетъ существенныхъ измѣненій въ смыслѣ передачи прокуратурѣ этого дѣла, которое, по мнѣнію названнаго автора, „фактически, все равно, находится въ его рукахъ“ [1].

Основными же положеніями, побудившими составителей судебныхъ уставовъ учредить судебныя палаты для разрѣшенія вопроса о преданіи обвиняемаго суду, г. Мѣщаниновъ признаетъ: 1) „врученіе верховнаго надзора надъ прокуратурою судебной палатѣ, которая, по мысли составителей, должна быть „собраніемъ опытнѣйшихъ юристовъ“, 2) занятія этого „собранія опытнѣйшихъ юристовъ“ будутъ почти исключительно состоять въ разрѣшеніи дѣлъ по преданію суду, ибо другого рода дѣлъ будетъ у него ничтожное количество, и 3) громадная польза этого учрежденія—устраненіе, путемъ строгаго контроля, возможности произвола и увлече-

[1]) Стр. 15 и 28—29-я.

ній прокурорскаго надзора, работа котораго будетъ проходить, какъ чрезъ фильтръ, чрезъ собраніе опытныхъ юристовъ, что въ значительной мѣрѣ искупитъ недостатокъ—нѣкоторое замедленіе въ движеніи дѣлъ, замедленіе, во всякомъ случаѣ, ничтожное [1].

Мы уже сказали, что цитируемый нами авторъ находитъ приведенныя положенія составителей судебныхъ уставовъ „въ дѣйствительности не подтвердившимися“. Посмотримъ, какими аргументами убѣждаетъ г. Мѣщаниновъ читателя въ основательности такого своего мнѣнія.

„Всѣмъ намъ слишкомъ памятны“,—такъ онъ приступаетъ къ этому дѣлу,—„тѣ нападки на судъ присяжныхъ, которыя начинаютъ стихать только за послѣднее время; между тѣмъ, по справедливому замѣчанію профессора Володимірова, значительное число оправдательныхъ приговоровъ, выносимыхъ присяжными, объясняется не свойствами этаго института, а цѣлымъ рядомъ неблагопріятныхъ условій, среди которыхъ присяжные дѣйствуютъ“. Послѣ сего г. Мѣщаниновъ приводитъ слѣдующую выдержку изъ журнальной статьи названнаго профессора: „Однимъ изъ этихъ условій, и самымъ важнѣйшимъ, является неосновательное преданіе суду. Въ литературѣ были не разъ дѣлаемы указанія на крайне неудовлетворительную дѣятельность судебныхъ палатъ при преданіи суду. Повторять сказаннаго не будемъ. Достаточно того, что въ настоящее время обрядъ преданія суду составляетъ одну пустую формальность, которая, задерживая иногда на нѣсколько мѣсяцевъ поступленіе дѣла въ судъ, отдаляетъ судебное разсмотрѣніе дѣла и, въ концѣ концовъ, порождаетъ судебную волокиту. Огромное большинство дѣлъ въ порядкѣ преданія суду кончается однообразнымъ утвержденіемъ обвинительнаго акта“.

Сію выдержку г. Мѣщаниновъ сопровождаетъ замѣчаніемъ, что заключающіяся въ ней слова „недалеки отъ истины“ и обѣщаетъ доказать это дальнѣйшимъ изложеніемъ своей статьи [2].

Отдавая приведенный, первый, аргументъ г. Мѣщанинова на судъ читателей, смѣемъ думать, что приговоръ его будетъ далеко не въ пользу разбираемаго нами автора.

---

[1]) Стр. 15-я.

[2]) Стр. 15—16-я.

И въ самомъ дѣлѣ, для чего понадобилось ему предпосылать собственнымъ доказательствамъ основательности своего мнѣнія по разсматриваемому вопросу—такое мнѣніе другаго лица, хотя бы даже и пользующагося репутаціей научнаго дѣятеля, которое носитъ въ себѣ самомъ указаніе на голословность его. Вѣдь, г. Володиміровъ, какъ это видно изъ приведенной выше выдержки изъ статьи его, въ доказательство своего мнѣнія о неудовлетворительной дѣятельности судебныхъ палатъ при преданіи суду сослался лишь на не разъ дѣлавшіяся въ литературѣ указанія на это явленіе и не призналъ нужнымъ „повторять сказанное“ о немъ, то есть отказался изложить основанія, по которымъ онъ самъ признаетъ означенную дѣятельность судебныхъ палатъ неудовлетворительною. Мало ли въ „литературѣ“ дѣлалось, и, притомъ, „не разъ“ вполнѣ неосновательныхъ указаній и высказывалось не только неосновательныхъ, но и прямо абсурдныхъ мнѣній по весьма серьезнымъ вопросамъ. Употребленнымъ г. Володиміровымъ, въ приведенной выдержкѣ изъ его статьи, способомъ возможно доказать все, что угодно. Всѣмъ, напримѣръ, извѣстно, что въ нѣкоторыхъ органахъ печати нѣкоторые, и даже съ большимъ именемъ, публицисты не разъ дѣлали указанія на то, что не только судъ присяжныхъ, но и вся судебная реформа, доставившая, вмѣстѣ съ другими реформами, неувядяемую славу царствованію Императора Александра II-го, есть плодъ того безпочвеннаго либерализма, который будто бы привелъ и къ нигилизму и анархизму и еще, Богъ знаетъ, къ чему. Вотъ, основываясь на такой „литературѣ“ и упражняя указанный способъ аргументаціи, мы и выскажемъ слѣдующее мнѣніе: въ литературѣ не разъ были дѣлаемы указанія на крайне неудовлетворительную и даже вредную дѣятельность новыхъ судовъ, явившихся порожденіемъ безпочвеннаго либерализма 60-хъ годовъ, приведшаго и къ нигилизму и къ анархизму; повторять сказаннаго въ литературѣ не будемъ; достаточно того, что въ настоящее время дѣятельность новыхъ судовъ, пораждающая волокиту, неправосудные приговора и пр., ниже всякой критики.

Едва ли такое, изложенное нами для примѣра, мнѣніе возможно признать слабѣе аргументированнымъ—мнѣнія г. Володиміровa по вопросу о неудовлетворительной дѣятельности судебныхъ палатъ по преданію суду. Между тѣмъ означенный вопросъ ка-

сается „важнѣйшаго“, и по мнѣнію г. Мѣщанинова, „положенія“ въ нашемъ уголовномъ процессѣ, „твердо и ясно установленнаго судебными уставами“.

Мы считаемъ необходимымъ здѣсь оговориться, что оставляемъ на отвѣтственности г. Мѣщанинова вѣрность подлиннику приведенной имъ изъ статьи г. Володимірова выписки, такъ какъ у насъ нѣтъ подъ руками этой статьи его.

Обращаясь къ существу изложеннаго въ помянутой выпискѣ мнѣнія г. Володимірова, мы усматриваемъ, что оно было вызвано появившимися въ печати порицаніями суда присяжныхъ за значительное будто бы количество оправдательныхъ приговоровъ, ими выносимыхъ и постановленіе которыхъ названный профессоръ объясняетъ цѣлымъ рядомъ неблагопріятныхъ условій для дѣятельности суда присяжныхъ; однимъ же изъ таковыхъ условій г. Володиміровъ признаетъ неосновательное преданіе суду обвиняемыхъ судебными палатами, обратившееся, по его мнѣнію, „въ одну пустую формальность“, „такъ какъ огромное большинство вносимыхъ прокуратурою въ палату обвинительныхъ актовъ“ кончается однообразнымъ утвержденіемъ ихъ.

Въ этомъ мнѣніи г. Володимірова прежде всего поражаетъ крайняя категоричность сужденій его, при полномъ отсутствіи необходимхъ для нихъ фактическихъ данныхъ. Говорится въ мнѣніи томъ и о значичельности числа оправдательныхъ приговоровъ суда присяжныхъ, какъ о фактѣ непреложномъ. Но кто же, когда и какимъ образомъ доказалъ значительность числа означенныхъ приговоровъ по сравненію его съ общимъ числомъ всѣхъ, постановляемыхъ судомъ присяжныхъ въ Имперіи, приговоровъ, о каковой значительности, конечно, только и можетъ быть рѣчь. Затѣмъ разсматриваемое мнѣніе признаетъ „одною пустою формальностью“ существующій у насъ обрядъ преданія суду по болѣе важнымъ дѣламъ. Чѣмъ, однако, это доказывается? Тѣмъ, что громадное большинство составляемыхъ прокуратурою обвинительныхъ актовъ „однообразно“ палатами утверждается? Но, вѣдь, это и должно быть такъ. Существующій у насъ обрядъ преданія уголовному суду по болѣе важнымъ дѣламъ дѣйствительно долженъ быть, какъ выразился г. Мѣщаниновъ, фильтромъ для задерживанія въ немъ всего ненадлежащаго въ обвинительной дѣятельности проку-

ратуры, по постановкѣ ею на уголовный судъ обвиненія. А такъ какъ таковая дѣятельность прокуроровъ можетъ быть не надлежащею не потому, что они круглые невѣжды и люди неблагонадежные, а вслѣдствіе возможности и для хорошо ознакомленнаго съ уголовными и судопроизводственными законами и во всѣхъ отношеніяхъ благонадежнаго прокурора ошибиться въ примѣненіи этихъ законовъ или увлечься обвиненіемъ, то понятно, что случаи ненадлежащей прокурорской дѣятельности по внесенію въ обвинительную камеру судебныхъ палатъ—дѣлъ не должны и не могутъ быть настолько часты, чтобы палатамъ приходилость „огромное большинство дѣлъ въ порядкѣ преданія суду кончать“ не „однообразнымъ утвержденіемъ обвинительнаго акта,“ а исправленіемъ или замѣною его своими опредѣленіями, разрѣшающими вопросъ о преданіи обвиняемаго суду не согласно со взглядомъ на этотъ предметъ прокурора.

И такъ, авторъ разбираемой нами статьи не почерпнулъ въ трудахъ профессора Володимірова аргументовъ въ пользу своего мнѣнія о неудовлетворительной дѣятельности судебныхъ палатъ по преданію уголовному суду. Поэтому мы имѣемъ основаніе полагать, что г. Мѣщаниновъ, начиная свой критическій обзоръ означенной дѣятельности судебныхъ палатъ ссылкою на вышеприведенное мнѣніе названнаго профессора, а не на мнѣнія по тому же предмету указанныхъ послѣднимъ, въ своей статьѣ, лицъ (Лонгинова, Щегловитова и Хрулева),—имѣлъ въ виду бо́льшую научную авторитетность г. Володимірова, въ самомъ указаніи на котораго, въ качествѣ своего единомышленника, г. Мѣщаниновъ, очевидно, усматривалъ аргументъ въ защиту своего мнѣнія о дѣятельности судебныхъ палатъ.

Но неужели остальные аргументы этого автора такъ слабы, что они, для своей убѣдительности, нуждаются въ подкрѣпленіи ихъ чужимъ мнѣніемъ и, притомъ, ничѣмъ недоказаннымъ?

Отвѣтомъ на изложенный вопросъ мы и займемся сейчасъ.

Прежде всего г. Мѣщаниновъ предлагаетъ читателю таблицы, показывающія, въ числахъ, сравнительныя свѣдѣнія объ образовательномъ цензѣ и продолжительности службы по вѣдомству министерства юстиціи—находящихся въ настоящее время на этой службѣ чиновъ палатской прокуратуры и прокуроровъ окружныхъ судовъ

съ одной стороны, а съ другой—предсѣдателей и членовъ судебныхъ палатъ [1]).

Усмотрѣвъ изъ этихъ таблицъ, что въ составѣ судебныхъ палатъ—лицъ, получившихъ высшее юридическое образованіе, тотъ же процентъ, которымъ выражается одинаковый образовательный цензъ чиновъ прокуратуры, названный авторъ говоритъ, что, поэтому, „нѣтъ основанія признавать палаты, сравнительно съ прокурорскимъ надзоромъ, состоящими изъ *ученыхъ* юристовъ". [2])

Затѣмъ, установивъ указанными выше таблицами со свѣдѣніями о продолжительности службы помянутыхъ чиновъ палаты и прокуратуры, что различіе между годами службы первыхъ и вторыхъ весьма незначительное, г. Мѣщаниновъ заявляетъ, что „посему не представляется никакихъ основаній считать первыхъ изъ нихъ въ сравненіи съ послѣдними—*опытнѣйшими*" [3]).

Послѣ сего изъ приведенныхъ двухъ положеній объ одинаковой „ученности" и „юридической опытности" членовъ судебныхъ палатъ и прокуроровъ названный авторъ дѣлаетъ слѣдующій выводъ:

„Такимъ образомъ, первое положеніе составителей судебныхъ уставовъ, предполагавшихъ, что палата будутъ *собраніемъ опытнѣйшихъ юристовъ*, по прошествіи 30 лѣтъ, оказалось не соотвѣтствующимъ дѣйствительности, ибо прокуратура ни по опытности, ни по образовательному цензу—ни мало не уступаетъ составу палатъ" [4]).

Признавая вполнѣ соотвѣтствующими дѣйствительности приведенныя г. Мѣщаниновымъ положенія объ одинаковой „учености" и одинаковой „опытности" членовъ судебныхъ палатъ и чиновъ палатской прокуратуры, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, находимъ, что изъ этихъ положеній совершенно не вытекаетъ дѣлаемый изъ нихъ названнымъ авторомъ выводъ объ ошибочности предположенія составителей судебныхъ уставовъ—о томъ, что палаты будутъ „собраніемъ опытнѣйшихъ юристовъ".

---

[1]) Стр. 17, 18 и 19-я.
[2]) Стр. 19-я.
[3]) Стр. 18-я.
[4]) Стр. 19-я.

И въ самомъ дѣлѣ, развѣ признаніе, что судебная палата есть „собраніе опытнѣйшихъ юристовъ“ исключаетъ возможность существованія на свѣтѣ другихъ столь же „опытнѣйшихъ юристовъ,“ находящихся несомнѣнно и въ рядахъ прокуратуры, и въ рядахъ адвокатуры, и на другихъ поприщахъ судебной дѣятельности. А если не исключаетъ, то какъ же возможно утверждать, что палаты не могутъ быть признаны „собраніемъ опытнѣйшихъ юристовъ“ только потому, что „прокурора ни по опытности, ни по образовательному цензу ни мало не уступаетъ составу палатъ.“ Вотъ, еслибы опытность и юридическій образовательный цензъ прокуроровъ признать недостаточными для названія ихъ „опытнѣйшими юристами,“—тогда, конечно, нельзя было бы признать и палаты „собраніемъ“ таковыхъ юристовъ, ибо члены палатъ стоятъ на одномъ уровнѣ „учености“ и „юридической опытности“ съ прокурорами. Но г. Мѣщаниновъ, не признавая членовъ судебныхъ палатъ *опытнѣйшими юристами*, весьма далекъ отъ признанія „учености“ и „опытности“ прокуроровъ недостаточными,—иначе онъ не агитировалъ бы за освобожденіе отъ контроля дѣятельности ихъ по преданію обвиняемыхъ уголовному суду.

Такимъ образомъ, указывая, что члены судебныхъ палатъ не „ученѣе“ и не „опытнѣе“ прокуроровъ, и дѣлая неправильный выводъ, что, посему, нельзя признать судебныя палаты „собраніемъ опытнѣйшихъ юристовъ,“ г. Мѣщаниновъ придаетъ этому послѣднему термину не согласное съ существомъ его значеніе, а именно онъ полагаетъ, что, называя судебныя палаты означеннымъ терминомъ, составители судебныхъ уставовъ тѣмъ самымъ признали членовъ судебныхъ палатъ болѣе опытными юристами, чѣмъ прокуроры. Впалъ же названный авторъ въ такую ошибку, увлекшись, повидимому, соображеніемъ, что если одному учрежденію поручается контроль надъ извѣстными дѣйствіями другаго учрежденія, то контролирующее должно состоять изъ чиновъ, болѣе знающихъ и болѣе опытныхъ, чѣмъ чины контролируемаго учрежденія. Однако соображеніе это непримѣнимо къ разсматриваемому предмету по слѣдующимъ основаніямъ.

Затрогивающая важнѣйшіе общественные интересы и интересы отдѣльной личности служебная дѣятельность прокуроровъ и

членовъ судебныхъ палатъ требуетъ, чтобы и тѣ и другіе названные чины были самыми *опытнѣйшими юристами*. Посему не можетъ быть рѣчи о томъ, что контроль судебныхъ палатъ надъ дѣятельностью прокуратуры, по предмету преданія обвиняемхъ уголовному суду, вызывается меньшею прокурорскою юридическою опытностью, по сравненію ея съ таковою же опытностью членовъ судебныхъ палатъ. Необходимость въ этомъ контролѣ обусловливается совсѣмъ инымъ. Мы уже говорили выше, что къ учрежденію судебныхъ палатъ въ качествѣ обвинительныхъ камеръ составителей судебныхъ уставовъ побудила особенность природы прокурорской дѣятельности, боевой характеръ которой, побуждая къ успѣшной борьбѣ съ преступленіемъ, легко можетъ привести занимающихся этою дѣятельностью лицъ, даже незамѣтно и для нихъ самихъ, къ увлеченію обвиненіемъ, во вредъ цѣлямъ правосудія. Такое увлеченіе обвиненіемъ находитъ для себя особенно благопріятную почву въ томъ, что прокуроръ разрѣшаетъ подлежащіе его разсмотрѣнію вопросы единолично, по своему усмотрѣнію. Изыскивая же средство, могущее служить противовѣсомъ прокурорскому увлеченію обвиненіемъ, составители судебныхъ уставовъ потому остановились на контролѣ за прокурорскою дѣятельностью по преданію суду, что это средство является не только соотвѣтствующимъ складу русской жизни, но и единственно возможнымъ при невысокой культурѣ нашей страны, ибо недостаточная матеріальная обезпеченность и умственная неразвитость народной массы въ Россіи недозволяютъ ограничиться, хотя бы и на широкихъ началахъ развитыми законодательствомъ, институтами защиты обвиняемаго и вспомогательнаго частнаго обвиненія, въ качествѣ гарантій противъ возможныхъ вредныхъ послѣдствій отъ безконтрольной дѣятельности прокуратуры по преданію уголовному суду,—какъ это сдѣлано, напримѣръ, въ Австріи. Затѣмъ, вручить означенный контроль надъ прокуратурою—судебной коллегіи, которая не принимала бы непосредственнаго участія въ производствѣ уголовныхъ дѣлъ ни до преданія обвиняемаго суду и ни послѣ этого преданія, побудили составителей судебныхъ уставовъ свойственное спокойному характеру судебной дѣятельности безпристрастіе судей и коллегіальное разрѣшеніе ими дѣлъ, каковой способъ разрѣшенія, основанный на общеизвѣстной, выраженной словами народа, истинѣ: „одинъ умъ

хорошо, а два—лучше," несомнѣнно болѣе обезпечиваетъ правильность рѣшенія дѣлъ.

Изложенное едвали въ комъ либо оставитъ сомнѣніе, что г. Мѣщаниновъ напрасно потратилъ время на составленіе таблицъ, предлагающихъ сравнительныя свѣдѣнія о годахъ службы и образовательномъ цензѣ прокуроровъ и членовъ судебныхъ палатъ, ибо указываемый этими свѣдѣніями одинаковый уровень „учености" и „опытности" названныхъ чиновъ совершенно недоказываетъ того, что судебныя палаты не есть „собраніе опытнѣйшихъ юристовъ" и немогутъ быть таковымъ и что это первое основное положеніе составителей судебныхъ уставовъ не подтвердилось въ дѣйствительности.

Но означенныя таблицы, совершенно безполезныя для преслѣдуемыхъ названнымъ авторомъ цѣлей, окажутъ большую услугу намъ заключающимися въ нихъ свѣдѣніями о томъ, что „въ составѣ судебныхъ палатъ—лицъ, получившихъ высшее юридическое образованіе, находится 88,4% " и что „средняя цифра выслуги для члена судебной палаты будетъ 28,5 лѣтъ". [1])

И въ самомъ дѣлѣ, если въ палатской магистратурѣ почти 90% лицъ съ высшимъ юридическимъ образованіемъ и если для полученія должности члена судебной палаты необходимо прослужить болѣе четверти вѣка, то не въ правѣ ли мы празнать, что судебныя палаты, въ общемъ, дѣйствительно представляютъ собою „собраніе опытнѣйшихъ юристовъ". Для такаго признанія на лицо и научная юридическая подготовка этихъ юристовъ и предшествовавшая, весьма продолжительная, служба ихъ на различныхъ должностяхъ судебнаго вѣдомства. Возьмемъ свѣдѣнія о службѣ членовъ современной палатской магистратуры,—и мы увидимъ, что почти каждый изъ нихъ состоялъ, болѣе или менѣе продолжительное время, на должности судебнаго слѣдователя, послѣ чего многіе прошли службу на должностяхъ товарища прокурора и прокурора окружнаго суда, а другіе не мало послужили членами и товарищами предсѣдателя этого суда. Такимъ образомъ судебныя палаты, въ буквальномъ смыслѣ словъ, представляютъ собою „собраніе" лицъ, детально ознакомившихся со всѣми отраслями судебной дѣя-

[1]) Стр. 18—19.

тельности, включая въ нее и прокурорскую, а такая опытность въ судебномъ дѣлѣ исключаетъ возможность желать еще большей.

Если же и при всемъ этомъ всетаки возможно встрѣтить въ составѣ судебныхъ палатъ—членовъ въ родѣ указываемаго г. Мѣщаниновымъ, когда то существовавшаго въ одной палатѣ, „почтеннаго старичка—члена палаты", вся дѣятельность котораго выражалась въ замѣнѣ попадавшихся въ прокурорскихъ письменныхъ работахъ—словъ „которые" и „совершили" словами „кои" и „учинили" [1]), или же въ родѣ извѣстныхъ названному автору членовъ палаты, по образному его выраженію—„грѣшнымъ дѣломъ" совсѣмъ никогда нечитавшихъ ни одного докладываемаго ими дѣла, [2]) то такое случайное явленіе незнанія чиновникомъ своего дѣла, неспособности къ нему и нерадѣнія къ службѣ—не составляетъ особенности состава судебныхъ палатъ, а обще составу и всѣхъ другихъ правительственныхъ, судебныхъ и не судебныхъ, учрежденій, не исключая и состава прокурорскаго надзора. По пословицѣ „семья не безъ урода", лица съ таковымъ же характеромъ ненадлежащей служебной дѣятельности найдутся и въ прокуратурѣ. Такъ, въ параллель помянутому „почтенному старичку—члену палаты", не имѣвшему, по словамъ г. Мѣщанинова, даже опредѣленнаго понятія о законныхъ признакахъ „кражи со взломомъ", мы могли бы указать на прокурора, не имѣющаго понятія о томъ, что покушеніе на кражу, остановленное по собственной волѣ покусившагося на нее лица, ненаказуемо (113 ст. улож. о наказ.), каковой дефектъ въ знаніи привелъ этого прокурора къ внесенію въ палату обвинительнаго акта, заключавшаго въ себѣ проектъ преданія суду за покушеніе на кражу, остановленное по собственной волѣ покусившагося. Въ параллель же служебной небрежности члена палаты, никогда будто бы нечитающаго докладываемыхъ имъ дѣлъ, мы можемъ указать на недавно опубликованную въ газетахъ [3]) колоссальную небрежность лица окружной прокуратуры, предъявившаго къ окружному суду, оправдавшему подсудимаго, требованіе, чтобы послѣдній былъ оставленъ подъ стражей впредь до разсмотрѣнія

---

[1]) Стр. 22.

[2]) Стр. 23.

[3]) Судебная газета: 1895., № 44, ст. 12.—

аппелляціоннаго протеста его, прокурора, въ палатѣ, но протеста сего не подавшаго, вслѣдствіе чего оправдательный приговоръ вошелъ въ законную силу и оправданный просидѣлъ въ тюрьмѣ почти мѣсяцъ послѣ своего оправданія. Мы не мало знаемъ и другихъ, подобно двумъ вышеприведеннымъ, примѣровъ недостаточнаго знанія закона и служебной небрежности нѣкоторыхъ лицъ прокуратуры, но, тѣмъ не менѣе, никогда не позволимъ себѣ обобщать эти отдѣльные случаи незнанія и небрежности, доказывая ими несостоятельность прокуратуры въ дѣлѣ осуществленія намѣченныхъ закономъ для дѣятельности ея цѣлей и смягчая лишь такое обвиненіе названнаго учрежденія, подобно тому, какъ то дѣлаетъ г. Мѣщаниновъ по отношенію къ палатѣ, [1])—увѣреніемъ, что „за всѣ эти, едва ли кѣмъ либо могущіе быть оспариваемыми, факты винить“ чиновъ прокуратуры „можно съ извѣстною осмотрительностью, такъ какъ эти чины завалены работою“.

Покончивъ, такъ неудачно, съ разрѣшеніемъ вопроса: „дѣйствительно ли судебныя палаты есть собраніе опытнѣйшихъ юристовъ“, г. Мѣщаниновъ переходитъ, затѣмъ, къ другому изъ трехъ вышеуказанныхъ, послужившихъ основаніями къ учрежденію судебныхъ палатъ, положенію, которымъ составители судебныхъ уставовъ выразили свое стремленіе ограничить возможность произвола и увлеченія прокурорскаго надзора въ сферѣ преданія уголовному суду.

Задавъ себѣ вопросъ: „въ какой мѣрѣ верховный надзоръ судебныхъ палатъ ограничиваетъ увлеченіе и произволъ чиновъ прокуратуры“ [2]),—названный авторъ разрѣшилъ его слѣдующимъ образомъ.

Прежде всего онъ взялъ сводъ статистическихъ свѣдѣній по уголовнымъ дѣламъ за 1888 годъ и усмотрѣлъ, что въ теченіи этого года восемь судебныхъ палатъ общаго типа изъ числа вступившихъ въ обвинительную камеру письменныхъ заключеній прокурорскаго надзора измѣнили всего 8,6%. Но, вслѣдъ затѣмъ, г. Мѣщаниновъ приводитъ въ извѣстность, что въ означенномъ сводѣ не имѣется указанія, какого рода измѣненія сдѣланы были палатами

---

[1]) Стр. 23.

[2]) Стр. 19—20.

въ заключеніяхъ прокуратуры, и оставляетъ безъ всякаго разсмотрѣнія значеніе указаннаго имъ процента измѣненій, переходя къ разсмотрѣнію дѣятельности, за 1893 годъ, лишъ одной палаты. [1])

Мы находимся въ полномъ недоумѣніи на счетъ того, зачѣмъ понадобилось помянутому автору приводить въ своей статьѣ указанныя статистическія свѣдѣнія за 1888 годъ, если изъ этихъ свѣдѣній, по причинѣ неполноты ихъ, невозможно было сдѣлать какого либо вывода? Если же г. Мѣщаниновъ находилъ краснорѣчивымъ самый голый фактъ измѣненія палатами прокурорскихъ заключеній всего лишь въ количествѣ 8,6%, то почему онъ остановился на одномъ 1888 году, а не взялъ свѣдѣній по разсматриваемому вопросу за нѣсколько лѣтъ, какъ это принято дѣлать для полученія болѣе близкаго къ истинѣ вывода?

Но если могутъ быть большія погрѣшности въ выводахъ и заключеніяхъ, учиненныхъ изъ свѣдѣній о дѣятельности всѣхъ судебныхъ палатъ за одинъ только годъ, то еще болѣе далекими отъ истины могутъ оказаться сдѣланные разбираемымъ нами авторомъ выводы и заключенія о дѣятельности палатъ, въ указанномъ отношеніи, по даннымъ отчета о годовой дѣятельности всего одной лишь палаты, въ которой, по удостовѣренію г. Мѣщанинова, оказалось въ 1893 году, изъ всего числа внесенныхъ въ нее съ прокурорскими заключеніями—дѣлъ, только 3,5% такихъ, по коимъ обвинительные акты прокуратуры замѣнены были опредѣленіями палатъ о прекращеніи слѣдствія или измѣненіи подсудности дѣла, и только 0,78% такихъ, по которымъ прокурорскія заключенія о прекращеніи слѣдствія замѣнены палатскими опредѣленіями о преданіи обвиняемыхъ суду. [2])

И въ самомъ дѣлѣ, возможно ли, стремясь къ выясненію истины, приходить къ заключенію о непригодности какого либо правительственнаго учрежденія къ достиженію намѣченной для него законодателемъ цѣли по свѣдѣніямъ о дѣятельности одного лишь изъ многихъ органовъ этого учрежденія и, притомъ, о дѣятельности, взятой всего за одинъ годъ времени? Возможность значительныхъ колебаній въ цифровыхъ данныхъ о дѣятельности каждаго

---

[1]) Стр. 20.

[2]) Стр. тамъ же.

изъ помянутыхъ органовъ въ отдѣльности видна уже изъ того, что по своду судебной отчетности за 1888 годъ измѣненныхъ обвинительными камерами палатъ прокурорскихъ заключеній оказалось болѣе $8^1/_2\%$, а по разсматриваемому г. Мѣщаниновымъ отчету о дѣятельности одной палаты за 1893 годъ такихъ измѣненій всякихъ прокурорскихъ заключеній было въ этой палатѣ $3{,}5\% + 0{,}78\%$, то есть всего $4{,}28\%$, что составитъ лишь половину указанныхъ выше $8^1/_2\%$, каковая разница весьма существенна.

Тѣмъ не менѣе, не обращая вниманія на эту разницу и руководствуясь исключительно процентнымъ отношеніемъ числа измѣненныхъ палатою прокурорскихъ заключеній къ числу всѣхъ такихъ заключеній—въ одной лишь палатѣ и то за одинъ годъ, авторъ разсматриваемой нами статьи, съ полною увѣренностью въ непогрѣшимость своего вывода, резюмируетъ:

„Если, какъ говорятъ, контроль судебныхъ палатъ имѣетъ цѣлью гарантировать общество отъ неправильнаго прекращенія преслѣдованія и оградить обвиняемыхъ отъ неосновательнаго привлеченія къ суду, то нельзя не признать, что, даже въ цифровомъ отношеніи, контроль этотъ едвали даетъ осязательные результаты: 3% уничтоженныхъ обвинительныхъ актовъ и менѣе 1% случаевъ преданія, вопреки мнѣнію прокуратуры, суду!“ [1])

Указывая на отсутствіе у г. Мѣщанинова достаточныхъ фактическихъ данныхъ для вывода, что контроль судебныхъ палатъ надъ дѣятельностью прокуратуры по преданію суду „даже въ цифровомъ отношеніи едвали даетъ осязательные результаты“, мы дѣлаемъ это не потому, что придаетъ какое либо значеніе означенному „цифровому отношенію“, а лишь для того, чтобы констатировать фактъ полнаго произвола со стороны названнаго автора въ учиненіи означеннаго вывода, ибо какъ же возможно признать его достаточно обоснованнымъ тѣми фактическими данными годоваго отчета о дѣятельности одной лишь палаты, изъ которыхъ г. Мѣщаниновъ дѣлаетъ усилія учинить помянутый выводъ.

Но для разрѣшенія поставленнаго г. Мѣщаниновымъ вопроса о томъ, „въ какой мѣрѣ верховный надзоръ судебныхъ палатъ ограничиваетъ увлеченіе и произволъ чиновъ прокуратуры“,—процент-

---

[1]) Стр. 20.

ное отношеніе числа измѣненныхъ палатами прокурорскихъ заключеній къ числу всѣхъ такихъ заключеній не имѣетъ рѣшающаго, существеннаго значенія и одна изъ главныхъ ошибокъ разбираемаго нами автора состоитъ въ томъ, что онъ придаетъ означенному процентному отношенію не подобающее ему значеніе.

Для уясненія сего сдѣлаемъ два предположенія.

Допустимъ, что число измѣняемыхъ и замѣняемыхъ судебными палатами прокурорскихъ заключеній весьма значительно, но что и случаи неправильно и неосновательно поставленныхъ прокуратурою и палатами на судъ дѣлъ тоже многочисленны,—и мы должны будемъ признать, что хотя „въ цифровомъ отношеніи“ контроль судебныхъ палатъ „даетъ осязательные результаты“, ибо процентъ измѣненныхъ палатою прокурорскихъ заключеній весьма значителенъ,—тѣмъ не менѣе дѣятельность обвинительныхъ камеръ палатъ представляется неудовлетворительною, въ виду утвержденія ими значительнаго числа такихъ, несоотвѣтствующихъ цѣляхъ правосудія, прокурорскихъ обвинительныхъ актовъ, которымъ не должно было бы появляться на судѣ.

Здѣсь мы считаемъ необходимымъ пояснить, что беремъ одни случаи утвержденія палатами ненадлежащихъ прокурорскихъ обвинительныхъ актовъ и не упоминаемъ о случаяхъ неосновательнаго преданія суду самими палатами, вопреки мнѣнія прокуратуры о необходимости прекратить слѣдствіе по дѣлу,—потому, что эти послѣдніе случаи крайне рѣдки, и къ тому же обратившіе вниманіе печати и общества неосновательно, будто бы, постановленные судомъ присяжныхъ оправдательные приговора послѣдовали, на сколько это извѣстно, о подсудимыхъ, преданіе суду которыхъ требовалось утвержденными, со стороны палатъ, обвинительными актами прокуратуры, а не о подсудимыхъ, преданныхъ суду по иниціативѣ самихъ палатъ, вопреки мнѣнія прокурорскаго надзора о необходимости прекратить слѣдствіе.

Затѣмъ сдѣлаемъ другое, обратное, предположеніе.

Допустимъ, что число измѣняемыхъ и замѣняемыхъ судебными палатами прокурорскихъ заключеній незначительно, но за то и случаи неправильной и неосновательной постановки дѣлъ на судъ не извѣстны,—и мы тогда будемъ въ правѣ признать, что обвинительныя камеры палатъ дѣйствуютъ исправно, задерживая, какъ

въ фильтрѣ, всѣ, хотя по числу и не многія, несоотвѣтствующія цѣлямъ правосудія прокурорскія заключенія.

Правда, при ничтожности количества измѣненныхъ палатами прокурорскихъ заключеній и при отсутствіи случаевъ ненадлежащей постановки дѣлъ на судъ, могъ бы возникнуть вопросъ, не излишни ли судебныя палаты въ качествѣ обвинительныхъ камеръ, такъ какъ и безъ нихъ, статься можетъ, дѣло преданія суду пошло бы въ рукахъ одной прокуратуры такъ-же хорошо, какъ оно идетъ и при дѣятельности обвинительныхъ камеръ судебныхъ палатъ,— но разрѣшеніе и этого вопроса потребовало бы крайней осторожности и, во всякомъ случаѣ, обоснованности рѣшенія его не такими скудными фактическими данными и мало убѣдительными доводами и соображеніями, которые даетъ въ своей статьѣ г. Мѣщаниновъ.

Однако этотъ авторъ, какъ мы уже видѣли, агитируетъ за передачу дѣла преданія уголовному суду всецѣло въ руки прокуратуры не на почвѣ признанія существующей у насъ постановки уголовныхъ дѣлъ на судъ прекрасною и безукоризненною, а на почвѣ убѣжденія, что одною изъ причинъ значительности числа оправдательныхъ приговоровъ суда присяжныхъ служитъ неосновательное преданіе обвиняемыхъ уголовному суду. Кромѣ сего, не мѣшаетъ здѣсь припомнить раздѣляемое г. Мѣщаниновымъ мнѣніе профессора Володимірова о томъ, что „обрядъ преданія суду“ палатами „въ настоящее время составляетъ одну пустую формальность“, такъ какъ „огромное большинство дѣлъ въ порядкѣ преданія суду кончается однообразнымъ утвержденіемъ обвинительнаго акта“,—а также приведемъ себѣ на память мнѣніе и самаго г. Мѣщанинова о томъ, что „фактически дѣло“ (преданія суду) „все равно находится въ рукахъ прокуратуры“.

И такъ, все это припомнивъ и принявъ во вниманіе, не въ правѣ ли мы будемъ признать, что если тревожащіе печать и общество оправдательные приговора суда присяжныхъ находятся въ прямой зависимости отъ неправильнаго преданія обвиняемыхъ суду, дѣло по каковому преданію, по увѣренію г. Мѣщанинова, фактически находится въ рукахъ прокуратуры, ибо дѣятельность обвинительныхъ камеръ палатъ, выражаясь въ однообразномъ утвержденіи обвинительныхъ актовъ, составляетъ одну пустую формальность,—

то предоставленіе de jure всего дѣла по преданію суду, за упраздненіемъ обвинительныхъ камеръ палатъ, въ руки той же прокуратуры, которая, имѣя нынѣ фактически это дѣло въ своихъ рукахъ, ведетъ его такъ плохо,—есть такая мѣра, осуществить которую можетъ предложить только недостаточно обдумывающій свои дѣйствія человѣкъ.

Да не посѣтуетъ на насъ авторъ разсматриваемой статьи за эти послѣднія слова. Они есть самъ собою вытекающій выводъ изъ положеній, заключеній и соображеній, принадлежащихъ ему, автору.

Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, согласиться съ г. Мѣщаниновымъ, что прокуратура неудовлетворительно нынѣ ведетъ фактически находящееся въ ея рукахъ дѣло преданія уголовному суду—потому, что чины прокурорскаго надзора, „зная, что надъ ними стоитъ рядъ контролеровъ, которые имѣютъ право и обязаны разсматривать и провѣрять прокурорскую работу, могутъ надѣяться, что возможная въ послѣдней ошибка будетъ контролерами усмотрѣна и исправлена“,—а также вслѣдствіе того, что у чиновъ прокуратуры „отнимаются руки, опускается голова и пропадаетъ всякая энергія“ отъ дѣлаемыхъ въ ихъ работѣ поправокъ „контролеромъ, которому почему то присвоена дискреціонная власть, хотя этотъ контролеръ вовсе не является его начальствомъ“,—каковыя поправки, испещряя эту работу, дѣлаютъ ее похожею на „географическую карту“, чѣмъ выражается „глумленіе“ надъ личностью работника—прокурора и въ чемъ нерѣдко сказываются „личные счета между сослуживцами, возникшіе на почвѣ совершенно чуждой службѣ, и, какъ это часто бываетъ, переносимые на служебную почву“ [1]). „Хорошо еще, говоритъ г. Мѣщаниновъ, „если палата цѣликомъ замѣнитъ обвинительный актъ своимъ опредѣленіемъ, а если она измѣнитъ только его, исправитъ мѣстами (основательно или неосновательно—это другой вопросъ) изложеніе—сколько насмѣшекъ приходится вынести товарищу прокурора, а подъ часъ и самому прокурору, отъ членовъ суда.... совѣстно бываетъ смотрѣть

[1]) Стр. 29—30.

на секретаря суда, чрезъ руки котораго проходитъ испещренная поправками работа“ [1])!

По нашему крайнему разумѣнію, если кто хочетъ, чтобы контролирующее его письменную работу учрежденіе не оставляло на послѣдней слѣдовъ своихъ многочисленныхъ поправокъ, дѣлающихъ ее похожею на „географическую карту“,—тотъ, несомнѣнно, долженъ производить эту работу тщательно, стараясь не допускать ошибокъ и помня, что самою благопріятною почвою для появленія ихъ въ работѣ служитъ родящая и питающая небрежность къ дѣлу надежда работающаго, что его ошибки исправитъ контролирующее учрежденіе. Такому работнику—прокурору никогда не будетъ совѣстно смотрѣть ни „на секретаря суда“ и ни на кого другаго, ибо тщательно выполненная работа не можетъ вызвать многочисленныхъ, со стороны обвинительной камеры палаты, поправокъ, которыя дѣлали бы ее похожею на „географическую карту“. Исправленіе же палатою могущей встрѣтиться въ работѣ каждаго добросовѣстно исполняющаго свои обязанности прокурора ошибки непріятно, конечно, для его самолюбія, но не подастъ повода къ глумленію и насмѣшкамъ надъ виновникомъ ея со стороны знающихъ надлежащую цѣну всякой работѣ умныхъ людей. Что-же касается безтактной, по поводу такихъ ошибки и исправленія ея, выходки глупцовъ, то она менѣе всего способна пристыдить дѣльнаго прокурора, могущаго интересоваться лишь мнѣніемъ о своей работѣ—людей, одаренныхъ необходимымъ для критической оцѣнки здравымъ смысломъ. Еще менѣе добросовѣстно работающій прокуроръ можетъ быть пристыженъ ничѣмъ невызванными, неосновательными или совершенно излишними, исправленіями, сдѣланными въ его работѣ обвинительною камерою палаты, такъ какъ подобныя исправленія, изобличая въ незнаніи и неспособности самихъ „контролеровъ“, то есть членовъ палаты, могутъ пристыдить только этихъ послѣднихъ. Лучшимъ же вещественнымъ доказательствомъ не знанія дѣла или не способности къ нему неосновательно исправляющихъ прокурорскую работу членовъ палаты будетъ эта самая, такъ ими исправленная, работа. Такимъ образомъ, въ

[1]) Стр. 22.

интересахъ внимательныхъ къ своему дѣлу прокуроровъ весьма желательно, чтобы обвинительныя камеры палатъ, въ случаѣ признанія ими прокурорской письменной работы подлежащею исправленію, не замѣняли ее своими опредѣленіями, а дѣлали на ней поправки, ибо, если послѣднія будутъ основательны, прокуроръ изъ нихъ увидитъ, въ чемъ заключалась его ошибка, и въ будущемъ постарается избѣжать повторенія ея; если же, напротивъ, въ работѣ прокурора никакихъ ошибокъ и недостатковъ нѣтъ и она была исправлена неосновательно, то такія поправки наглядно покажутъ ихъ неосновательность, нисколько не роняя достоинства прокурорской работы. Между тѣмъ, при замѣнѣ прокурорской работы опредѣленіемъ палаты, у каждаго можетъ явиться мысль, что замѣненная работа такъ плоха, что ее невозможно было даже исправить.

Но совершенно иное значеніе имѣютъ дѣлаемыя палатою исправленія вносимыхъ въ нее прокурорскихъ письменныхъ работъ—для тѣхъ лицъ прокурорскаго надзора, которые небрежно выполняютъ такія работы. Извѣстно, что упражненіе человѣкомъ какого либо недостатка или порока ведетъ къ его развитію, могущему привести обладателя этого недостатка къ колоссальному его проявленію. Поэтому нисколько неудивительно, что постоянная небрежность въ выполненіи своихъ письменныхъ работъ доводитъ такихъ работниковъ до весьма значительнаго размноженія въ работѣ ошибокъ, исправленіе которыхъ, „испещряя“ послѣднюю, дѣлаетъ ее „похожею скорѣе на географическую карту, чѣмъ на рукопись“. Г. Мѣщаниновъ говоритъ, что „если онъ знаетъ, что надъ нимъ стоитъ цѣлый рядъ контролеровъ, которые имѣютъ право и обязаны разсматривать и провѣрять его работу“, то „онъ можетъ надѣяться, что возможная въ послѣдней ошибка будетъ ими усмотрѣна и исправлена“ [1]). Этого мы, конечно, оспаривать не станемъ. Всякій можетъ надѣяться, на что ему будетъ угодно. Выскажемъ только, что когда надѣющійся на исправленіе другими сдѣланныхъ имъ въ письменной работѣ ошибокъ увидитъ осуществленіе такой своей надежды, то онъ не долженъ усматривать глумленія надъ нимъ въ этомъ исправленіи, хотя бы оно сдѣлало

---

[1]) Стр. 29.

его работу „похожею скорѣе на географическую карту, чѣмъ на рукопись“. Словомъ, что нибудь одно изъ двухъ: или надѣйся на исправленіе твоихъ ошибокъ другими и тогда не обижайся на таковое исправленіе,— или же, если хочешь, чтобы не исправляли твою работу другіе, откинь въ сторону надежду на исправленіе ими твоихъ ошибокъ и работай тщательно, стараясь не допускать послѣднихъ.

Не ясно ли изъ сказаннаго нами, что если дѣйствительно кому нибудь изъ лицъ прокурорскаго надзора „приходится“, изъ за исправленной палатою его работы, „выносить насмѣшки отъ членовъ суда“, при чемъ „совѣстно бываетъ смотрѣть на секретаря суда, чрезъ руки котораго проходитъ испещренная поправками работа“, — такъ это только тѣмъ чинамъ прокуратуры, небрежная работа коихъ, полная ошибокъ, вызываетъ многочисленныя исправленія ея со стороны обвинительной камеры палаты? А если это такъ, то не слѣдуетъ ли охарактеризовать оплакиваемое г. Мѣщаниновымъ тяжелое положеніе подобныхъ, небрежно работающихъ, лицъ прокуратуры пословицею: „сама себя раба бьетъ, коли не чисто жнетъ“,—и признать, что лучшимъ средствомъ для устраненія означеннаго положенія является поднятіе уровня доброкачественности вносимыхъ прокуратурою въ палату письменныхъ работъ.

Но что же побуждаетъ названнаго автора ломать свое копье въ защиту такихъ, небрежныхъ въ своей работѣ, чиновъ прокуратуры и доходить въ этой защитѣ до признанія, что испещреніе со стороны палаты поправками прокурорской работы есть дѣйствіе ужасное, независимо отъ того: основательны или неосновательны такія поправки [1])?

На изложенный вопросъ г. Мѣщаниновъ даетъ слѣдующій отвѣтъ:

„..... если бы право преданія суду, а слѣдовательно и возбужденія преслѣдованія, было предоставлено исключительно прокуратурѣ, если бы послѣдняя знала, что въ этомъ дѣлѣ она отвѣтственна предъ закономъ и собственною совѣстью, что ея вѣсское

---

[1]) Стр. 22.

слово будетъ рѣшительнымъ, что надъ нею не будетъ стоять власть, ничего общаго, въ этомъ дѣлѣ, съ нею неимѣющая, работа была бы осторожнѣе, осмотрительнѣе, а служебное положеніе прокурора поднялось бы на нѣсколько градусовъ“ [1]).

И такъ, г. Мѣщаниновъ агитируетъ за предоставленіе права преданія суду исключительно прокуратурѣ во 1-хъ) для того, чтобы работа чиновъ ея была „осторожнѣе, осмотрительнѣе“ и во 2-хъ) для поднятія служебнаго положенія прокурора „на нѣсколько градусовъ“.

Остановимся прежде на предлагаемой мѣрѣ, какъ на средствѣ, долженствующемъ сдѣлать прокурорскую работу „осторожнѣе“ и „осмотрительнѣе“.

Мы уже говорили, что при существующемъ порядкѣ преданія суду ничто непрепятствуетъ добросовѣстно относящимся къ своему дѣлу лицамъ прокурорскаго надзора выполнять вносимую ими въ палату письменную работу тщательно, т. е. „осторожно“ и „осмотрительно“. Этого не можетъ отрицать и разбираемый нами авторъ, упоминающій въ своей статьѣ, что въ одной, какой то, палатѣ всѣ товарищи прокурора окружнаго суда дѣлились на „читаемыхъ и нечитаемыхъ“ и что акты и заключенія „нечитаемыхъ“ „утверждались безъ всякихъ поправокъ“; въ разрядъ же „нечитаемыхъ“ зачислялись товарищи прокурора, „ни разу непопавшіеся на неточномъ или небрежномъ изложеніи обстоятельствъ дѣла и неуличенные въ неправильной квалификаціи преступнаго дѣянія“, то есть такіе, которые „вели дѣло, какъ слѣдуетъ“ [2]). Этими своими словами г. Мѣщаниновъ удостовѣряетъ, что „вести дѣло, какъ слѣдуетъ“, то есть „осторожно“ и „осмотрительно“, лица прокурорскаго надзора вполнѣ могутъ и нынѣ, безъ „предоставленія права преданія суду исключительно прокуратурѣ“. Значитъ, такая мѣра, предлагаемая въ качествѣ средства сдѣлать прокурорскую работу болѣе „осмотрительною“ и „осторожною“, имѣетъ въ виду не добросовѣстно, а небрежно работающихъ прокуроровъ. Но не нужно быть оракуломъ, чтобы предсказать, что прокуроры, которые пло-

---

[1]) Стр. 30.

[2]) Стр. 22.

дятъ въ своей работѣ ошибки надеждою на исправленіе ихъ „контролерами“ и въ тоже время находятъ возможнымъ горько плакаться, что ихъ негодная работа испещряется поправками, вмѣсто замѣны ея опредѣленіемъ палаты,—не станутъ „осмотрительнѣе“ и „осторожнѣе“ работать только отъ одного того, что надъ ними не будетъ контролирующей ихъ работу обвинительной камеры палаты. Напротивъ, устраненіе контроля палаты совершенно разнуздаетъ небрежность такихъ работниковъ. Имъ тогда даже не придется опасаться „насмѣшекъ членовъ суда“ и „совѣститься секретаря суда“, чрезъ руки котораго нынѣ проходитъ ихъ испещренная палатою работа. Полагаться же на то, что склонные къ небрежной работѣ, съ упраздненіемъ существующаго надъ ихъ работой контроля, перестанутъ быть небрежными и сдѣлаются „осторожными“ и „осмотрительными“ работниками, вслѣдствіе своей „отвѣтственности передъ закономъ и собственною совѣстью“,— непростительная, по нашему мнѣнію, наивность. Развѣ отвѣтственность передъ закономъ и совѣстью за небрежное выполненіе работы теперь не стоитъ надъ допускающими такую небрежность чинами прокуратуры?.....

Основываясь на изложенномъ, мы приходимъ къ выводу, что въ предоставленіи права преданія суду исключительно прокуратурѣ не только не возможно усматривать мѣры, которая способна сдѣлать дѣятельность прокурорскихъ чиновъ вообще и вносимую въ палату прокурорскую работу въ частности—„осмотрительнѣе“ и „осторожнѣе“, но должно, напротивъ, видѣть устраненіе сдерживающаго начала, положеннаго въ основу дѣятельности обвинительныхъ камеръ палатъ и необходимаго какъ для увлекающихся обвинительнымъ характеромъ своей дѣятельности прокуроровъ, такъ и для тѣхъ, кои склонны къ небрежному выполненію своихъ письменныхъ работъ.

Чтобы наши послѣднія слова не повели къ недоразумѣнію, мы, будучи во всемъ сторонниками правды, добавимъ, что въ составѣ современной прокуратуры не мало лицъ, съ честью и безукоризненно несущихъ свои трудныя и высокополезныя служебныя обязанности, и что возможность существованія въ прокурорскомъ институтѣ, какъ и во всякомъ другомъ учрежденіи, лицъ, дѣятельность которыхъ вызываетъ необходимость въ сдерживающемъ, ука-

занномъ выше, началѣ, не налагаетъ на самое учрежденіе прокуратуры даже малѣйшей тѣни. Таковая же возможность существованія нестоящихъ на высотѣ своего служебнаго положенія членовъ судебныхъ палатъ побудитъ насъ имѣть дѣло съ вопросомъ о томъ, какими мѣрами должно предотвратить опасность для дѣла правосудія отъ ненадлежащей дѣятельности такихъ членовъ названной судебной коллегіи.

Теперь разсмотримъ предложенную г. Мѣщаниновымъ мѣру—въ качествѣ средства „къ поднятію служебнаго положенія прокурора на нѣсколько градусовъ".

Служебное положеніе всякаго должностнаго лица, не исключая и прокурора, обусловливается во 1-хъ) присвоенными должности его правами и обязанностями и во 2-хъ) характеромъ дѣятельности самого должностнаго лица по предмету пользованія имъ первыми и выполненія послѣднихъ. Отнесеніе же къ извѣстной должности тѣхъ или другихъ правъ и обязанностей не зависитъ отъ произвола законодателя и должно быть имъ направлено не къ награжденію однихъ должностныхъ лицъ дающими власть и значеніе правами и не къ отягощенію другихъ—возлагаемыми на нихъ обязанностями, а къ предоставленію должностному лицу возможности, чрезъ осуществленіе своихъ правъ и обязанностей, достигать поставленныхъ закономъ, для дѣятельности его, цѣлей.

Эти общеизвѣстныя истины должны помочь намъ разобраться въ вопросѣ о цѣлесообразности предлагаемой г. Мѣщаниновымъ мѣры. Поэтому онѣ и приводятся нами на память.

Такъ, прежде всего означенныя истины приведутъ насъ къ заключенію, что предложеніемъ поднять служебное положеніе прокурора чрезъ расширеніе его правъ г. Мѣщаниновъ долженъ преслѣдовать исключительно цѣль усовершенствованія порученнаго законодателемъ прокуратурѣ дѣла вообще и дѣла преданія уголовному суду—въ частности.

Посмотримъ же, чего можно достигнуть указываемымъ названнымъ авторомъ путемъ.

Мы видѣли, что предоставленіемъ права возбужденія уголовнаго преслѣдованія и права преданія уголовному суду исключительно прокуратурѣ г. Мѣщаниновъ надѣется и прокурорскую работу сдѣлать „осмотрительнѣе" и „осторожнѣе" и нынѣ предо-

ставленныя закономъ прокурору права по возбужденію преслѣдованія и преданію суду увеличить. Такимъ образомъ, помянутый авторъ стремится поднять служебное положеніе прокурора и посредствомъ болѣе тщательнаго выполненія имъ своихъ обязанностей и чрезъ расширеніе его правъ. Но выше мы уже выяснили, что изъятіе прокурорской письменной работы отъ контроля палатъ не поведетъ за собою усовершенствованія этой работы. Не болѣе дѣйствительною разсматриваемая мѣра окажется и по отношенію къ общему улучшенію дѣла преданія суду.

Какой порядокъ возбужденія уголовнаго преслѣдованія и преданія уголовному суду, спросимъ мы, долженъ быть признанъ надлежащимъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ долженъ и можетъ быть только одинъ и именно слѣдующій:

Тотъ порядокъ возбужденія преслѣдованія и преданія суду удовлетворяетъ цѣлямъ правосудія, который обезпечиваетъ собою не только правильность возбужденія преслѣдованія и основательность преданія суду, но и невозможность оставленія преступленій безгласными и недоведенія дѣлъ о нихъ до суда, каковая невозможность составляетъ первое и главнѣйшее условіе правильно развивающейся гражданственности.

И только тогда, когда г. Мѣщаниновъ доказалъ бы, что все это вполнѣ обезпечивается проектируемымъ имъ расширеніемъ правъ прокурора, онъ имѣлъ бы достаточное основаніе настаивать на необходимости поднять служебное положеніе послѣдняго указанною мѣрою. Но такъ какъ названный авторъ не доказалъ сего, то усилія его провести означенную мѣру должны оказаться напрасными. Не для того же, въ самомъ дѣлѣ, должно быть поднято служебное положеніе прокурора „на нѣсколько градусовъ“, чтобы его болѣе боялись, ниже ему кланялись и искали для себя, кому это нужно, пользы отъ такихъ поклоновъ. А что указанная мѣра приведетъ только къ одному этому явленію, или подобнымъ ему, не подлежитъ сомнѣнію. Предположимъ, что, вмѣсто существующаго нынѣ порядка возбужденія уголовнаго преслѣдованія: и чрезъ полицію, и чрезъ судебнаго слѣдователя, и чрезъ прокурора, введется рекомендуемый г. Мѣщаниновымъ порядокъ, при которомъ только

одинъ прокуроръ будетъ имѣть право возбудить уголовное дѣло, и безъ его требованія оно возникнуть не можетъ. Затѣмъ допустимъ, что преданіе уголовному суду будетъ предоставлено также исключительно прокуратурѣ, т. е. въ каждомъ случаѣ оно можетъ осуществиться при наличности одного прокурорскаго мнѣнія о необходимости сего. Какая громадная власть тогда окажется въ рукахъ прокурора, дѣйствующаго во всѣхъ случаяхъ служебной сферы по одному своему личному усмотрѣнію! Нѣтъ сомнѣнія, что такія мѣры чрезвычайно поднимутъ служебное положеніе прокурора во мнѣніи лицъ, непосредственно заинтересованныхъ въ служебныхъ дѣйствіяхъ его по тому или другому дѣлу, но въ тоже время побудятъ этихъ лицъ къ всевозможнымъ происканъ, направленнымъ къ достиженію своекорыстныхъ, далекихъ отъ преслѣдуемыхъ правосудіемъ, цѣлей, что, конечно, поставитъ и самаго прокурора въ крайне тяжелое положеніе. Нынѣ, когда всякому извѣстно, что возбужденіе уголовнаго преслѣдованія зависитъ не отъ одного прокурора, а окончательное разрѣшеніе вопроса о преданіи суду по болѣе важнымъ дѣламъ исходитъ не отъ одного лица, при чемъ заинтересованнымъ въ дѣлѣ лицамъ даже не можетъ быть извѣстно, кто изъ членовъ судебной палаты войдетъ въ составъ, который будетъ разрѣшать по данному дѣлу вопросъ о преданіи суду, и кто изъ вошедшихъ въ этотъ составъ лицъ подалъ то или другое мнѣніе,—въ подобномъ тяжеломъ и крайне неблагопріятномъ для дѣла правосудія положеніи не можетъ очутиться ни прокуроръ и ни членъ судебной палаты. Необходимо помнить, что какъ бы прокуроръ и судья ни были проникнуты сознаніемъ своего служебнаго долга, но они не могутъ совершенно отрѣшиться отъ вліянія окружающей общественной среды, съ которою ихъ связываютъ, помимо всякаго желанія, многочисленныя нити знакомства, родства, дружбы, а также тѣ взаимныя услуги, безъ которыхъ не обходится устройство быта даже самаго неприхотливаго и нетребовательнаго человѣка. И вотъ, чрезъ эти то нити и могутъ дѣйствовать на единоличное рѣшеніе прокуроромъ или судьей вопроса о преданіи суду, а при неудачѣ такового воздѣйствія—по тѣмъ же путямъ будетъ прокрадываться месть, незначительность каждаго укола которой нерѣдко осложняется многочисленностью этихъ уколовъ. Конечно, прокуроръ, обладающій и осторожностью въ

своихъ отношеніяхъ къ окружающимъ, и необходимою для огражденія себя отъ назойливыхъ искательствъ—силою воли, и выносливостью въ перенесеніи всякихъ невзгодъ, можетъ выходить съ честью изъ указаннаго тяжелаго положенія, но во 1-хъ) невозможно быть увѣреннымъ, чтобы всѣ лица прокурорскаго надзора въ достаточной степени обладали перечисленными качествами, по истинѣ геройскими для переживаемаго нами періода общественности, и во 2-хъ) героизмъ, какъ извѣстно, требуетъ, для своего проявленія, такого чрезвычайнаго напряженія силъ въ человѣкѣ, которое можетъ осуществляться лишь время отъ времени, съ необходимыми, для возобновленія человѣческихъ силъ, промежутками; между тѣмъ, вызываемая обычными занятіями прокурора по преданію суду борьба съ вышеуказанными проявленіями должна быть постоянною, повседневною, на которую не хватитъ никакого геройства.

Уже одного этого вполнѣ достаточно для признанія рекомендуемаго г. Мѣщаниновымъ поднятія служебнаго положенія прокурора „на нѣсколько градусовъ“ нетолько излишнимъ, но и прямо вреднымъ для дѣла правосудія. Съ этимъ мнѣніемъ, мы увѣрены, согласятся опытнѣйшіе и благоразумнѣйшіе изъ прокуроровъ.

Теперь обратимся къ другимъ доводамъ разбираемаго автора.

Не доказавъ основательность своего мнѣнія, что контроль судебныхъ палатъ, долженствующій гарантировать общество отъ неправильнаго прекращенія преслѣдованія и оградить обвиняемыхъ отъ неосновательнаго привлеченія къ суду, въ цифровомъ отношеніи не даетъ осязательныхъ результатовъ,—г. Мѣщаниновъ взялся „освѣтить этотъ вопросъ и со стороны конечныхъ результатовъ контрольной дѣятельности палатъ“ [1]). Дѣлаетъ же онъ это слѣдующимъ образомъ. Прежде всего заявляетъ, что такъ какъ прекращеніе палатою дѣла обжалованію не подлежитъ, то „и судить о правильности дѣятельности ея въ этомъ отношеніи данныхъ не представляется“. Затѣмъ названный авторъ говоритъ, что нѣтъ также цифровыхъ данныхъ, указывающихъ, по скольким именно дѣламъ, по которымъ палаты замѣнили своими опредѣленіями о преданіи суду—заключенія прокуратуры о прекращеніи слѣдствія,—

[1]) Стр. 20—21.

послѣдовали обвинительные судебные приговора. Но, продолжаетъ г. Мѣщаниновъ, „опираясь на собственную семилѣтнюю практику въ должности товарища прокурора окружнаго суда, мы беремъ смѣлость удостовѣрить, что обвинительные приговора присяжныхъ по такого рода дѣламъ были, въ большинствѣ случаевъ, счастливымъ исключеніемъ. Представляя, по распоряженію министерства, разъясненіе причинъ, вызвавшихъ оправдательные приговора, въ тѣхъ случаяхъ, когда количество послѣднихъ превышало 20% общаго числа приговоровъ, мы въ подлежащихъ случаяхъ, вмѣсто этихъ объясненій, отмѣчали: „дѣло по опредѣленію палаты"—и такимъ объясненіемъ начальство довольствовалось, очевидно вполнѣ сознавая трудность постановки обвинительнаго приговора по дѣламъ такого рода" [1]).

Вотъ все то, чѣмъ разбираемый нами авторъ „освѣщаетъ" „конечные результаты контрольной дѣятельности палатъ". Не оказалось у него цифровыхъ данныхъ для сужденія о правильности контрольной дѣятельности палатъ,—онъ замѣнилъ такія данныя случаями изъ „собственной" его прокурорской практики, при чемъ не остановился на мысли, возможно ли, основываясь на этихъ отдѣльныхъ, сравнительно весьма немногихъ, случаяхъ, дѣлать общій выводъ, что палаты неосновательно замѣняютъ своими опредѣленіями о преданіи суду прокурорскія заключенія о прекращеніи слѣдствія.

Но допустимъ, что собственная прокурорская практика г. Мѣщанинова была настолько обильна оправданіями подсудимыхъ, преданныхъ палатою суду, вопреки его заключенію о необходимости прекратить о нихъ слѣдствіе, что на такомъ обширномъ матеріалѣ вполнѣ возможно дѣлать обобщенія,—и посмотримъ, къ тому ли именно выводу приводитъ означенный матеріалъ, къ которому пришелъ этотъ авторъ.

И такъ, мы не станемъ оспаривать указанные помянутымъ авторомъ факты. Признаемъ, что обвинительные судебные приговора о преданныхъ палатою суду, вопреки заключенію прокурора, подсудимыхъ дѣйствительно составляетъ „счастливое исключеніе" и что

---

[1]) Стр. 21-я.

начальство прокуроровъ „довольствовалось“ полученіемъ отъ него, вмѣсто объясненія причины оправданія такихъ подсудимыхъ,— слѣдующей отмѣтки: „дѣло по опредѣленію палаты“.

Затѣмъ, разрѣшая вопросъ о причинахъ таковыхъ явленій, мы выскажемъ слѣдующее.

Едва ли кто либо, а тѣмъ болѣе г. Мѣщаниновъ, дающій такую высокую оцѣнку дѣятельности окружной прокуратуры, станетъ отрицать, что надлежащая обвинительная дѣятельность лица прокурорскаго надзора въ судебномъ засѣданіи имѣетъ весьма большое значеніе для суда присяжныхъ. Энергичная, умѣло составленная и добросовѣстно разработывающая данный судебнымъ слѣдствіемъ матеріалъ—обвинительная рѣчь прокурора если не всегда производитъ неотразимое впечатлѣніе на присяжныхъ засѣдателей, то всегда побуждаетъ ихъ всесторонне обсудить означенный матеріалъ и, тѣмъ, избѣгнуть постановленія неосновательнаго приговора. И, наоборотъ, вялая дѣятельность прокурора въ судебномъ засѣданіи и безцвѣтная обвинительная рѣчь его направляютъ присяжныхъ на путь постановленія оправдательнаго приговора. При такомъ характерѣ прокурорской обвинительной дѣятельности у присяжныхъ засѣдателей складывается убѣжденіе, что обвинитель, не будучи самъ увѣренъ въ виновности подсудимаго, не въ состояніи энергично ратовать за обвиненіе. И чѣмъ болѣе прокуроръ извѣстенъ за талантливаго и энергичнаго обвинителя, тѣмъ болѣе такая его вялая дѣятельность по извѣстному дѣлу бросается въ глаза и наводитъ присяжныхъ на мысль о неубѣжденности самого прокурора въ виновности подсудимаго, изъ чего они, не безъ основанія, дѣлаютъ выводъ, что если уже прокуроръ не настаиваетъ на обвиненіи, то улики слабы и постановленіе обвинительнаго приговора невозможно.

Посмотримъ теперь, при какихъ условіяхъ приходится дѣйствовать на судѣ присяжныхъ—прокурору, обвиняющему подсудимыхъ, преданныхъ суду палатою, вопреки заключенію его, прокурора, о необходимости прекратить о нихъ слѣдствіе, и возможно ли для него поддерживать въ такихъ случаяхъ обвиненіе такъ-же энергично и настойчиво, какъ онъ это способенъ дѣлать по дѣламъ о подсудимыхъ, преданныхъ суду составленнымъ имъ и утвержденнымъ палатою обвинительнымъ актомъ.

Пишущій настоящія строки въ теченіи своей продолжительной службы въ прокурорскомъ надзорѣ неоднократно и самъ поддерживалъ на судѣ присяжныхъ обвиненіе противъ преданныхъ суду палатою, вопреки его заключенію, подсудимыхъ и наблюдалъ подобную же обвинительную дѣятельность другихъ чиновъ окружной прокуратуры, при чемъ изъ такого своего опыта вынесъ убѣжденіе, что, за исключеніемъ чрезвычайно рѣдкихъ случаевъ, когда поставленное палатою на судъ обвиненіе, по мнѣнію предполагавшаго прекратить слѣдствіе по дѣлу—прокурора, совершенно не доказано, въ какихъ случаяхъ самъ законъ разрѣшаетъ замѣну такого прокурора другимъ (539 ст. уст. угол. суд.),—надлежащая обвинительная дѣятельность подчиняющагося опредѣленію палаты о преданіи суду прокурора вполнѣ возможна, хотя она, сравнительно, весьма не легка. Не легка же потому, что для успѣха ея необходимо попавшему въ указанное положеніе прокурору во 1-хъ) смирить свое самолюбіе, возбужденное противорѣчивымъ взглядомъ палаты на дѣло, во 2-хъ) не только руководствоваться этимъ взглядомъ палаты на дѣло, оставивъ въ сторонѣ свой собственный, но и съ надлежащею энергіею поддерживать самое обвиненіе, и въ 3-хъ) когда же такая энергія увѣнчается успѣхомъ, т. е. когда послѣдуетъ по дѣлу обвинительный приговоръ,—выказать себя выше слабости, мѣшающей обыкновенно прокурору признать, что если бы палата не предала обвиненнаго подсудимаго суду, а утвердила прокурорское заключеніе о прекращеніи о немъ слѣдствія, то виновный въ совершеніи преступнаго дѣянія остался бы ненаказаннымъ. Но для того, чтобы выполнить всѣ перечисленныя обязанности, прокуроръ долженъ обладать рѣдкими качествами истиннаго общественнаго дѣятеля, преслѣдующаго своею дѣятельностью публичные интересы даже и въ томъ случаѣ, когда успѣхъ этой дѣятельности можетъ изобличить его самого въ серьезной ошибкѣ. А такъ какъ подобные общественные дѣятели крайне рѣдки на всѣхъ поприщахъ, не исключая и прокурорскаго, то, поэтому, понятно, что энергичная поддержка обвиненія подсудимыхъ, преданныхъ суду палатою, вопреки заключенію прокурора, составляетъ „счастливое исключеніе“; при указанномъ же выше большомъ значеніи надлежащей обвинительной дѣятельности прокурора для суда присяжныхъ, совершенно не удивительно, что обвинительные

приговора о такихъ подсудимыхъ являются также „счастливымъ исключеніемъ“, а оправдательные—объясняются вялою дѣятельностью прокурора на судѣ и безцвѣтностью его рѣчи по такого рода дѣламъ. При такомъ взглядѣ на причины оправданія судомъ присяжныхъ—подсудимыхъ по означеннымъ дѣламъ, начальству прокурора не оставалось ничего болѣе дѣлать, какъ „довольствоваться“ указанною г. Мѣщаниновымъ отмѣткою, которая вину оправданія взваливала на предавшую суду, вопреки заключенію прокурора, палату, ибо было бы весьма наивно ожидать, чтобы, вмѣсто этой отмѣтки, прокуроръ помѣстилъ въ отчетныхъ вѣдомостяхъ свѣдѣніе о томъ, что обвиненіе на судѣ „провалилось“ вслѣдствіе неудовлетворительной обвинительной дѣятельности его, прокурора. Насколько извѣстно, отмѣна распоряженія о представленіи окружною прокуратурою вѣдомостей о причинахъ, вызвавшихъ оправдательные приговора суда присяжныхъ въ количествѣ, превышающемъ 20% всего числа разрѣшенныхъ этимъ судомъ дѣлъ,—потому и послѣдовала, что помѣщавшіяся въ означенныя вѣдомости прокуратурою свѣдѣнія были или гадательны или крайне шаблонны и ничего не разъясняли.

Такимъ образомъ, „опора на собственную семилѣтнюю практику въ должности товарища прокурора“ привела г. Мѣщанинова совсѣмъ не къ тому, къ чему онъ стремился. Вмѣсто установленія, этимъ путемъ, неосновательности преданія палатами суду обвиняемыхъ, о которыхъ прокуратура полагала прекратить слѣдствіе,—указываемые помянутою практикою факты приводятъ къ выводу, что причина оправданія судомъ присяжныхъ означенныхъ подсудимыхъ находится въ характерѣ обвинительной дѣятельности по такого рода дѣламъ самихъ прокуроровъ.

Разрѣшеніе того же вопроса: „въ какой мѣрѣ верховный надзоръ судебныхъ палатъ ограничиваетъ увлеченіе и произволъ чиновъ прокуратуры“ приводитъ еще г. Мѣщанинова во 1-хъ) къ разсмотрѣнію „порядка“, въ которомъ „ведется контрольная дѣятельность палаты“ [1]), и во 2-хъ) къ признанію, что для про-

[1]) Стр. 22.

вѣрки дѣйствій прокуратуры по преданію суду и для веденія, надлежащимъ образомъ, дѣла обвиненія—нужно пройти прокурорскую школу,—между тѣмъ большинство членовъ палатъ въ теченіи всей своей службы были только судьями [1]).

Разсмотримъ въ отдѣльности каждый изъ этихъ новыхъ доводовъ названнаго автора.

Знакомя читателя съ „порядкомъ", въ которомъ ведется контрольная дѣятельность палатъ, г. Мѣщаниновъ говоритъ, что ему „извѣстна дѣятельность двухъ палатъ: въ одной всѣ товарищи прокурора окружнаго суда, представлявшіе въ то время дѣла непосредственно прокурору палаты, дѣлились на читаемыхъ и нечитаемыхъ", при чемъ въ послѣднюю категорію зачислялись товарищи прокурора, ни разу непойманные на неточномъ или небрежномъ изложеніи обстоятельствъ дѣла и неуличенные въ неправильной квалификаціи преступнаго дѣянія; обвинительные акты и заключенія такихъ лицъ прокурорскаго надзора утверждались безъ всякихъ поправокъ. „Въ другой же палатѣ",—удостовѣряетъ г. Мѣщаниновъ,—„обвинительная камера никогда не вела засѣданій въ порядкѣ, указанномъ 529 — 542 ст. у. у. с., а дѣло читали только товарищъ прокурора палаты и членъ докладчикъ". И если тотъ и другой были согласны съ мнѣніемъ составителя обвинительнаго акта или заключенія по извѣстному дѣлу, то послѣднее вовсе не докладывалось, а подъ именемъ „безспорнаго" передавалось въ канцелярію, для приложенія бланки опредѣленія палаты объ утвержденіи письменной прокурорской работы по дѣлу. „Такимъ образомъ",—продолжаетъ помянутый авторъ,—„большинство дѣлъ читалось лишь двумя лицами, но были, грѣшнымъ дѣломъ, и такіе члены палаты, которые не читали никогда ни одного дѣла, и въ такомъ случаѣ обвинительную камеру изображалъ одинъ товарищъ прокурора палаты". Признавая указываемыя имъ явленія печальными и такими, которыя едва ли будутъ кѣмъ либо оспариваемы, г. Мѣщаниновъ однакоже находитъ, что винить въ нихъ членовъ палаты „можно съ извѣстною осмотрительностью: главная причина ихъ—масса непосильнаго труда, такъ какъ члены палатъ завалены работою".

---

[1]) Стр. 31.

Утомляя читателя этою новою, почти дословною, выдержкою изъ разсматриваемой нами статьи, мы дѣлаемъ такъ для того, чтобы наглядно показать, насколько авторъ ея доказателенъ въ своихъ выводахъ и заключеніяхъ.

Желая убѣдить въ безполезности палатъ, въ качествѣ обвинительныхъ камеръ, г. Мѣщаниновъ увѣряетъ, что самый порядокъ, въ которомъ ведется контрольная ихъ дѣятельность, указываетъ на ничтожное значеніе для дѣла правосудія означенной дѣятельности. Такія же свои увѣренія онъ подкрѣпляетъ однимъ лишь указаніемъ на „извѣстную ему дѣятельность“ двухъ какихъ то палатъ за то давнопрошедшее время, когда „товарищи прокурора окружнаго суда представляли дѣла непосредственно прокурору палаты“.

Между тѣмъ, уже одно простое, но вполнѣ основательное, соображеніе, что когда то упражнявшаяся дѣятельность двухъ палатъ не можетъ еще служить критеріемъ для оцѣнки современной дѣятельности даже этихъ самыхъ двухъ, а не только всѣхъ, нынѣ существующихъ у насъ, десяти судебныхъ палатъ,—должно было бы, повидимому, удержать названнаго автора отъ такихъ обобщеній указываемыхъ имъ явленій. Если же этого не случилось, то исключительно потому, что, стремясь къ дискредитированію дѣятельности обвинительныхъ камеръ судебныхъ палатъ въ глазахъ читателя своей статьи, г. Мѣщаниновъ рѣшилъ, очевидно, не останавливаться на соображеніяхъ и фактахъ, препятствующихъ достиженію помянутой его цѣли.

Но игнорированія такихъ соображеній было не достаточно для успѣшнаго выполненія названнымъ авторомъ своей задачи. Такъ какъ читатель самъ можетъ остановиться на вышеприведенной мысли о невозможности опорочивать дѣятельность всѣхъ судебныхъ палатъ на основаніи „извѣстной“ г. Мѣщанинову недоброкачественной дѣятельности лишь двухъ изъ нихъ, то ему пришлось создавать себѣ почву для обобщенія указанныхъ имъ фактовъ означенной дѣятельности. Такую почву помянутый авторъ пытается создать увѣреніемъ, что члены всѣхъ судебныхъ палатъ „завалены работою“, дающею имъ „массу непосильнаго труда“. Однако въ той же, разбираемой нами, статьѣ приведены статистическія свѣдѣнія, изъ которыхъ усматривается, что на долю каждаго члена палаты приходится въ годъ по 460,5 дѣлъ обвинительной камеры

и по 114,6 дѣлъ апелляціонныхъ и 1-й инстанціи [1]). Раздѣляя эти числа на $10^1/_2$ рабочихъ мѣсяцевъ у каждаго члена въ году (исключено вакаціонное время), получимъ 40 дѣлъ обвинительной камеры и около 11-ти дѣлъ апелляціонныхъ и 1-й инстанціи—въ мѣсяцъ. Полагая, затѣмъ, на каждаго члена въ недѣлю по одному судебному засѣданію и по одному засѣданію въ обвинительной камерѣ, мы будемъ имѣть для недѣльнаго доклада члена палаты менѣе 10-ти дѣлъ этой камеры и менѣе 3-хъ дѣлъ апелляціонныхъ и 1-й инстанціи. Если къ этому принять во вниманіе, что большинство тѣхъ и другихъ дѣлъ не отличается сложностью содержанія и не вызываетъ необходимости въ разрѣшеніи особенныхъ вопросовъ по примѣненію уголовнаго или процессуальнаго законовъ, то не останется сомнѣнія въ томъ, что г. Мѣщаниновъ крайне преувеличиваетъ, говоря, что члены палатъ „завалены работою“, дающею имъ „массу непосильнаго труда“. Возможно ли признать непосильнымъ трудомъ ознакомленіе съ 12-ю дѣлами въ теченіи недѣли и составленіе, въ этотъ періодъ времени, двухъ приговоровъ и четырехъ-пяти опредѣленій, изъ коихъ не болѣе десятой части—такихъ, которые требуютъ затраты значительнаго времени и напряженной мозговой работы.?!...

Правда, приведенныя выше цифры представляютъ собою средній выводъ изъ указываемыхъ помянутымъ авторомъ числовыхъ данныхъ о количественной дѣятельности члена палаты. Максимальныя же и минимальныя числа докладываемыхъ послѣднимъ, въ разное время, дѣлъ—порою, по различнымъ, вполнѣ устранимымъ, причинамъ, сильно отклоняются отъ указанныхъ выше чиселъ средняго вывода, вслѣдствіе чего временами членъ палаты почти совершенно свободенъ отъ работы, а временами онъ бываетъ отягощенъ ею. Но семилѣтняя служба пишущаго эти строки лица на должности члена одной изъ судебныхъ палатъ (Казанской) даетъ намъ достаточный опытъ для утвержденія, что никогда максимумъ числа приходящихся на члена палаты дѣлъ недостигаетъ предѣла, при которомъ работа его являлась бы „непосильнымъ трудомъ“ и ни-

[1]) Стр. 26.

разу въ помянутой судебной палатѣ за означенные семь лѣтъ не было случая, чтобы во время выѣздныхъ сессій палаты „засѣданія обвинительной камеры прерывались или назначались въ самыхъ неотложныхъ случаяхъ, при накопленіи арестантскихъ дѣлъ“, какъ на то указываетъ г. Мѣщаниновъ, говоря о какой то палатѣ [1]). Справедливость нами утверждаемаго легко провѣрить: стоитъ только просмотрѣть настольные реестры и журналы названной судебной палаты за періодъ времени съ 1889 по 1897 годъ. Если же въ какой то палатѣ практикуется указываемый названнымъ авторомъ порядокъ неназначенія засѣданій обвинительной камеры во время выѣздныхъ сессій палаты, то, въ виду отсутствія такого порядка въ другихъ палатахъ, какъ, напримѣръ, въ Казанской, нѣтъ основанія признавать его общимъ явленіемъ и еще менѣе основанія считать такой порядокъ неустранимымъ тѣми или иными законными мѣрами, которыхъ мы коснемся ниже, при разсмотрѣніи вопроса объ упорядоченіи дѣятельности судебныхъ палатъ.

Но если членъ палаты никогда не бываетъ настолько заваленъ работою, чтобы онъ не въ состояніи былъ ее выполнить, то какъ должно отнестись къ членамъ палаты, „грѣшнымъ дѣломъ нечитающимъ никогда ни одного дѣла“, о существованіи которыхъ свидѣтельствуетъ г. Мѣщаниновъ? Между тѣмъ послѣдній находитъ возможнымъ оказать такимъ членамъ нѣкоторое снисхожденіе, говоря, что „винить“ ихъ „можно съ извѣстною осмотрительностью.....“. Нѣтъ сомнѣнія, такая снисходительность названнаго автора къ ничего недѣлающимъ судьямъ возникла не на почвѣ христіанскаго всепрощенія, неподлежащаго примѣненію къ агентамъ суда, бездѣльничество которыхъ вредитъ общественнымъ и государственнымъ интересамъ. Эта снисходительность была бы неразрѣшимой загадкой, еслибы она не объяснялась стремленіемъ автора разбираемой нами статьи дискредитировать въ глазахъ читателя не членовъ палатъ, а самыя эти судебныя учрежденія. Имѣя свѣдѣніе, что въ какой то судебной палатѣ существовали или существуютъ члены, которые нечитаютъ никогда ни одного дѣла, г. Мѣщаниновъ, признавъ безъ всякаго основанія, что члены всѣхъ палатъ „завалены работою“, дающею имъ „массу непосильнаго труда“, пожелалъ до-

[1]) Стр. 25.

казать, что нечитающіе дѣлъ члены палаты нечитаютъ ихъ потому, что этотъ трудъ для нихъ, при массѣ работы, непосиленъ, а такъ какъ члены всѣхъ палатъ тоже завалены такою работою, то, значитъ, и всѣ они, по той же причинѣ, не могутъ, какъ слѣдуетъ, выполнять своей работы. И чтобы подчеркнуть эту невозможность, понадобилось названному автору высказать, что винить въ указываемыхъ имъ „печальныхъ фактахъ“ членовъ палатъ можно съ извѣстною осмотрительностью“.....

Однако обратимся къ разсмотрѣнію существа этихъ „печальныхъ фактовъ“, обнаруживающихъ „порядокъ“, въ которомъ „ведется контрольная дѣятельность палаты“ въ извѣстныхъ г. Мѣщанинову двухъ палатахъ.

Такое разсмотрѣніе приведетъ насъ къ заключенію, что далеко не всѣ, признаваемые этимъ авторомъ „печальными“, факты въ дѣйствительности печальны. Такъ, отнесеніе къ такого характера фактамъ—чтенія дѣлъ обвинительной камеры „только товарищемъ прокурора палаты и членомъ докладчикомъ“—совершенно не основательно, ибо означенный порядокъ вполнѣ законный и учиняется на основаніи тѣхъ же 529—542 ст. у. у., с. на которыя т. Мѣщаниновъ сослался, признавая порядокъ сей однимъ изъ „печальныхъ фактовъ“. Читая приведенныя статьи судопроизводственныхъ законовъ, мы находимъ, что 530-ая изъ нихъ предписываетъ палатѣ „разсматривать предварительное слѣдствіе по докладу одного изъ ея членовъ“. Затѣмъ, 531 ст. требуетъ, чтобы членъ докладчикъ излагалъ свой докладъ словесно, начиная его съ указанія на поводъ возникновенія дѣла,—указывая, далѣе, всѣ слѣдственныя дѣйствія, обращая вниманіе коллегіи на соблюденіе установленныхъ формъ и обрядовъ судопроизводства и прочитывая, въ подлинникѣ, протоколы, имѣющіе существенное въ дѣлѣ значеніе. По выслушаніи доклада и, на основаніи 532 ст., заключенія прокурора палаты,— послѣдняя, по требованію 533 ст., приступаетъ къ обсужденію дѣла..... Изъ приведенныхъ статей судопроизводственныхъ законовъ видно, что знакомиться съ дѣломъ, чрезъ личное прочтеніе его, законъ предписываетъ лишь одному члену палаты, докладывающему дѣло,—остальные же ея члены приступаютъ къ обсужденію дѣла по даннымъ, установленнымъ словеснымъ докладомъ одного изъ членовъ. Такимъ образомъ не „большинство

дѣлъ читается лишь двумя лицами", какъ говоритъ въ укоръ какой-то палатѣ г. Мѣщаниновъ, а, на основаніи закона, всѣ дѣла обвинительной камеры должны прочитываться и прочитываются однимъ лишь членомъ докладчикомъ. Такой законный порядокъ ознакомленія съ дѣлами обвинительной камеры палаты не вызываетъ, въ общемъ, никакихъ нареканій. Если же кто нибудь станетъ утверждать, что при означенномъ порядкѣ возможно злоупотребленіе докладомъ, то мы на это отвѣтимъ, что безъ извѣстной степени довѣрія къ агентамъ суда—послѣдній не можетъ правильно функціонировать. Для того же, чтобы это довѣріе оправдывалось, необходимы какъ надлежащіе подготовка и выборъ судебныхъ дѣятелей, такъ и безпощадное исключеніе изъ судебнаго вѣдомства зарекомендовавшихъ свою нравственную неряшливость дѣятелей.

Такимъ же, неимѣющимъ печальнаго характера, фактомъ является и тотъ порядокъ, при которомъ не каждое дѣло въ засѣданіи обвинительной камеры подробно докладывается, а лишь такое, которое вызываетъ своимъ существомъ необходимость въ подобномъ докладѣ. Самъ законъ (531 ст. у. у. с.) предписываетъ, напримѣръ, прочитывать въ засѣданіи камеры, въ подлинникѣ, только такіе протоколы, которые имѣютъ существенное въ дѣлѣ значеніе. А большинство дѣлъ обвинительной камеры настолько, по своему существу, несложны и обвиненіе по нимъ такъ хорошо обставлено, что весь докладъ по такимъ дѣламъ можетъ заключаться въ нѣсколькихъ словахъ. Приведемъ примѣръ тому: А, совершая кражу изъ обитаемаго дома, со взломомъ окна, былъ застигнутъ на-ней и сознался въ совершеніи этого преступленія какъ при дознаніи, такъ и на предварительномъ слѣдствіи. Все это занесено въ обвинительный актъ и къ дѣянію обвиняемаго, въ томъ актѣ, вполнѣ правильно подведены 9 и 1647 ст. улож. о наказ., при чемъ судебный слѣдователь при производствѣ предварительнаго слѣдствія не учинилъ никакого нарушенія судопроизводственныхъ формъ и обрядовъ. Понятно, что подобное дѣло будетъ доложено въ нѣсколькихъ словахъ.

Если же существуетъ нынѣ порядокъ, что подобныя несложныя дѣла, подъ именемъ „безспорныхъ", совсѣмъ не появляются въ засѣданіяхъ обвинительной камеры и не докладываются, а прямо передаются членомъ докладчикомъ въ канцелярію палаты, для приложенія къ нимъ печатныхъ бланокъ ея опредѣленій

объ утвержденіи письменныхъ прокурорскихъ работъ, то такой порядокъ, будучи вполнѣ устранимымъ безъ всякаго затрудненія, не можетъ служить доказательствомъ непригодности судебныхъ палатъ для надлежащаго исполненія возложеннаго на нихъ законодателемъ дѣла преданія суду.

Точно также можетъ и долженъ быть устраненъ возмутительный порядокъ раздѣленія палатою вносящихъ въ нее свою письменную работу по дѣламъ—лицъ прокуратуры на „читаемыхъ“ и „не читаемыхъ“, если только этотъ порядокъ еще практикуется въ какой либо судебной палатѣ.

Перейдемъ теперь къ мнѣнію г. Мѣщанинова о томъ, что „для рѣшенія такого сложнаго вопроса, какъ преданіе суду“, нужно пройти прокурорскую школу; между тѣмъ, большинство членовъ палатъ въ теченіи всей своей службы были только судьями [1]).

Свѣдѣнія о службѣ членовъ современной палатской магистратуры, какъ это мы выше говорили, указываютъ, что въ каждой судебной палатѣ одни ея члены ранѣе продолжительное время проходили судейскія должности, а другіе—прокурорскія, вслѣдствіе чего судебныя палаты, въ буквальномъ смыслѣ словъ, представляютъ собою „собраніе“ лицъ, детально ознакомившихся со всѣми отраслями судебнаго дѣла, а такая опытность коллегіи въ этомъ дѣлѣ исключаетъ возможность желать еще большей. Что же касается указанной помянутымъ авторомъ неравночисленности членовъ палатъ, проходившихъ ранѣе прокурорскую службу, и членовъ палатъ, въ теченіи всей своей службы бывшихъ только судьями, то во 1-хъ) этотъ фактъ есть достояніе прошедшаго, а не настоящаго времени, ибо, по существующей практикѣ назначеній на должность члена палаты, означенная должность замѣщается равномѣрно какъ судьями, такъ и прокурорами, во 2-хъ) но еслибы такого порядка назначеній не существовало, то, вмѣсто признанія, въ виду его отсутствія, обвинительныхъ камеръ палатъ подлежащими упраздненію, надлежитъ лишь ввести означенный порядокъ, и въ 3-хъ) общеизвѣстенъ фактъ, что повсюду, гдѣ только существуетъ коллегіальный способъ разрѣшенія дѣлъ, руководящее вліяніе на рѣ-

[1]) Стр. 31.

шеніе ихъ имѣютъ не невѣжды и люди бездарные, хотя бы они составляли большинство, а знающіе, опытные и способные.

Такимъ образомъ, разсмотрѣнное нами, неосновательное, замѣчаніе г. Мѣщанинова о недостаточномъ знакомствѣ судебныхъ палатъ съ тѣмъ, какъ должно вести надлежащимъ образомъ дѣло обвиненія, не колеблетъ признанія за палатами вполнѣ достаточной опытности въ судебномъ дѣлѣ. А въ такой то, именно, опытности судебной коллегіи и нуждается дѣло преданія суду, ибо самый актъ такового преданія, какъ справедливо полагали составители судебныхъ уставовъ, есть *первое дѣйствіе правосудія*, преслѣдующаго цѣль не только наказанія виновнаго, но и огражденія невиннаго отъ неосновательнаго обвиненія. Побуждаемые этою, преслѣдуемою правосудіемъ, цѣлью, творцы судебныхъ уставовъ должны были признать и признали, что „рѣшить вопросъ, есть ли достаточныя улики, чтобы посадить человѣка на позорную скамью подсудимыхъ", должны „не обвинитель и сторона, но безпристрастная камера обвиненія."

Изложенное возбуждаетъ вполнѣ законное желаніе знать, что именно побуждало г. Мѣщанинова отрицать необходимость безпристрастія судьи въ дѣлѣ рѣшенія вопроса, есть ли достаточныя улики для преданія суду, и желать замѣны въ этомъ дѣлѣ судейскаго безпристрастія—знакомствомъ прошедшаго прокурорскую школу обвинителя—съ тѣмъ, какъ вести надлежащимъ образомъ дѣло обвиненія?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ самъ г. Мѣщаниновъ слѣдующими словами:

„И эти то лица" (т. е. члены палаты, бывшіе въ теченіи всей своей службы судьями)—„рѣшаютъ безповоротно такой сложный вопросъ, какъ преданіе суду, исключительно по письменному матеріалу, между тѣмъ прокуроръ можетъ имѣть и иного рода свѣдѣнія, извѣстныя ему лично или изъ бесѣды со слѣдователемъ или товарищемъ прокурора, которыя такъ или иначе освѣщаютъ дѣло, но почему либо не попали въ акты предварительнаго слѣдствія, и для собранія которыхъ иногда просто жаль обращать дѣло къ дослѣдованію, возможны случаи, что ихъ всего удобнѣе добыть именно на перекрестномъ допросѣ при судебномъ слѣдствіи. Недаромъ же практика допустила распространенное толкованіе 573

ст. у. у. с., предоставя прокурору право вызывать дополнительныхъ свидѣтелей и экспертовъ вплоть до открытія судебнаго засѣданія по дѣлу.....“ [1])

Этими словами г. Мѣщаниновъ ярко освѣтилъ тѣ порядки въ дѣлѣ преданія суду, которые должны наступить въ случаѣ упраздненія обвинительныхъ камеръ палатъ, съ передачею означеннаго дѣла всецѣло въ руки прокуратуры

Изъ словъ тѣхъ видно, что нынѣ учиняемое обвинительною камерою тщательное разсмотрѣніе установленныхъ слѣдственными актами уликъ, съ опредѣленіемъ значенія каждой изъ нихъ и степени доказанности обвиненія всѣми ими въ совокупности,—при разрѣшеніи вопроса о преданіи суду „прошедшими прокурорскую школу“ обвинителями должно замѣниться рѣшеніемъ означеннаго вопроса не столько на основаніи занесенныхъ въ слѣдственные протоколы обстоятельствъ дѣла, сколько на основаніи незначущихся въ дѣлѣ свѣдѣній, полученныхъ предающими суду прокурорами лично, изъ бѣсѣдъ ихъ съ производившимъ слѣдствіе слѣдователемъ и наблюдавшимъ за слѣдственнымъ производствомъ товарищемъ прокурора.

Ну а если, спросимъ мы у г. Мѣщанинова, впослѣдствіи, на судѣ, окажется, что помянутые слѣдователь и товарищъ прокурора столь же добросовѣстно, полно и вѣрно, передали прокурору на словахъ обнаруженныя ими, но незанесенныя въ дѣло, свѣдѣнія, насколько добросовѣстно они исполняли свою обязанность заносить все обнаруженное въ слѣдственные акты, то кто окажется виноватымъ въ неосновательномъ преданіи суду обвиняемаго: невѣрно передавшіе свѣдѣнія слѣдователь и товарищъ прокурора, или повѣрившій имъ на слово предавшій суду прокуроръ? Намъ кажется, при увѣреніяхъ первыхъ двухъ, что они говорили послѣднему не то, что онъ имъ приписываетъ, а произошло это или вслѣдствіе недомолвки передававшихъ свѣдѣнія или вслѣдствіе того, что не дослышалъ или не понялъ ихъ слушавшій,—придется, пожалуй, винить предавшаго суду прокурора.

---

[1]) Стр. 31.

Но кто бы такимъ виновнымъ ни оказался,—безъ достаточныхъ основаній посаженному на позорную скамью подсудимыхъ—человѣку одинаково будетъ тяжко вынести незаслуженный позоръ. И какимъ наказаніямъ виновника этого позора, затѣмъ, не подвергли бы, тяжесть послѣдняго для перенесшаго его нисколько отъ сего не убавится.

Уже одна очевидная необходимость въ принесеніи, временами, предлагаемому г. Мѣщаниновымъ порядку преданія суду—подобныхъ жертвъ указаннаго выше незаслуженнаго позора—должна заставить любящаго свою родину человѣка отъ глубины души воскликнуть: „да избавитъ насъ Господь Богъ отъ такого порядка, при которомъ всякій изъ насъ, кромѣ, конечно, предающихъ суду прокуроровъ, можетъ очутиться, не будучи въ чемъ либо виновенъ, на позорной скамьѣ подсудимыхъ—по той лишь причинѣ, что о такомъ несчастномъ человѣкѣ, несправедливо заподозренномъ въ преступленіи по неблагопріятно сложившимся для него нѣкоторымъ обстоятельствамъ, незадолго передъ тѣмъ побесѣдовали между собою предающій суду прокуроръ, его товарищъ и судебный слѣдователь!“

Такимъ образомъ, разность взглядовъ творцовъ судебныхъ уставовъ и г. Мѣщанинова на вопросъ, кому надлежитъ предоставить право преданія уголовному суду, зависитъ отъ того, что первые, разрѣшая этотъ вопросъ, не только преслѣдовали цѣль наказанія виновнаго, но и стремились оградить невиннаго отъ неосновательнаго обвиненія; авторъ же разбираемой нами статьи, находя необходимымъ предоставить право преданія суду исключительно прокуратурѣ, заботится лишь объ одномъ: дать прокурору возможность посадить обвиняемаго на скамью подсудимыхъ, когда онъ, прокуроръ, предполагаетъ, что на судѣ противъ послѣдняго могутъ быть обнаружены достаточныя улики для признанія его виновнымъ. При этомъ помянутаго автора, очевидно, нисколько неозабочиваетъ мысль, что такое предположеніе прокурора, поведшее за собою преданіе суду, сдѣлаетъ, неоправдавшись, непоправимое зло посаженному на скамью подсудимыхъ обвиняемому.

Приписывая г. Мѣщанинову этотъ взглядъ на дѣло преданія суду, мы руководствуемся тѣмъ же его, вышеуказаннымъ, мнѣніемъ о необходимости предоставить прокурору возможность предавать об-

виняемаго суду не только по обнаруженнымъ предварительнымъ слѣдствіемъ даннымъ, но и на основаніи свѣдѣній, полученныхъ прокуроромъ въ личной бесѣдѣ съ другими лицами. Означенный взглядъ, въ которомъ концентрируются, какъ лучи въ оптическомъ фокусѣ, всѣ упованія названнаго автора на лучшее будущее дѣла преданія суду, вполнѣ освѣщаетъ основную мысль разбираемой статьи его. И г. Мѣщаниновъ вполнѣ вѣрно опредѣлилъ бы эту основную мысль слѣдующимъ эпиграфомъ къ своей статьѣ: „Долой безпристрастіе судьи въ дѣлѣ преданія суду; въ сторону письменный матеріалъ предварительнаго слѣдствія,—и да замѣнитъ ихъ, въ означенномъ дѣлѣ, опытность въ дѣлѣ обвиненія прошедшихъ прокурорскую школу обвинителей, которые матеріалъ для разрѣшенія вопроса, есть ли достаточное основаніе посадить человѣка на позорную скамью подсудимыхъ, будутъ черпать изъ своихъ личныхъ бесѣдъ съ производившимъ слѣдствіе слѣдователемъ и наблюдавшимъ за слѣдствіемъ товарищемъ прокурора“!!!.

А, вѣдь, когда г. Мѣщаниновъ, въ началѣ своей статьи, соглашался съ мнѣніемъ профессора Володимірова о томъ, что „однимъ изъ условій, и самымъ важнѣйшимъ,“ значительнаго числа оправдательныхъ приговоровъ, выносимыхъ присяжными засѣдателями, „является неосновательное преданіе суду“,—то заставлялъ думать, что онъ, г. Мѣщаниновъ, хлопочетъ о болѣе основательномъ преданіи суду, чѣмъ нынѣ практикующееся, дабы уменьшить число оправдательныхъ приговоровъ суда присяжныхъ!

Впрочемъ, подобныхъ противорѣчій въ разбираемой статьѣ не перечтешь. Еще на одно изъ нихъ, особенно выдающееся, нами будетъ указано ниже.

Перейдемъ къ признанію г. Мѣщаниновымъ „въ дѣйствительности неподтвердившимися“—слѣдующихъ третьяго и четвертаго положеній, послужившихъ основаніями къ учрежденію судебныхъ палатъ: 1) палаты будутъ премущественно заниматься разрѣшеніемъ дѣлъ по преданію суду, ибо другаго рода дѣлъ должно поступать въ нихъ незначительное количество, и 2) вслѣдствіе сего, разсмотрѣніе въ обвинительной камерѣ дѣлъ вызоветъ незначительное промедленіе въ движеніи ихъ.

Указавъ на законы 9 мая 1878 г., 11 мая 1882 г. и 7 іюля 1889 г., расширившіе кругъ подвѣдомственныхъ судебнымъ пала-

тамъ, въ качествѣ суда 1-й инстанціи, дѣлъ, г. Мѣщаниновъ говоритъ, что только до изданія этихъ законовъ палата являлась почти исключительно обвинительною камерою или апелляціонною инстанціею; дѣйствіе же означенныхъ законоположеній и, главнымъ образомъ, закона 7 іюля 1889 г., введшаго институтъ сословныхъ представителей, „рѣзко измѣнило," по увѣренію названнаго автора, „положеніе дѣла и обиліе дѣлъ 1-й инстанціи легло тяжелымъ бременемъ на судебныя палаты, вызвавъ прежде всего необходимость установленія выѣздныхъ сессій, отрывающихъ извѣстное число членовъ палаты, на болѣе или менѣе продолжительное время нѣсколько разъ въ теченіе года" [1]).

Прочитавъ эти строки статьи г. Мѣщанинова, мы въ правѣ, конечно, ожидать отъ послѣдняго надлежащихъ доказательствъ тому, что вызванное указанными законоположеніями обиліе дѣлъ 1-й инстанціи легло тяжелымъ бременемъ на палаты.

Посмотримъ, оправдываетъ ли названный авторъ такое ожиданіе.

Взявъ годовой отчетъ о дѣятельности 8-ми судебныхъ палатъ общаго типа за 1891 г., г. Мѣщаниновъ, вмѣсто выясненія, насколько измѣнившееся число дѣлъ 1-й инстанціи прибавило палатѣ работы и насколько самое число то увеличилось отъ дѣйствія закона 7 іюля 1889 г.,—сложилъ вмѣстѣ неизмѣненное помянутыми законами число дѣлъ апелляціонныхъ съ числомъ дѣлъ 1-й инстанціи и, затѣмъ, опредѣлилъ процентное отношеніе суммы этихъ чиселъ къ количеству дѣлъ обвинительной камеры и къ общему количеству всѣхъ, бывшихъ въ 1891 г. въ палатахъ, уголовныхъ дѣлъ. Такимъ путемъ онъ получилъ, что сумма дѣлъ 1-й инстанціи и апелляціонныхъ составляетъ 24,1% дѣлъ обвинительной камеры и 19,4% общаго количества всѣхъ уголовныхъ дѣлъ. Послѣ сего названный авторъ раздѣлилъ на число всѣхъ членовъ уголовныхъ департаментовъ палатъ (62) сумму чиселъ дѣлъ 1-й инстанціи и апелляціонныхъ съ одной стороны и число дѣлъ обвинительной камеры—съ другой и, противопоставивъ полученныя отъ этого дѣленія частныя числа одно другому, нашелъ, что число приходящихся на каждаго члена палаты дѣлъ 1-й инстанціи и апелляціонныхъ

---

[1]) Стр. 23—24.

(114,6) составляетъ почти четвертую часть падающаго на него количества дѣлъ обвинительной камеры (460,6).—Тоже самое онъ продѣлалъ съ числовыми данными отчета за 1893 г. какой то судебной палаты, имъ неназванной, причемъ получилъ приблизительно тѣже выводы.

Опираясь на приведенныя цифры, помянутый авторъ указываетъ, что, такимъ образомъ, дѣла 1-й инстанціи и апелляціонныя составляютъ почти четвертую часть дѣлъ обвинительной камеры,—слѣдовательно поступленіе ихъ, по мнѣнію этого автора, совсѣмъ не такъ ничтожно, какъ предполагали составители судебныхъ уставовъ; къ тому же дѣла этой категоріи „требуютъ“ будто бы, „сравнительно съ дѣлами по обвинительной камерѣ, массу времени и труда по веденію ихъ и составленію приговоровъ и протоколовъ, а при выѣздныхъ сессіяхъ отрываютъ отъ постоянныхъ занятій извѣстное число членовъ въ самую горячую рабочую пору;“ поэтому „именно означенныя дѣла и ложатся тяжелымъ бременемъ на палаты, между тѣмъ какъ дѣла обвинительной камеры отнимаютъ у членовъ ея всего одинъ день въ недѣлю, несчитая, конечно, занятій на дому, которыя одинаково неизбѣжны и по дѣламъ первой группы“ [1]).

Изъ приведенныхъ словъ г. Мѣщанинова видно, что разговоръ свой объ обиліи дѣлъ 1-й инстанціи, легшемъ тяжолымъ бременемъ на палаты,“ онъ свелъ на обиліе дѣлъ 1-й инстанціи и апелляціонныхъ, приписывая тяжесть бремени, для палатъ, уже дѣламъ обѣихъ этихъ категорій. Притомъ онъ какъ бы забываетъ принятую на себя обязанность доказать свое положеніе о „рѣзкомъ измѣненіи положенія дѣла“ въ палатахъ именно отъ обилія дѣлъ 1-й инстанціи, вызваннаго указанными имъ законоположеніями.

Но полная невозможность представить сему доказательства очевидно и побудила названнаго автора прибавить къ дѣламъ 1-й инстанціи—дѣла апелляціонныя. Насъ же означенная невозможность побуждаетъ признать, что ею то, повидимому, и обусловливается указанная выше забывчивость помянутаго автора.

---

[1]) Стр. 24—26.

И въ самомъ дѣлѣ, производя подлежащія ариѳметическія дѣйствія надъ числовыми данными указаннаго г. Мѣщаниновымъ отчета о дѣятельности восьми судебныхъ палатъ общаго типа за 1891 годъ, мы получимъ: количество дѣлъ 1-й инстанціи, въ умноженіи которыхъ выразилось дѣйствіе вышеуказанныхъ законовъ, составляетъ всего 9,1% числа дѣлъ обвинительной камеры и 7,1% общаго количества всѣхъ уголовныхъ дѣлъ въ палатахъ за 1891 годъ. Затѣмъ, дѣлъ 1-й инстанціи приходится на каждаго члена палаты по 39,3. Такимъ образомъ, выведенныя нами процентныя отношенія и количество дѣлъ на члена палаты, почти втрое меньшія опредѣленныхъ г. Мѣщаниновымъ, не подтверждаютъ словъ его о „рѣзкомъ измѣненіи“ помянутыми законами положенія дѣла въ палатахъ. Если же мы, затѣмъ, приведемъ на память законъ 18 декабря 1889 года, которымъ, вслѣдствіе изданія помянутаго закона 7 іюля 1889 г., было увеличено число членовъ и товарищей прокурора восьми судебныхъ палатъ общаго типа: первыхъ—въ количествѣ 16-ти, а послѣднихъ—въ количествѣ 8-ми на всѣ эти палаты, каковыми новыми должностями усилены исключительно штаты уголовныхъ департаментовъ палатъ, о чемъ г. Мѣщаниновъ совершенно умалачиваетъ,—то увѣренія послѣдняго, что „обиліе дѣлъ 1-й инстанціи легло тяжелымъ бременемъ на судебныя палаты“ уже будутъ не только голословны, но и прямо несогласны съ дѣйствительностью.

Для доказательства сего возьмемъ число бывшихъ въ 1891 году, на производствѣ 8-ми судебныхъ палатъ общаго типа, дѣлъ 1-й инстанціи—2433 и раздѣлимъ его на 16, то есть на количество всѣхъ, прибавленныхъ закономъ 18 декабря 1889 г.. членовъ палатъ, при чемъ получимъ, что на каждаго изъ нихъ дѣлъ указанной группы приходится: по 153—въ годъ, по 15-ти дѣлъ—въ мѣсяцъ (считая у члена палаты $10^1/_2$ рабочихъ мѣсяцевъ въ году) и по 4-ре дѣла—въ недѣлю. Такое количество дѣлъ не можетъ, конечно, дать члену палаты непосильной работы,—и еслибы разрѣшеніемъ въ палатѣ дѣлъ 1-й инстанціи занялись исключительно тѣ члены, должности которыхъ учреждены закономъ 18 декабря 1889 г., то, безъ сомнѣнія, они нетолько справились бы съ этой работы, но и могли бы помочь остальному составу палатъ въ разрѣшеніи, напримѣръ, тѣхъ апелляціонныхъ дѣлъ,

назначеніе коихъ въ выѣздныхъ сессіяхъ является болѣе удобнымъ, чѣмъ разсмотрѣніе означенныхъ апелляціонныхъ дѣлъ въ мѣстѣ постояннаго нахожденія палаты.

Что же касается увѣренія г. Мѣщанинова, что дѣла 1-й инстанціи „требуютъ, сравнительно съ дѣлами обвинительной камеры, массу времени и труда по веденію ихъ и составленію протоколовъ и приговоровъ," то въ дѣйствительности ничего подобнаго нѣтъ, за исключеніемъ весьма рѣдкихъ случаевъ, когда между дѣлами 1-й инстанціи попадается дѣло сложное, на веденіе котораго идетъ одинъ или нѣсколько дней, а составленіе протокола и приговора по такому дѣлу требуетъ значительнаго труда и времени. Но подобныхъ дѣлъ въ каждой палатѣ бываетъ въ годъ два—три, или самое большее—пять, а потому принимать ихъ въ расчетъ недолжно,—тѣмъ болѣе, что и въ числѣ дѣлъ обвинительной камеры попадаются, и, притомъ, весьма нерѣдко, такія же сложныя дѣла, по коимъ приходится члену палаты, при несогласіи послѣдней съ существомъ составленнаго, по симъ дѣламъ, письменнаго прокурорскаго заключенія или обвинительнаго акта, написать подробное, обстоятельно мотивированное, опредѣленіе, которое, по количеству затраченнаго на него труда и времени, стоитъ любаго, самаго сложнаго, судебнаго приговора. Надо помнить, что громадное большинство дѣлъ, подвѣдомственныхъ судебной палатѣ въ качествѣ суда 1-й инстанціи, есть или незамысловатаго содержанія дѣла о сопротивленіяхъ власти состороны подвергаемыхъ описи ихъ имущества, за долги или недоимки, крестьянъ или еще менѣе сложныя дѣла о совершившихъ незначительную растрату, лихоимство, или превышеніе власти—должностныхъ лицахъ сельскаго и волостнаго управленій. Всякому, кто имѣлъ въ своихъ рукахъ подобныя дѣла, извѣстно, что веденіе ихъ на судѣ и составленіе по нимъ протоколовъ и приговоровъ—если не минутное, въ буквальномъ смыслѣ слова, дѣло, то такое, исполненіе котораго требуетъ часоваго, или много, двухчасоваго труда. Къ тому же этотъ трудъ дѣлится между чинами палаты такъ: ведетъ дѣло на судѣ предсѣдатель, протоколъ составляетъ, подъ его руководствомъ, секретарь, а проектъ приговора изготовляетъ членъ палаты, работа котораго по такому изготовленію, въ недѣлю, 3-хъ—4-хъ приговоровъ по дѣламъ 1-й инстанціи и апелляціоннымъ—несравненно легче работы того же члена по под-

готовленію, въ недѣльный срокъ, къ докладу 10-ти дѣлъ обвинительной камеры, съ написаніемъ по 3-мъ, 4-мъ или 5-ти изъ сихъ дѣлъ—опредѣленій. При этомъ слѣдуетъ принять въ соображеніе, что въ распорядительныхъ засѣданіяхъ палаты какъ по дѣламъ обвинительной камеры, такъ и по предмету разрѣшенія относящихся къ акту преданія суду—вопросовъ, нерѣдко возникаютъ разнообразныя сужденія участвующихъ въ засѣданіи членовъ о примѣненіи того или другого судопроизводственнаго или уголовнаго закона, что вызываетъ тщательную разработку, въ подлежащемъ опредѣленіи палаты, мотивовъ, обусловившихъ состоявшуюся резолюцію палаты.—Здѣсь мы оговоримся, что приведенное выше число всѣхъ трехъ категорій—дѣлъ на члена палаты въ недѣлю не случайное, а выведенное нами изъ помѣщенныхъ въ статьѣ г. Мѣщанинова числовыхъ данныхъ—тогда, когда мы возражали на мнѣніе этого автора о ничтожности значенія для дѣла правосудія контрольной дѣятельности палатъ. Тогда же нами было выяснено, что и совокупность труда члена палаты по дѣламъ всѣхъ трехъ категорій: 1-й инстанціи, апелляціонныхъ и обвинительной камеры вполнѣ соотвѣтствуетъ силамъ среднихъ способностей человѣка, такъ какъ невозможно признавать непосильнымъ трудомъ ознакомленіе, въ теченіи недѣли, съ 13-ью—14-ью дѣлами названныхъ трехъ группъ и составленіе, въ этотъ періодъ времени, отъ 2-хъ до 4-хъ приговоровъ и отъ 3-хъ до 5-ти опредѣленій, изъ коихъ не болѣе десятой части такихъ, которые требуютъ затраты значительнаго времени и напряженной мозговой работы. Несомнѣнно, что не къ устройству изъ должности члена палаты синекуры, а только къ возможности для него надлежащимъ образомъ выполнять свои обязанности по обвинительной камерѣ—и стремились составители судебныхъ уставовъ, высказавъ положеніе, что судебныя палаты будутъ преимущественно обвинительною камерою, такъ какъ дѣлъ другаго рода въ нихъ поступитъ незначительное количество.

Такимъ образомъ нѣтъ достаточной причины признавать это, послужившее однимъ изъ основаній къ учрежденію судебныхъ палатъ, положеніе составителей уставовъ „неподтвердившимся 30-ти лѣтнею практикою новыхъ судовъ“, какъ то дѣлаетъ г. Мѣщаниновъ.

Такому нашему выводу не могутъ повредить слѣдующія два, еще нами неразсмотрѣнныя, указанія помянутаго автора: 1) на вызванную введеніемъ института сословныхъ представителей „необходимость установленія палатами выѣздныхъ сессій, отрывающихъ извѣстное число членовъ палаты на болѣе или менѣе продолжительное время нѣсколько разъ въ годъ“, [1]) и 2) на то обстоятельство, что, съ введеніемъ означеннаго института, обвинительною камерою и судомъ, разрѣшающимъ подвѣдомственное палатѣ, съ участіемъ сословныхъ представителей, дѣло по существу, явился одинъ и тотъ же уголовный департаментъ палаты, въ чемъ г. Мѣщаниновъ усматриваетъ „несомнѣнный конфлитъ обвинительной и судебной властей“, единственный, указанный сенатомъ, выходъ изъ котораго есть установленіе правила, чтобы участвовавшіе въ преданіи суду члены палаты неучаствовали въ разрѣшеніи дѣла по существу [2]).

Обращаясь къ первому, изъ приведенныхъ, указанію названнаго автора, касающемуся выѣздныхъ сессій палаты, мы прежде всего отмѣтимъ, что практика примѣненія закона 7 іюля 1889 г., въ интересахъ государственнаго казначейства, установила участіе въ выѣздныхъ сессіяхъ палаты не трехъ членовъ ея, а лишь двухъ; для пополненія же состава присутствія третьимъ кореннымъ судьей всегда приглашается членъ мѣстнаго окружнаго суда, согласно даваемому закономъ на этотъ предметъ разрѣшенію. Такимъ образомъ въ выѣздной сессіи палаты, кромѣ старшаго предсѣдателя или одного изъ предсѣдателей департамента, принимаетъ участіе лишь то самое число членовъ, на которое составъ ихъ въ уголовныхъ департаментахъ увеличенъ именно для разрѣшенія дѣлъ съ участіемъ сословныхъ представителей. Стало быть, если выѣздныя сессіи палаты назначать послѣдовательно одну за другою, а не одновременно по двѣ или по три въ разныхъ пунктахъ судебнаго округа, что̀ вполнѣ возможно,—то поѣздки на эти сессіи двухъ членовъ не внесутъ ни малѣйшаго затрудненія въ то теченіе дѣла въ обвинительной камерѣ, которое существовало до установленія выѣздныхъ сессій палаты. Правда, отъѣздъ въ сессію предсѣдателя

[1]) Стр. 23.
[2]) Стр. 24.

департамента вызываетъ исполненіе его обязанностей однимъ изъ членовъ палаты, но, какъ показалъ опытъ, если дѣло въ департаментѣ хорошо направлено, а канцелярская работа упорядочена,— исполненіе членомъ палаты предсѣдательскихъ обязанностей не помѣшаетъ ему докладывать, по обыкновенію, приходящееся на его долю количество дѣлъ.

Г. Мѣщаниновъ указываетъ, что въ одной палатѣ, по отчету ея за 1893 г., было всего 6-ть выѣздныхъ сессій, въ которыхъ участвовало пять членовъ палаты, но не приводитъ въ извѣстность: одновременно выѣзжали эти пять членовъ на сессіи, или лишь по два въ разное время. Между тѣмъ это обстоятельство, какъ видно изъ изложеннаго, весьма существенное.

Что же касается возможности не назначать одновременно по двѣ и по три сессіи въ разныхъ пунктахъ округа, то она несомнѣнна и лучше всего доказывается тѣмъ же, приводимымъ г. Мѣщаниновымъ, отчетомъ какой то палаты. Изъ послѣдняго видно, что въ ней выѣздныя сессіи бываютъ лишь въ апрѣлѣ, маѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ. Если для палаты возможно выбирать любое время для выѣздныхъ сессій даже при условіи совершеннаго прекращенія выѣздовъ на семь мѣсяцевъ (съ сентября по апрѣль), то, конечно, вполнѣ возможно не назначать и параллельныхъ сессій, чему, во всякомъ случаѣ, не должны препятствовать матеріальныя выгоды или личныя удобства совершающихъ поѣздку, на сессію, членовъ палаты отъ пользованія именно тѣмъ, а не другимъ, предоставляемымъ временемъ года, путемъ сообщенія.

Затѣмъ, точно также неосновательно указаніе г. Мѣщанинова на непригодность судебныхъ палатъ для дѣла преданія уголовному суду, вслѣдствіе вызваннаго, будто-бы, закономъ 7 іюля 1889 г, „несомнѣннаго конфлита обвинительной и судебной властей“, каковой „конфлитъ“ названный авторъ усматриваетъ въ томъ, что на основаніи указаннаго закона, „и обвинительною камерою и судомъ, разрѣшающимъ дѣло по существу, явился одинъ и тотъ же уголовный департаментъ судебной палаты“.

Такое мнѣніе г. Мѣщанинова явилось на почвѣ вызваннаго названіемъ судебныхъ палатъ „обвинительною камерою“—смѣшенія этимъ авторомъ понятій, присвоиваемыхъ закономъ „обвинительной власти“ и „акту преданія суду“.

По мнѣнію г. Мѣщанинова, этотъ актъ, по природѣ своей, относится къ тѣмъ дѣйствіямъ, которыя должны учиняться обвинительною властью. Отсюда мнѣніе его о смѣшеніи въ дѣятельности судебныхъ палатъ „совершенно различныхъ процессуальныхъ функцій—судебной и обвинительной“ [1]), ибо палата закономъ 7 іюля 1889 г. призвана къ дѣятельности суда 1-й инстанціи—по дѣламъ, преданіе суду по которымъ осуществляется опредѣленіемъ того же уголовнаго департамента палаты.

Между тѣмъ, подъ „властью обвинительною“ законъ подразумѣваетъ лишь принадлежащую прокуратурѣ власть обнаруженія преступленій и преслѣдованія виновныхъ (суд. уставы, изд. госуд. канц., ч. 2, стр. VII, ст. 4; основныя положенія), но не оцѣнку уликъ для разрѣшенія вопроса, есть ли достаточное основаніе предать обвиняемаго суду, каковое дѣйствіе законъ признаетъ „*первымъ дѣйствіемъ правосудія*“ (объясненіе на 523 ст. у. у. с., изд. госуд. канц.), требующимъ, природою своею, совершенія его судебною властью, ибо оцѣнка уликъ при преданіи суду есть, такъ сказать, первообразъ разрѣшенія дѣла по существу.

Изъ сего видно, что какъ преданіе суду, такъ и разрѣшеніе дѣла по существу законъ основательно признаетъ дѣйствіями, природа коихъ требуетъ совершенія ихъ судебною властью. Поэтому въ дѣятельности судебной палаты, предающей обвиняемыхъ суду по тѣмъ же самымъ дѣламъ, по которымъ она является судомъ 1-й степени, вовсе непроисходитъ смѣшенія обвинительной и судебной властей.

Если же члены палаты, предавшіе обвиняемаго суду, не должны по дѣлу о немъ исполнять обязанности судей, разрѣшающихъ это дѣло по существу, то необходимость такого порядка обусловливается не соображеніями, по которымъ законъ (2 п. 600 и 606 ст. у. у. с.) не дозволяетъ исполнявшему обязаности обвинителя—прокурору быть по тому же дѣлу и судьей, а основаніями, по коимъ законъ (929 ст. у. у. с.), по отмѣнѣ въ кассаціонномъ порядкѣ судебнаго приговора и при возвращеніи, послѣ сего, дѣла въ судъ, постановившій отмѣненный приговоръ,—требуетъ, чтобы

[1]) Стр. 15.

кассированное дѣло было разрѣшено тѣмъ же судомъ, но уже въ другомъ составѣ присутствія.

Примѣняя законъ о семъ къ дѣламъ, по которымъ обязанности обвинительной камеры и суда 1-й степени несутъ судебныя палаты, правительствующій сенатъ долженъ былъ указать и указалъ палатамъ, для руководства, правило, коимъ запрещается участвовать въ разрѣшеніи палатою дѣла по существу тѣмъ членамъ ея, которые участвовали въ постановленіи о преданіи суду. И этотъ дѣйствительно „единственный“ и, притомъ, вполнѣ естественный „выходъ“ изъ указываемаго г. Мѣщаниновымъ „положенія“ вовсе не свидѣтельствуетъ о „несомнѣнномъ конфлитѣ обвинительной и судебной властей“ въ дѣятельности судебныхъ палатъ, какъ то находитъ названный авторъ [1]).

Изъ сдѣланнаго г. Мѣщаниновымъ критическаго обзора условій, въ коихъ очутились положенія, послужившія для творцовъ судебныхъ уставовъ основаніями къ учрежденію судебныхъ палатъ, въ качествѣ обвинительной камеры,—намъ остается разсмотрѣть относящееся къ мнѣнію его о томъ положеніи, что направленіе дѣлъ въ названную камеру вызоветъ лишь незначительное промедленіе въ ихъ движеніи.

Установивъ по даннымъ свода статистическихъ свѣдѣній министерства юстиціи за 1888 годъ, что вступающія въ обвинительную камеру дѣла находятся въ ней и окружной прокуратурѣ среднимъ числомъ всего около мѣсяца, и признавъ, что къ сему времени необходимо прибавить еще половину мѣсяца на пересылку дѣла и случайныя, замедляющія его ходъ, явленія,—помянутый авторъ приходитъ къ заключенію, что преданіе палатами суду вызываетъ промедленіе въ движеніи дѣла среднимъ числомъ на полтора мѣсяца, и находитъ такое „промедленіе“ „напрасно отягчающимъ участь подсудимаго и совсѣмъ не такимъ ничтожнымъ, какъ предполагали его составители судебныхъ уставовъ“ [2]).

Однако прежде признанія какого либо судопроизводственнаго порядка „напрасно отягчающимъ участь подсудимаго“—необходимо разрѣшить два вопроса: 1) возможно ли, безъ ущерба для интересовъ правосудія, отмѣнить этотъ порядокъ, не замѣняя его другимъ,

---

[1]) Стр. 24.

[2]) Стр. 27—28

и 2) если невозможно, то порядокъ замѣняющій будетъ ли „отягчать участь подсудимаго“ менѣе, чѣмъ порядокъ отмѣняемый?

Посмотримъ, какіе отвѣты на приведенные вопросы даетъ г. Мѣщаниновъ.

„Пришедши къ заключенію не только о возможности, но и о необходимости предоставленія прокурорскому надзору права непосредственно и собственною властью предавать суду и прекращать возбужденное преслѣдованіе“, названный авторъ, затѣмъ, призналъ, что „для устраненія опасеній, заставившихъ составителей уставовъ отдать прокуратуру подъ верховный надзоръ суда“, необходимо, вмѣсто этого надзора, принять иныя „мѣры къ огражденію общества и потерпѣвшихъ отъ неправильнаго прекращенія обвиненія, а подсудимыхъ отъ неосновательнаго преданія ихъ суду“,—и говоритъ, что „мѣры эти напрашиваются сами собою и притомъ *въ формѣ, вполнѣ приличной для государственнаго обвинителя*, достаточно пригодной для практическаго ихъ осуществленія и болѣе ограждающей интересы и общества въ лицѣ потерпѣвшихъ, и самихъ подсудимыхъ, чѣмъ нынѣ существующій порядокъ“ [1]).

Такимъ образомъ, на первый изъ двухъ, поставленныхъ нами, вопросовъ г. Мѣщаниновъ отвѣчаетъ отрицательно, ибо онъ призналъ, что, вмѣсто приговореннаго имъ къ упраздненію контроля палатъ за дѣятельностью прокуратуры по преданію суду, необходимо принять иныя „мѣры“ къ огражденію общества, потерпѣвшихъ и подсудимыхъ отъ неправильныхъ прокурорскихъ дѣйствій по означенному предмету.

Приступая къ разрѣшенію второго вопроса—о меньшемъ отягченіи участи подсудимаго предлагаемыми имъ, вмѣсто контроля палатъ, мѣрами, г. Мѣщаниновъ обѣщаетъ, что эти, „сами собою напрашивающіяся“, мѣры и достоинство государственнаго обвинителя не уронятъ и интересы общества въ лицѣ потерпѣвшихъ, а также самихъ подсудимыхъ болѣе оградятъ, чѣмъ существующій порядокъ преданія суду [2]).

Проникаясь сознаніемъ высокой полезности такихъ результатовъ отъ предлагаемыхъ названнымъ авторомъ мѣръ, мы не въ

[1]) Стр. 31—32.
[2]) Стр. 32.

состаяніи удержать себя отъ восклицанія: ахъ, если бы устами г. Мѣщанинова да медъ пить!

Но обратимся къ самимъ мѣрамъ его и размотрѣніемъ ихъ выяснимъ, дѣйствительно ли рекомендуемый помянутымъ авторомъ порядокъ преданія суду представляется если не лучшимъ, то, по крайней мѣрѣ, не худшимъ по сравненію съ нынѣ существующимъ.

Г. Мѣщаниновъ предлагаетъ сообщать копію составленнаго прокуратурою обвинительнаго акта, до внесенія его въ судъ, прямо отъ прокурора, подсудимому, съ предоставленіемъ ему права въ короткій, напримѣръ 7-ми дневный, срокъ обжаловать преданіе суду—и по вопросу о правильности квалификаціи преступнаго дѣянія, и по предмету невѣрности изложенія въ актѣ обстоятельствъ дѣла, и по отсутствію достаточныхъ для преданія суду уликъ. До истеченія же срока на обжалованіе и полученія росписки подсудимаго въ выдачѣ ему копіи обвинительнаго акта, каковою росписью,—возможно потребовать,—подсудимый заявляетъ о своемъ желаніи или нежеланіи обжаловать актъ,—прокуроръ держитъ дѣло у себя.

Такое мѣропріятіе, по мнѣнію названнаго автора, хотя и вызоветъ промедленіе въ движеніи дѣла, но 1) въ виду небольшаго, сравнительно съ величиною округовъ палатъ, района окружнаго суда, на пересылку потребуется менѣе времени и 2) если даже, при отдаленномъ нахожденіи подсудимаго въ моментъ выдачи ему обвинительнаго акта, среднее количество потребнаго на означенную процедуру времени будетъ тотъ же мѣсяцъ, который нынѣ требуется для преданіи суду, то, по увѣренію г. Мѣщанинова, этотъ мѣсяцъ будетъ употребленъ съ большею, чѣмъ въ настоящее время, выгодою для подсудимаго. „Къ этому времени“, говоритъ, затѣмъ, названный авторъ, „возможно было бы приспособить избраніе, а въ извѣстныхъ случаяхъ и назначеніе подсудимому защитника“, что поставило бы перваго въ лучшее, чѣмъ нынѣ, положеніе и представляло бы выгоду и для самаго суда, которому теперь такъ „трудно разбираться съ полуграмотными прошеніями о вызовѣ дополнительныхъ свидѣтелей.....“

Затѣмъ г. Мѣщаниновъ находитъ, что въ томъ же порядкѣ надлежитъ допустить сообщеніе потерпѣвшему копіи прокурорскаго

заключенія о прекращеніи преслѣдованія, съ предоставленіемъ и ему права обжаловать это заключеніе.

Далѣе названный авторъ говоритъ, что „возможна и еще одна, извѣстная австрійскому процессу, мѣра“: это—предоставленіе потерпѣвшему права, въ случаѣ прекращенія прокуратурою дѣла, непосредственно подать въ судъ жалобу, которая вполнѣ замѣнила бы собою обвинительный актъ. Но, признавъ такую мѣру „возможною“, г. Мѣщаниновъ, тѣмъ не менѣе, находитъ ее „непрактичною“ на томъ основаніи, что и эту жалобу, оставаясь послѣдовательнымъ, пришлось бы сообщить въ копіи подсудимому и предоставить ему право обжаловать ее, каковые порядки безконечно затягивали бы процессъ безъ особой пользы для потерпѣвшаго лица, интересы коего, по мнѣнію названнаго автора, достаточно ограждались бы разсмотрѣніемъ его жалобы на прекращеніе—подлежащимъ учрежденіемъ.

Предложивъ описанный выше порядокъ обжалованія дѣйствій прокуратуры по преданію суду и прекращенію преслѣдованія, г. Мѣщаниновъ въ заключеніе говоритъ, что „на первыхъ порахъ, конечно, жалобъ будетъ поступать большое количество....., но съ теченіемъ времени населеніе привыкнетъ, осмотрится, узнаетъ на что можно жаловаться съ расчетомъ на благопріятный исходъ жалобы, на что нѣтъ, и дѣло войдетъ въ свою колею“ [1]).

Что же касается разсмотрѣнія жалобъ на означенныя дѣйствія прокуратуры, то помянутый авторъ предлагаетъ учредить для сего особую „смѣшанную коллегію“, составленную изъ старшаго предсѣдателя судебной палаты, предсѣдателя ея департамента, прокурора палаты и его товарища [2]).

Впрочемъ, послѣднихъ, т. е. прокурора палаты и товарищей его, г. Мѣщаниновъ, кажется, непрочь тоже упразднить, замѣнивъ ихъ въ судебной палатѣ и помянутой „смѣшанной коллегіи“—чинами окружной прокуратуры, командируемыми въ нихъ для исполненія прокурорскихъ обязанностей, что, по мнѣнію названнаго автора, „значительно подняло бы окружную прокуратуру въ глазахъ суда и во мнѣніи общества, а упраздненіе палатской прокуратуры

---

[1]) Стр. 32--34

[2]) Стр. 35.

дало бы казнѣ 226 т. руб., нынѣ отпускаемыхъ на личное содержаніе чиновъ этой послѣдней прокуратуры; такое же сбереженіе дало бы возможность „сравнять содержаніемъ прокуроровъ суда съ предсѣдателями“ и „нѣсколько увеличить и содержаніе чиновъ судебнаго вѣдомства“.

Говоря, что г. Мѣщаниновъ, кажется, не прочь упразднить и палатскую прокуратуру, мы такое свое предположеніе основываемъ на томъ, что названный авторъ, приводя мнѣнія „юристовъ-практиковъ“ о необходимости упраздненія должностей прокурора палаты и его товарищей, не только не оговаривается, что онъ, г. Мѣщаниновъ, съ сими мнѣніями несогласенъ, но даже указываетъ на поднятіе значенія окружной прокуратуры и увеличеніе содержанія чиновъ ея, какъ на желательное послѣдствіе упраздненія палатской прокуратуры [1]).

Обращаясь къ мотивамъ, побудившимъ автора разбираемой нами статьи остановиться на учрежденіи проектируемой имъ „смѣшанной коллегіи“ для разсмотрѣнія жалобъ на дѣйствія прокуратуры, мы находимъ, что таковыми мотивами г. Мѣщаниновъ съ одной стороны выставляетъ „страшную медленность“ въ движеніи дѣлъ отъ возложенія разсмотрѣнія означенныхъ жалобъ на министра юстиціи, какъ генералъ-прокурора, и „опасность“ предоставленія власти на такое разсмотрѣніе этихъ жалобъ—прокурору палаты,—съ другой стороны помянутый авторъ указываетъ на достоинства предлагаемаго имъ коллегіальнаго учрежденія, заключающіяся во 1-хъ) въ томъ, что въ послѣднемъ предсѣдатель былъ бы только primus inter pares по отношенію къ членамъ этой коллегіи, во 2-хъ) въ томъ, что въ составъ ея, на правахъ членовъ, войдутъ представители обвинительной власти, чего въ существующей нынѣ обвинительной камерѣ не имѣется, и въ 3-хъ) въ томъ, что такая коллегія „будетъ учрежденіемъ, стоящимъ внѣ суда, а посему избѣгнется смѣшеніе обвинительной и судебной властей“ [2]).

И такъ, вотъ тѣ мѣры, которыя, по мнѣнію г. Мѣщанинова, вполнѣ могутъ „оградить общество въ лицѣ потерпѣвшихъ и самихъ подсудимыхъ отъ неосновательнаго прекращенія обвиненій и

---

[1]) Стр. 35—36.

[2]) Стр. 34 и 35.

неправильнаго преданія суду", а въ частности—сократить время, употребляемое нынѣ для преданія палатами суду.

Но мы сейчасъ увидимъ, что такая высокая полезность означенныхъ мѣръ, говоря безъ всякаго преувеличенія, есть химера, исчезающая отъ перваго же прикосновенія къ ней анализа, какъ дымъ отъ дуновенія вѣтра.

Такъ, увѣренія г. Мѣщанинова, что „процедура" сообщенія подсудимому копіи обвинительнаго акта, а потерпѣвшему—копіи заключенія о прекращеніи обвиненія, съ предоставленіемъ права на обжалованіе таковыхъ въ 7-ми днѣвный, напримѣръ, срокъ, „потребуетъ менѣе времени на пересылку", чѣмъ пересылка самаго дѣла въ палату, „въ виду небольшаго, сравнительно съ величиною округовъ палатъ, района окружнаго суда",—совершенно противорѣчатъ дѣйствительности. Извѣстно, что имѣющіе окружные суды, съ состоящими при нихъ прокурорами,—города и города, въ которыхъ находятся судебныя палаты, настолько значительны, что между ними существуетъ казенное почтовое сообщеніе, съ ежедневною отправкою корреспонденціи. Вслѣдствіе сего, при самой большой отдаленности палатскаго города отъ мѣстопребыванія отправляющаго въ палату дѣло—прокурора суда, требуется на пересылку этого дѣла всего трое—четверо сутокъ. Напримѣръ, въ казанскомъ судебномъ округѣ, отличающемся отъ другихъ округовъ своими громадными протяженіями, при полномъ, почти, отсутствіи желѣзныхъ дорогъ, пересылка дѣла окружною прокуратурою въ палату изъ самыхъ отдаленныхъ городовъ, какъ то: Екатеринбурга, Перми и Вятки—беретъ не болѣе 4-хъ сутокъ времени. Значитъ, на такую пересылку впередъ и обратно употребляется не болѣе 8-ми сутокъ.

Посмотримъ теперь, сколько потребуется времени на предлагаемую г. Мѣщаниновымъ „процедуру" сообщенія подсудимому копіи обвинительнаго акта и потерпѣвшему копіи прокурорскаго заключенія о прекращеніи обвиненія.

Такъ какъ при разрѣшеніи вопроса о полезности какой либо проектируемой законодательной мѣры необходимо имѣть въ виду значеніе ея для большинства лицъ, въ интересахъ которыхъ она предпринимается, то мы, конечно, должны высчитать, сколько времени потребуется для помянутой „процедуры" по отношенію къ подсудимымъ и потерпѣвшимъ, живущимъ внѣ городовъ, въ селахъ

и деревняхъ, ибо таковыхъ лицъ около 90% всего числа подсудимыхъ и потерпѣвшихъ отъ преступленія лицъ.

И такъ, начнемъ считать. На пересылку отъ города отправленія прокуроромъ означенныхъ копій подсудимому или потерпѣвшему до ближайшаго къ мѣсту ихъ жительства почтоваго пункта потребуется, самое меньшее, около сутокъ времени. Затѣмъ, отъ этого почтоваго пункта до волостнаго правленія, чрезъ которое придется выдавать сообщаемую копію, послѣдняя должна препровождаться уже по земской почтѣ. Земская же почта повсемѣстно отходитъ никакъ не болѣе 2-хъ разъ въ недѣлю. Посему, положивъ на ожиданіе пакетомъ съ копіей, въ конечномъ почтовомъ пунктѣ, земскаго почтаря, среднимъ числомъ, двое сутокъ и на доставленіе въ помянутое волостное правленіе этимъ почтаремъ. объѣзжающимъ свой участокъ въ четыре—пять дней, тоже, среднимъ числомъ, двое сутокъ, мы получимъ, что на доставленіе изъ конечнаго почтоваго пункта въ волостное правленіе, по земской почтѣ, препровождаемой подсудимому или потерпѣвшему копіи потребуется всего четверо сутокъ, что съ прежде потраченнымъ на пересылку той копіи временемъ составитъ уже пять сутокъ.—Получивъ порученіе прокурора о выдачѣ, по принадлежности, помянутой копіи, волостное правленіе должно передать это порученіе сельскому старостѣ того общества, въ которомъ проживаетъ адресатъ, или же пригласить его въ правленіе, для полученія помянутой копіи подъ рóсписку, при чемъ на таковыя передачу порученія и исполненіе его, или на приглашеніе въ правленіе и явку—необходимо положить, по меньшей мѣрѣ, двое сутокъ, увеличивъ, такимъ образомъ, потраченное на пересылку время до семи сутокъ. Присчитавъ, затѣмъ, къ этимъ 7-ми суткамъ начинающійся отъ дня врученія копіи семидневный срокъ на обжалованіе, мы получимъ, что ожидающее у прокурора росписки о врученіи, по принадлежности, означенной копіи и конца срока на обжалованіе – дѣло будетъ находится безъ движенія самое меньшее 14-ть сутокъ,—тогда какъ пересылка дѣла въ палату и обратно къ прокурору суда, какъ мы видѣли, беретъ самое большее восемь сутокъ времени.

Но, въ большинствѣ случаевъ, дѣло будетъ оставаться у прокурора, безъ движенія, несравненно дольше, чѣмъ въ теченіи насчитанныхъ нами 14-ти сутокъ, ибо при вычисленіи этого времени

мы основывались на счастливой случайности нахожденія адресата, во время присылки ему копіи, въ мѣстѣ его жительства. Между тѣмъ, лѣтомъ—полевыя работы, а зимою—отхожіе промыслы вызываютъ нашего поселянина на весьма частыя отлучки изъ дому. И если оставленнымъ на свободѣ подсудимымъ бываетъ, обыкновенно, возможно совершать подобныя отлучки, несмотря на принятыя противъ нихъ мѣры пресѣченія способовъ уклоняться отъ суда, то полная свобода въ этомъ отношеніи потерпѣвшихъ лицъ еще болѣе способствуетъ выбытію ихъ изъ мѣста жительства. Вотъ, подобныя то отлучки подсудимыхъ и потерпѣвшихъ на полевыя и другія работы, препятствуя немедленному врученію имъ копіи обвинительнаго акта или заключенія о прекращеніи обвиненія, поведутъ за собою такую медленность въ движеніи дѣлъ, какой никогда еще непроявлялось при преданіи суду и прекращеніи слѣдственныхъ производствъ существующимъ нынѣ порядкомъ.

Однако долженствующая дать такіе результаты „процедура“ сообщенія подсудимому и потерпѣвшему копій означенныхъ актовъ, съ предоставленіемъ права на ихъ обжалованіе, есть лишь первая стадія того порядка, которымъ г. Мѣщаниновъ обѣщаетъ оградить общество, потерпѣвшихъ и подсудимыхъ отъ неправильныхъ дѣйствій прокуратуры по преданію суду и прекращенію обвиненій. И такъ какъ естественнымъ послѣдствіемъ предоставленія подсудимому и потерпѣвшему помянутаго права на обжалованіе должно явиться осуществленіе этого права, то поданная подсудимымъ на обвинительный актъ и потерпѣвшимъ на заключеніе о прекращеніи преслѣдованія—жалоба поведетъ за собою ту самую пересылку прокуроромъ суда дѣла въ палатскій городъ (гдѣ будетъ находится проектируемая названнымъ авторомъ „смѣшанная коллегія“), въ учиненіи коей, какъ требующей весьма много времени, онъ усматриваетъ одну изъ причинъ, вызывающихъ необходимость въ упраздненіи обвинительной камеры судебной палаты.

Но г. Мѣщанинова не затрудняетъ это противорѣчіе, ибо онъ надѣется, что помянутыхъ жалобъ будетъ много только „на первое время“, пока „населенію“ придется „привыкать, осматриваться и узнавать, на что можно жаловаться съ расчетомъ на благопріятный исходъ жалобы, на что нѣтъ“; по пріобрѣтеніи же „населеніемъ“ такой опытности, дѣло, по мнѣнію названнаго ав-

тора, „войдетъ въ свою колею“, какъ то, будтобы, доказывается опытомъ судебно-мировыхъ учрежденій, за пережитое ими время. И хотя г. Мѣщаниновъ точно не опредѣлилъ, что онъ именно подразумѣваетъ подъ словами „и дѣло войдетъ въ свою колею“, но такъ какъ полное устраненіе вызываемой пересылкою дѣла въ палатскій городъ—медленности возможно только при совершенномъ отсутствіи ведущихъ къ этой пересылкѣ жалобъ, то подъ „своею колеею“ для дѣла преданія суду и прекращенія обвиненій, при водвореніи проектируемыхъ помянутымъ авторомъ порядковъ,—онъ, повидимому, признаетъ такое положеніе этого дѣла, при которомъ подсудимые и потерпѣвшіе, убѣдившись своимъ или чужимъ опытомъ въ невозможности расчитывать на благопріятный исходъ обжалованія дѣйствій прокуратуры по указаннымъ предметамъ, никогда и не подумаютъ подавать означенныя жалобы, хотя бы онѣ вызывались нарушающими законъ и справедливость направленіями прокуроромъ дѣлъ о нихъ. Намъ не трудно доказать, что, говоря такъ, мы не клевещемъ на г. Мѣщанинова, а говоримъ одну лишь правду.

Прежде всего мы возразимъ на мнѣніе этого автора о томъ, что опытъ судебно-мировыхъ установленій даетъ основаніе ожидать поступленія большаго количества вышеуказанныхъ жалобъ только на первое время дѣйствія проектируемаго имъ порядка преданія суду. Возраженіе же наше будетъ заключаться въ слѣдующемъ.

Въ судопроизводственныхъ порядкахъ мироваго суда нѣтъ процессуальнаго дѣйствія, соотвѣтствующаго акту преданія суду по дѣламъ, подвѣдомственнымъ общимъ судебнымъ установленіямъ. Посему въ судебно-мировыхъ установленіяхъ не можетъ быть и жалобъ на преданіе мировому суду. Тогда о какихъ же жалобахъ, приносимыхъ по предмету вѣдѣнія этого суда, говоритъ г. Мѣщаниновъ, доказывая уменьшеніемъ ихъ—долженствующее, по его мнѣнію, послѣдовать уменьшеніе большаго количества въ первое время жалобъ на дѣйствія прокуратуры по преданію суду? Очевидно, здѣсь идетъ рѣчь о жалобахъ на приговоры мировыхъ судей, ибо никакіе другіе должностные лица, служебныя дѣйствія которыхъ могли бы подлежать обжалованію, въ судебно-мировомъ процессѣ участія не принимаютъ. Что же касается жалобъ на означенные приговора, то, какъ извѣстно, въ тѣхъ судебно-мировыхъ округахъ, гдѣ участ-

ковые мировые судьи всегда были завалены большимъ количествомъ дѣлъ,—и съѣзды мировыхъ судей, до послѣдняго времени существованія ихъ, также завалены были дѣлами, разсматриваемыми по жалобамъ на приговоры мироваго суда 1-й степени, при чемъ на разрѣшеніе этихъ жалобъ требовалось отъ 6-ти до 10-ти дней въ мѣсяцъ, при назначеніи въ каждый изъ сихъ дней по 10—15 дѣлъ; такихъ же судебно-мировыхъ округовъ въ районѣ одного лишь окружнаго суда насчитывалось отъ 6-ти до 12-ти. Если же въ нѣкоторыхъ округахъ число подлежащихъ разрѣшенію съѣзда мировыхъ судей — жалобъ и уменьшилось, то такое уменьшеніе происходило на почвѣ уменьшенія числа дѣлъ въ судебно-мировыхъ участкахъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и числа могущимъ быть обжалованными приговоровъ мировыхъ судей, каковое явленіе, будучи фактомъ далеко не общимъ для всѣхъ судебно-мировыхъ учрежденій и завися отъ мѣстныхъ условій, не имѣетъ ровно никакого отношенія къ разсматриваемому вопросу.

Но если бы даже фактъ уменьшенія, съ теченіемъ времени дѣйствія мироваго суда, жалобъ на приговоры послѣдняго и возможно было бы признавать вполнѣ установленнымъ, какъ явленіе общее всѣмъ судебно-мировымъ округамъ или большинству ихъ, то онъ ни коимъ образомъ не доказывалъ бы, что точно также современемъ должно умепьшиться и число жалобъ на дѣйствія прокуратуры по преданію суду и прекращенію обвиненій. Кому не извѣстно, что человѣкъ борится за принадлежащія ему блага тѣмъ упорнѣе и сильнѣе, чѣмъ эти блага ему необходимѣе и, потому, дороже. Вслѣдствіе сего отыскивающій правосудіе потерпѣвшій и защищающійся отъ обвиненія подсудимый отстаиваютъ въ общихъ судахъ свои интересы настолько же настойчивѣе, насколько затрогиваемыя подвѣдомственными симъ судамъ дѣлами—блага этихъ лицъ существеннѣе благъ, защищаемыхъ на мировомъ судѣ. Это—общее явленіе и возможность въ указанномъ отношеніи иныхъ проявленій, какъ рѣдкихъ по своей исключительности, нисколько не ослабляетъ значенія отмѣчаемаго нами общаго явленія.

И такъ, размотрѣнная нами ссылка г. Мѣщанинова на опытъ судебно-мировыхъ установленій не основательна,—не болѣе основательности и въ его разсужденіи о томъ, что ознакомленіе, съ теченіемъ времени, населенія съ существомъ долженствующихъ по-

слѣдовать рѣшеній по вышеозначеннымъ жалобамъ на дѣйствія прокуратуры— позволитъ потерпѣвшимъ и подсудимымъ жаловаться лишь тогда, когда возможно расчитывать на благопріятной исходъ жалобы.

Не говоря уже о томъ, что дѣло дѣлу рознь и, потому, даже опытный юристъ, знающій, какое разрѣшеніе получила жалоба по одному дѣлу, не можетъ предугадать, какъ будетъ разрѣшена жалоба по другому,—надлежитъ имѣть въ виду, что совѣтъ опытнаго юриста, въ большинствѣ случаевъ, не доступенъ не только не имѣющимъ средствъ заплатить за полученіе его подсудимымъ и потерпѣвшимъ лицамъ, которыхъ огромное большинство, но и тѣмъ изъ нихъ, кои, обладая такими средствами, живутъ въ деревенской глуши и въ значительномъ отдаленіи отъ города, гдѣ проживаютъ присяжные и частные повѣренные, что устраняетъ возможность въ семидневный или другой, подобный ему, короткій срокъ обжалованія учинить послѣднее при помощи опытнаго юриста.

Затѣмъ, изъ какихъ источниковъ, спросимъ мы г. Мѣщанинова, „населеніе съ теченіемъ времени узнаетъ, на что можно жаловаться съ расчетомъ на успѣхъ жалобы, на что нѣтъ?“ Если возможно допустить, что разрѣшающему вопросъ объ осуществленіи сво его права на жалобу—подсудимому или потерпѣвшему, или же ихъ адвокату сдѣлалось какимъ либо образомъ извѣстно, какое разрѣшеніе получили нѣкоторыя изъ поданныхъ на дѣйствія прокуратуры по указанному предмету—жалобы, то такое явленіе, какъ совершенно случайное, нѣтъ основанія обобщать и дѣлать изъ него выводъ о знакомствѣ „населенія“ съ практикой разрѣшающаго означенныя жалобы учрежденія. Къ тому же подобныя свѣдѣнія о томъ, какое получили разрѣшеніе одна или нѣсколько изъ этихъ жалобъ, не могутъ быть полными и достаточными для составленія по нимъ правильнаго мнѣнія по вопросу „можно ли жаловаться съ расчетомъ на успѣхъ жалобы“. Или можетъ быть г. Мѣщаниновъ, говоря о знакомствѣ населенія съ помянутою практикою разрѣшенія жалобъ, источникомъ для такого знакомства признавалъ народную молву, которая „слухомъ землю полнитъ“? Но если этотъ источникъ вполнѣ пригоденъ для доставленія свѣдѣній судящимъ и рядящимъ всѣхъ и вся—кумушкамъ, то онъ совершенно не пригоденъ для доставленія матеріала, необходимаго для правильнаго сужденія по вышеуказанному вопросу. Остается предположить, что названный

авторъ могъ имѣть въ виду опубликованіе рѣшеній по означеннымъ жалобамъ во всеобщее свѣдѣніе,—подобно тому, какъ это нынѣ учиняется съ сенатскими кассаціонными рѣшеніями. Но такая мѣра можетъ ознакомить съ практикою разрѣшенія указанныхъ жалобъ—только лицъ, подготовленныхъ къ сему знакомству основательнымъ знаніемъ судопроизводственныхъ и уголовнаго законовъ, а не „населеніе," изъ котораго лишь немногіе, какъ это мы уже говорили, имѣютъ средства и благопріятныя условія для обращенія за свѣдѣніями о такой практикѣ къ знакомымъ съ нею опытнымъ адвокатамъ.

Наконецъ, свойственое каждому подсудимому стремленіе „выйти сухимъ изъ воды," оправдаться, и питаемое каждымъ, преслѣдующимъ своего дѣйствительнаго или воображаемаго обидчика, потерпѣвшимъ желаніе добиться отъ суда наказанія послѣдняго—создаетъ самую благопріятную почву для пристрастія, съ которымъ подсудимые и потерпѣвшіе обыкновенно относятся всякій къ своему дѣлу. Поэтому неблагопріятный исходъ не только чужихъ жалобъ, но даже и своихъ, прежде поданныхъ, менѣе всего способенъ удержать подсудимаго или потерпѣвшаго отъ подачи жалобы по каждому данному дѣлу. И если добросовѣстному адвокату удастся иногда удержать отъ сего кого либо изъ обратившихся къ нему, за написаніемъ неосновательной жалобы, немногочисленныхъ подсудимыхъ и потерпѣвшихъ интеллигентной среды, то подобной удачи ему не придется имѣть при попыткѣ отговорить отъ подачи неосновательной жалобы—необразованнаго или малообразованнаго подсудимаго или потерпѣвшаго. Такая попытка, возбудивъ недовѣріе кліента къ дающему благой, но несоотвѣтствующій его желанію, совѣтъ адвокату, побудитъ неудовлетвореннаго кліента къ отысканію другаго, болѣе сговорчиваго, ходатая по дѣламъ. Если же таковой не сыщется, то требуемая жалоба будетъ составлена какимъ нибудь трактирнымъ писакою, благо о достоинствахъ ея не въ состояніи судить самъ жалобщикъ.

Но къ подобнымъ адвокатамъ, готовымъ за плату написать неосновательную жалобу на всѣхъ и все, придется подсудимымъ и потерпѣвшимъ обращаться еще и по другимъ причинамъ. Какую, напримѣръ, можетъ оказать имъ существенную помощь въ обжалованіи обвинительнаго акта о преданіи суду и заключенія о пре-

кращеніи преслѣдованія самый добросовѣстный и знающій адвокатъ —при условіяхъ, присущихъ этому обжалованію. Щедро надѣливъ подсудимаго правомъ жалобы „и на неправильную квалификацію его дѣянія и на невѣрное изложеніе обстоятельства дѣла и на отсутствіе достаточныхъ для преданія суду уликъ," г. Мѣщаниновъ не указалъ, какимъ способомъ подсудимый осуществитъ такое свое право, имѣя въ своихъ рукахъ одну лишь копію обвинительнаго акта. Для того, чтобы изобличить составителя обвинительнаго акта въ невѣрномъ изложеніи обстоятельствъ дѣла и въ вытекающей, нерѣдко, изъ сего неправильной квалификаціи дѣяній подсудимаго необходимо имѣть подъ рукою либо подлинное слѣдственное производство, либо полный комплектъ копій съ него. Однако ни первое и ни вторыя не могутъ быть предоставлены огромному большинству подсудимыхъ: слѣдственное производство — по отдаленности мѣста нахожденія его отъ мѣстопребыванія послѣднихъ, а копіи со всего производства—по невозможности снятія ихъ съ каждаго дѣла, ибо на списываніе этихъ копій тратилось бы очень много времени, что должно вызвать весьма большую медленность въ движеніи дѣлъ. Кромѣ того, для снятія означенныхъ копій пришлось бы держать огромный штатъ писцовъ на счетъ казны, такъ какъ копіи слѣдственнаго производства выдаются и должны выдаваться подсудимому безплатно.

Между тѣмъ безъ детальнаго знакомства съ слѣдственнымъ производствомъ положительно не возможно составить основательную жалобу ни подсудимому на преданіе суду безъ достаточныхъ къ тому уликъ и ни потерпѣвшему на прекращеніе преслѣдованія при наличности таковыхъ уликъ, ибо правильное сужденіе по этимъ вопросамъ есть результатъ соображенія всѣхъ обстоятельствъ дѣла,—въ обвинительный же актъ и заключеніе о прекращеніи преслѣдованія заносятся лишь краткія свѣдѣнія о тѣхъ данныхъ, на которыхъ прокуроръ основываетъ преданіе суду или прекращеніе обвиненія.

Эта невозможность, при указанныхъ нами условіяхъ, составить основательную жалобу и вызоветъ добросовѣстнаго адвоката на отказъ въ ея написаніи, а испытавшаго такую неудачу подсудимаго или потерпѣвшаго броситъ въ руки адвоката, берущагося за всякое дѣло и при полной для него невозможности быть полезнымъ своему кліенту.

И если между потерпѣвшими все же могутъ найтись такіе, которые, убѣдившись въ явной невозможности, съ одной копіей заключенія въ рукахъ, надлежащимъ образомъ обжаловать прекращеніе прокуроромъ преслѣдованія по ихъ дѣлу, а потому и ожидать благопріятнаго результата отъ жалобы,—откажутся отъ принесенія послѣдней, во избѣжаніе напрасныхъ хлопотъ по ея подачѣ, то совсѣмъ иначе отнесутся къ такому своему положенію подсудимые. Отсутствіе надежды на благопріятный исходъ обжалованія обвинительнаго акта о преданіи суду, будетъ ли такое отсутствіе послѣдствіемъ невозможности основательнаго обжалованія по неимѣнію копій слѣдственнаго производства, или же результатомъ сознанія полной основательности предъявленнаго обвиненія,—несомнѣнно родитъ въ подсудимомъ желаніе какъ можно болѣе отдалить страшное для него время суда и слѣдующаго за нимъ наказанія. И чѣмъ основательнѣе будетъ обставлено обвиненіе и неотразимѣе сила уликъ, тѣмъ меньше, конечно, останется у предаваемаго суду лица надежды сойти со скамьи подсудимыхъ оправданнымъ судомъ и тѣмъ, безъ сомнѣнія, сильнѣе онъ станетъ желать отдалить время наказанія, ожидающаго его вслѣдъ за постановленіемъ обвинительнаго приговора. И вотъ, хватаясь за всякій случай, могущій отстрочить судебное по его дѣлу разбирательство, предаваемый суду не преминетъ воспользоваться своимъ правомъ жалобы на обвинительный актъ даже и въ томъ случаѣ, когда неминуемымъ послѣдствіемъ такой жалобы долженъ получиться отказъ въ ея удовлетвореніи.

Такимъ образомъ, въ полное противорѣчіе мнѣнію г. Мѣщанинова о незначительности долженствующихъ поступать, при проектируемомъ имъ порядкѣ, жалобъ на преданіе суду, послѣднія несомнѣнно будутъ подаваться всѣми подсудимыми—если не въ видахъ освобожденія отъ обвиненія, то съ цѣлью отдаленія времени суда надъ ними и наказанія ихъ. Иначе сказать, всѣ тѣ дѣла, которыя нынѣ вступаютъ въ обвинительную камеру судебной палаты, будутъ вступать и въ проектируемую названнымъ авторомъ „смѣшанную коллегію.“

Но кто же въ этой, послѣдней, коллегіи будетъ докладывать означеныя жалобы и относящіяся къ нимъ слѣдственныя производства? Не подлежитъ сомнѣнію, что у каждаго изъ посаженныхъ въ нее г. Мѣщаниновымъ членовъ, т. е. у старшаго предсѣдателя па-

латы, предсѣдателя ея департамента, прокурора палаты и его товарища, —столько найдется относящагося къ этимъ ихъ должностямъ дѣла, что на подготовку къ помянутому докладу въ „смѣшанной коллегіи“ у нихъ, конечно, будетъ не болѣе время, чѣмъ у членовъ нынѣшнихъ судебныхъ палатъ, не могущихъ, по словамъ помянутаго автора, читать докладываемыя ими дѣла, вслѣдствіе массы, обременяющей ихъ, работы. Между тѣмъ, штатное число членовъ уголовнаго департамента палаты, покрайней мѣрѣ, вдвое больше числа членовъ проектируемой г. Мѣщаниновымъ „смѣшанной коллегіи,“ а потому каждому члену ея придется доложить вдвое большее число слѣдственныхъ производствъ, съ жалобами подсудимыхъ на преданіе суду, противъ количесства нынѣ докладываемыхъ членомъ палаты въ обвинительной камерѣ дѣлъ. Или, быть можетъ, г. Мѣщаниновъ, будучи, какъ мы видѣли, противникомъ порядка, при которомъ знакомится съ дѣломъ, чрезъ личное прочтеніе его, одинъ лишь членъ коллегіи,—предполагаетъ, что въ его „смѣшанной коллегіи“ всѣ члены будутъ лично читать каждую жалобу на преданіе суду и относящееся къ ней слѣдственное производство, что устранитъ всякую надобность въ докладѣ ихъ и позволитъ коллегіи, по открытіи засѣданія, приступать прямо къ совѣщанію? Но, вѣдь, такое чтеніе каждой жалобы и дѣла потребуетъ вчетверо болѣе времени, чѣмъ чтеніе одной четвертой части всѣхъ этихъ жалобъ и дѣлъ, долженствующей пасть на докладъ каждаго изъ четырехъ членовъ „смѣшанной коллегіи.“

На всѣ эти вопросы г. Мѣщаниновъ не даетъ прямыхъ отвѣтовъ. Онъ лишь говоритъ, что „учрежденіе обвинительной камеры въ этомъ видѣ“ (т. е. въ видѣ предлагаемой имъ „смѣшанной коллегіи“) „не представляетъ особенныхъ неудобствъ на практикѣ: правда, нѣсколько увеличится количество занятій старшаго предсѣдателя, предсѣдатель же уголовнаго департамента палаты и нынѣ обыкновенно участвуетъ въ засѣданіяхъ обвинительной камеры, а прокуроръ палаты даетъ въ ней заключенія.....“ [1])

Вотъ все, чѣмъ названный авторъ обмолвился о составѣ проектируемой имъ „смѣшанной коллегіи“ и порядкахъ разсмотрѣнія и разрѣшенія ею жалобъ на преданіе суду и прекращеніе преслѣ-

[1]) Стр. 35.

дованій. Поэтому мы принуждены искать указаній на означенные порядки въ однихъ, только что приведенныхъ, словахъ разбираемой нами статьи. Дѣлая же это, мы приходимъ къ слѣдующему выводу.

Говоря, что возложеніе на предсѣдателя департамента и прокурора палаты обязанностей членовъ „смѣшанной коллегіи“ не прибавитъ работы этимъ должностнымъ лицамъ, такъ какъ они и нынѣ засѣдаютъ въ обвинительной камерѣ, а отнесеніе предсѣдательствованія въ той коллегіи на обязанность старшаго предсѣдателя палаты увеличитъ занятія его на одно лишь присутствованіе въ засѣданіяхъ ея, г. Мѣщаниновъ даетъ намъ основаніе предположить, что либо онъ увѣренъ въ поступленіи въ „смѣшанную коллегію“ такого ничтожнаго количества жалобъ на преданіе суду и прекращеніе преслѣдованій, о которомъ нѣтъ основанія заботиться и говорить, какъ о долженствующемъ вызвать какое либо затрудненіе въ успѣшномъ разрѣшеніи означенныхъ жалобъ,—либо г. Мѣщаниновъ имѣетъ въ виду возложеніе обязанностей докладчиковъ въ „смѣшанной коллегіи“ и составителей опредѣленій ея—на чиновъ канцеляріи, съ порученіемъ имъ, необходимаго для доклада, личнаго ознакомленія съ поступающими въ коллегію жалобами и относящимися къ нимъ слѣдственными производствами.

Но мы уже видѣли, что есть полное основаніе ожидать поступленія жалобъ на преданіе суду отъ каждаго подсудимаго и отъ огромнаго большинства потерпѣвшихъ отъ преступленія лицъ на прекращеніе преслѣдованій, почему работы по разсмотрѣнію означенныхъ жалобъ и слѣдственныхъ производствъ будетъ въ „смѣшанной коллегіи“ никакъ не менѣе количества работы по разсмотрѣнію дѣлъ въ нынѣ существующей обвинительной камерѣ палаты.

Что же касается порученія докладовъ и составленія опредѣленій чинамъ канцеляріи, то осуществленіе такого порядка въ коллегіи, дѣятельность которой будетъ имѣть рѣшающее значеніе на дальнѣйшій ходъ обвиненія по уголовнымъ дѣламъ, несомнѣнно вернетъ насъ къ тому „старому доброму времени“, когда судьба уголовныхъ дѣлъ рѣшалась не въ совѣщательной комнатѣ судей и, даже, не въ самомъ зданіи суда, а на квартирахъ секретарей и иныхъ канцелярскихъ чиновъ судебныхъ мѣстъ, во время ихъ мир-

ныхъ переговоровъ объ этой судьбѣ съ лицами, въ ней заинтересованными.

Но выяснивъ неосновательность мнѣнія о ничтожности количества долженствующихъ вступать въ „смѣшанную коллегію“ жалобъ и крайнюю практическую опасность мнѣнія о возможности поручать доклады этихъ жалобъ и относящихся къ нимъ слѣдственныхъ производствъ чинамъ канцеляріи, мы, затѣмъ, считаемъ не лишнимъ разрѣшить вопросъ о томъ, которое изъ двухъ, сдѣланныхъ нами, предположеній о причинѣ отсутствія указанія г. Мѣщанинова на порядокъ разсмотрѣнія въ „смѣшанной коллегіи“ жалобъ и дѣлъ—находитъ для себя болѣе подтвержденій.

Разсматривая, съ цѣлью такого разрѣшенія указаннаго вопроса, каждое изъ означенныхъ нашихъ предположеній, въ связи со всѣмъ, высказаннымъ г. Мѣщаниновымъ по предмету проектированныхъ имъ мѣръ къ огражденію интересовъ общества и частныхъ лицъ отъ неправильныхъ дѣйствій прокуратуры по преданію суду и прекращенію преслѣдованій, мы находимъ, что то̀ изъ этихъ предположеній, которое касается мнѣнія о ничтожности количества долженствующихъ поступить въ „смѣшанную коллегію“ жалобъ и дѣлъ, находитъ для себя вполнѣ реальную почву.

Такъ, кромѣ прямого, выражающаго, сравнительно, скромное желаніе, заявленія г. Мѣщанинова, что съ теченіемъ времени, когда населеніе познакомится съ практикой разрѣшенія „смѣшанною коллегію“ жалобъ, послѣднихъ будетъ поступать не много,—въ его рѣчахъ о предлагаемыхъ имъ мѣрахъ есть слѣдующія, несомнѣнныя, указанія на твердую и уже нескромную увѣренность названнаго автора, что означенныхъ жалобъ совсѣмъ не будетъ поступать, а если какая нибудь, шальная, и залетитъ въ это учрежденіе, то по своей вынужденной, указанной нами выше, безсодержательности—она должна быть оставлена безъ послѣдствій.

Первымъ такимъ указаніемъ надлежитъ признать утвержденіе г. Мещанинова, что предлагаемое имъ „мѣропріятіе“ не вызоветъ промедленія въ движеніи дѣла болѣе, чѣмъ на одинъ мѣсяцъ, необходимый нынѣ на преданіе суду, ибо „среднее количество времени, потребнаго на соблюденіе процедуры“ врученія копіи обвинительнаго акта подсудимому, даже „въ рѣдкихъ случаяхъ“ его

далекаго нахожденія въ моментъ врученія—„будетъ тотъ же мѣсяцъ“ [1]).

Такимъ образомъ, вычисляя количество времени, необходимое на преданіе суду проектируемымъ имъ порядкомъ, г. Мѣщаниновъ ограничиваетъ свой счетъ лишь временемъ, потребнымъ для выдачи подсудимому копіи обвинительнаго акта и исчисленія срока его обжалованія, и не присчитываетъ тѣхъ недѣль, которыя должны пойти на представленіе жалобы съ дѣломъ въ „смѣшанную коллегію“, на разсмотрѣніе и разрѣшеніе той жалобы и на возвращенія дѣла къ прокурору суда.

Это наилучшимъ образомъ свидѣтельствуетъ о твердой увѣренности названнаго автора, что означенныхъ жалобъ подаваться не будетъ и дѣлъ съ ними въ „смѣшанную коллегію“ представлять непридется, а потому и присчитвать необходимое на такое представленіе время—къ количеству времени, потребному на преданіе суду проектируемымъ имъ, г. Мѣщаниновымъ, порядкомъ, нѣтъ основанія.

Затѣмъ, вторымъ указаніемъ на означенную увѣренность помянутаго автора служитъ мнѣніе его, что потребный на выдачу подсудимому копіи обвинительнаго акта „мѣсяцъ будетъ употребленъ съ большею, чѣмъ въ настоящее время, выгодою для подсудимаго“, ибо къ концу „этого времени возможно было бы приспособить избраніе, а въ извѣстныхъ случаяхъ и назначеніе ему защитника“, что́ „поставило бы подсудимаго въ лучшее, чѣмъ нынѣ, положеніе“ и „представляло бы выгоду и для самаго суда“, которому „теперь трудно разбираться съ полуграмотными прошеніями о вызовѣ дополнительныхъ свидѣтелей.....“ [2]).

Въ этихъ словахъ г. Мѣщанинова звучитъ та же его увѣренность, что жалобъ на преданіе суду поступать не станетъ и, потому, непосредственно за врученіемъ подсудимому копіи обвинительнаго акта наступитъ время распорядительныхъ, по дѣлу, дѣйствій суда, къ каковому времени надлежитъ избрать, въ періодъ врученія подсудимому помянутой копіи, защитника ему, который помо-

---

[1]) Стр. 32.

[2]) Стр. 32—33.

жетъ суду разобраться въ полуграмотныхъ прошеніяхъ своего кліента о вызовѣ дополнительныхъ свидѣтелей.

По предмету приведенныхъ словъ названнаго автора о назначеніи судомъ, подсудимому, защитника замѣтимъ, кстати, слѣдующее: 566 ст. у. у. с. тоже требуетъ, чтобы предсѣдатель суда назначалъ подсудимымъ, по ихъ просьбѣ, защитниковъ, но это предписаніе закона, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, не выполняется за неимѣніемъ въ распоряженіи суда достаточнаго числа лицъ, могущихъ выполнить обязанности защитника; между тѣмъ, назначеніе, по 566 ст. у. у. с., защитника подсудимому и теперь могло бы „представить суду выгоду“ съ помощью этого защитника разбираться въ полуграмотныхъ прошеніяхъ подсудимаго, хотя такая помощь, по нашему крайнему разумѣнію, могла бы выразиться лишь въ составленіи мотивированныхъ опредѣленій суда объ отказѣ подсудимому въ ходатайствѣ вызвать дополнительныхъ свидѣтелей, ибо чѣмъ же можетъ иначе помочь въ разсматриваемомъ случаѣ защитникъ, не имѣющій возможности личнымъ своимъ разговоромъ съ находящимся на свободѣ и за тридевять земель—своимъ кліентомъ выяснить, чего именно добивается полуграмотнымъ прошеніемъ послѣдній, а также существуетъ ли надобность въ вызовѣ дополнительныхъ, недопрашенныхъ на слѣдствіи, свидѣтелей, о существованіи коихъ, большею частью, извѣстно лишь самому подсудимому.

Наконецъ, третьимъ указаніемъ на существованіе въ г. Мѣщаниновѣ увѣренности, что жалобъ на преданіе суду и прекращеніе преслѣдованій подаваться не будетъ, служитъ самая организація проектированной имъ „смѣшанной коллегіи,“ четыре члена которой, имѣющіе, каждый, много другихъ обязанностей, не въ состояніи, конечно, были бы удѣлить необходимое время на разрѣшеніе означенныхъ жалобъ, чего не могъ не сознавать и самъ г. Мѣщаниновъ.

Такимъ образомъ мы не клеветали на г. Мѣщанинова, говоря, что онъ подъ своею колеею для проектированнаго имъ дѣла преданія суду, въ которую это дѣло должно, по мнѣнію названнаго автора, съ теченіемъ времени войти, признаетъ, повидимому, полное отсутствіе жалобъ на дѣйствія прокуратуры по преданію суду.

Резюмируя все то, къ чему привело насъ разсмотрѣніе проектированныхъ г. Мѣщаниновымъ мѣръ къ огражденію интересовъ общества и частныхъ лицъ отъ неправильныхъ дѣйствій прокуратуры по преданію суду и прекращенію преслѣдованій, мы будемъ имѣть слѣдующіе выводы.

1) Сообщеніе подсудимому копіи обвинительнаго акта, съ предоставленіемъ ему права въ короткій срокъ обжаловать преданіе суду—и по вопросу о правильности квалификаціи его дѣянія, и по предмету невѣрнаго изложенія въ актѣ обстоятельствъ дѣла, и по отсутствію достаточныхъ уликъ, не можетъ гарантировать отъ неправильнаго преданія суду, ибо для того, чтобы воспользоваться означеннымъ правомъ обжалованія, для подсудимаго необходимы: копіи со всего слѣдственнаго, по дѣлу о немъ, производства, матеріальныя средства для уплаты знающему свое дѣло адвокату за составленіе основательной жалобы и проживаніе такого адвоката въ мѣстѣ нахожденія подсудимаго,—т. е. такія благопріятныя условія, пользованіе однимъ изъ которыхъ, а ужъ не то что всѣми ими, вмѣстѣ взятыми, недоступно огромному большинству предаваемыхъ суду лицъ.

Между тѣмъ каждое изъ этихъ условій одинаково необходимо для надлежащаго осуществленія помянутаго права и, притомъ, настолько, что отсутствіе одного изъ нихъ обращаетъ процедуру сообщенія подсудимому копіи обвинительнаго акта, съ предоставленіемъ права его обжаловать, въ пустую, неимѣющую никакого значенія формальность, исполненіе коей напрасно лишь замедлитъ ходъ дѣла по меньшей мѣрѣ на 14-ть дней.

Точно также и по тѣмъ же причинамъ сообщеніе копіи прокурорскаго заключенія о прекращеніи преслѣдованія—потерпѣвшему отъ преступленія лицу, съ предоставленіемъ ему права жалобы, не можетъ гарантировать „общество въ лицѣ потерпѣвшихъ“ отъ неосновательнаго прекращенія обвиненія, ибо огромное большинство и потерпѣвшихъ лицъ не пользуется необходимыми для надлежащаго обжалованія, вышеуказанными, условіями.

2) Несмотря, однакоже, на невозможность для подсудимыхъ и потерпѣвшихъ лицъ подавать основательно составленныя жалобы на дѣйствія прокуратуры по преданію суду и прекращенію

преслѣдованія, жалобы на эти дѣйствія все же будутъ приноситься въ „смѣшанную коллегію“, вслѣдствіе свойственнаго подсудимымъ стремленія во что бы то ни стало освободиться отъ обвиненія и присущаго потерпѣвшимъ желанія добиться отъ суда приговора о наказаніи ихъ дѣйствительнаго или воображаемаго обидчика. Тѣхъ же подсудимыхъ, у которыхъ не будетъ надежды обжалованіемъ акта преданія суду освободиться отъ обвиненія, къ такому обжалованію несомнѣнно побудитъ ихъ желаніе отсрочить судебное разсмотрѣніе и разрѣшеніе дѣла о нихъ, чтобы отдалить время исполненія ожидаемаго обвинительнаго приговора. Поэтому есть полное основаніе предполагать, что жалобы на преданіе суду будутъ приноситься каждымъ подсудимымъ, а жалобы на прекращеніе преслѣдованія—огромнымъ большинствомъ потерпѣвшихъ.

3) Такимъ образомъ въ „смѣшанную коллегію“ поступятъ, по жалобамъ подсудимыхъ, всѣ тѣ дѣла съ обвинительными актами, разсмотрѣніе коихъ въ настоящее время составляетъ предметъ дѣятельности обвинительной камеры судебной палаты. Кромѣ того, въ названную, проектированную г. Мѣщаниновымъ, коллегію поступитъ, по жалобамъ потерпѣвшихъ, большинство направляемыхъ прокуратурою къ прекращенію слѣдствій, разсмотрѣніе которыхъ, на предметъ окончательнаго разрѣшенія вопроса о ихъ прекращеніи, отнесено нынѣ къ вѣдѣнію окружныхъ судовъ. Изъ сего видно, что въ „смѣшанную коллегію“ должно вступать значительно болѣе дѣлъ, чѣмъ ихъ вступаетъ теперь въ обвинительную камеру палаты.

4) Между тѣмъ, проектированная названнымъ авторомъ „смѣшанная коллегія“, и по числу входящихъ въ составъ ея членовъ и вслѣдствіе обязанности ихъ заниматься другими дѣлами своей должности, не только обладаетъ меньшею работоспособностью, чѣмъ существующая нынѣ обвинительная камера палаты, но положительно не въ состояніи будетъ справиться съ дѣломъ разсмотрѣнія вступающихъ жалобъ и относящихся къ нимъ слѣдственныхъ производствъ, при чемъ вышеуказанная неосновательность этихъ жалобъ, составленныхъ отъ имени подсудимыхъ и потерпѣвшихъ—не адвокатами, добросовѣстно относящимися къ исполненію своихъ обязанностей, а способными на всякія ухищренія пройдохами, потребуетъ массу времени и труда на то, чтобы разобрать-

ся въ означенныхъ жалобахъ и сличить дѣлаемыя ими указанія—съ данными, занесенными въ слѣдственное производство. При этомъ очевидная невозможность справиться, какъ слѣдуетъ, съ такою работою должна поставить „смѣшанную коллегію“ въ необходимость, подъ предлогомъ неосновательности содержанія вступающихъ въ нее жалобъ, не входить въ самостоятельное разсмотрѣніе слѣдственнаго производства для выясненія, не имѣется ли, дѣйствительно, достаточныхъ основаній къ прекращенію направленнаго прокуроромъ, съ обжалованнымъ обвинительнымъ актомъ, дѣла или не заключается ли въ данныхъ слѣдствія достаточныхъ для преданія суду уликъ—по дѣлу, направленному прокуроромъ къ прекращенію. Кромѣ сего, въ виду отсутствія возможности для членовъ „смѣшанной коллегіи“ затрачивать время и трудъ на личное ознакомленіе съ жалобами и дѣлами, по необходимости придется возложить докладъ ихъ и составленіе опредѣленій коллегіи на чиновъ ея канцеляріи, каковой порядокъ окончательнаго разрѣшенія вопроса о преданіи суду и прекращеніи преслѣдованія вернетъ насъ къ дореформенному положенію судебнаго дѣла, когда царившій произволъ въ разрѣшеніи судебныхъ дѣлъ, раззоряя имѣвшихъ съ судомъ дѣло частныхъ лицъ, обогащалъ всѣхъ должностныхъ, съ писца суда и до судьи включительно.

5) Такое положеніе порученнаго „смѣшанной коллегіи“ дѣла не только не приведетъ къ огражденію проектированными г. Мѣщаниновымъ мѣрами интересовъ общества и частныхъ лицъ отъ неправильныхъ дѣйствій прокуратуры по преданію суду и прекращенію преслѣдованій, но не оградитъ и достоинства государственнаго обвинителя отъ возможности признанія „смѣшанною коллегіею“ его дѣйствій по преданію суду и прекращенію преслѣдованій—неправильными, безъ достаточныхъ къ тому основаній, ибо если таковое прокурорское достоинство вознесется на надлежащую высоту массою оставляемыхъ названною коллегіею безъ послѣдствій—жалобъ на прокуратуру, то достоинство это легко можетъ быть низвергнуто съ означенной высоты такимъ удовлетвореніемъ со стороны той же „смѣшанной коллегіи“ *нѣкоторыхъ* изъ жалобъ на преданіе суду и прекращеніе преслѣдованій, которое послѣдуетъ не вслѣдствіе правоты жалобы, а благодаря неправильнымъ дѣйствіямъ чиновъ канцеляріи по докладу коллегіи дѣла и составленію

опредѣленія ея. Да уже одно то, что помянутыя дѣйствія прокуратуры будутъ, въ сущности, провѣряться чинами канцеляріи „смѣшанной коллегіи“ должно поставить прокуратуру въ совершенно ложное и не соотвѣтствующее ея достоинству положеніе.

И 6) Въ довершеніе всего—перечисленныя, крайне нежелательныя, явленія будутъ сопровождаться, по меньшей мѣрѣ, вдвое большею медленностью въ движеніи дѣлъ, чѣмъ нынѣ, такъ какъ, кромѣ времени, и теперь и при осуществленіи проекта г. Мѣщанинова одинаково необходимаго на пересылку дѣла въ палатскій городъ,—сообщеніе подсудимому копіи обвинительнаго акта и потерпѣвшему копіи заключенія о прекращеніи преслѣдованія, съ предоставленіемъ имъ права обжалованія, вызоветъ неизвѣстную нынѣшнему порядку преданія суду трату весьма значительнаго времени, а меньшая, по сравненію съ существующею обвинительною камерою, работоспособность „смѣшанной коллегіи“ несомнѣнно приведетъ къ болѣе продолжительному нахожденію дѣлъ въ этой послѣдней коллегіи, чѣмъ въ первой.

Отмѣтивъ отрицательныя стороны предлагаемыхъ г. Мѣщаниновымъ мѣръ, мы разсмотримъ теперь указанія этого автора на „хорошія стороны“ проектируемой имъ „смѣшанной коллегіи“.

Такихъ сторонъ г. Мѣщаниновъ насчитываетъ три.

Первою изъ нихъ мы разсмотримъ указаніе его на то, что „въ составъ смѣшанной коллегіи, на правахъ членовъ, войдутъ представители обвинительной власти, чего въ существующихъ нынѣ обвинительныхъ камерахъ не имѣется“.

Для того, чтобы отдать должное этой „хорошей сторонѣ“ коллегіальнаго учрежденія, предназначаемаго помянутымъ авторомъ для разсмотрѣнія жалобъ на дѣйствія прокуратуры по преданію суду и прекращенію преслѣдованій, слѣдуетъ лишь припомнить даваемое самимъ г. Мѣщаниновымъ опредѣленіе учрежденію прокуратуры, по каковому опредѣленію организація послѣдней совершенно основательно приравнивается къ военной организаціи, по присущимъ имъ обѣимъ дисциплинѣ, сплоченности и дѣятельности низшихъ чиновъ подъ исключительнымъ руководствомъ высшихъ [1]). Имѣя же въ виду такія основныя черты прокурорскаго учрежде-

[1]) Стр 8—9.

нія, не трудно представить себѣ, въ какомъ направленіи проявится дѣятельность вошедшихъ въ составъ „смѣшанной коллегіи“, на правахъ членовъ, двухъ представителей обвинительной власти, изъ коихъ одинъ, къ тому же, въ полномъ подчиненіи у другаго. Если низшіе чины прокуратуры „дѣйствуютъ исключительно подъ руководствомъ высшихъ“, то признаніе основательною жалобы на составленный товарищемъ прокурора окружнаго суда или самимъ этимъ прокуроромъ обвинительный актъ или заключеніе о прекращеніи преслѣдованія—будетъ до нѣкоторой степени признаніемъ недочета въ помянутомъ руководствѣ чинами окружной прокуратуры со стороны чиновъ палатской, а значительное число таковыхъ, признанныхъ „смѣшанною коллегію“ основательными, жалобъ уже послужитъ прямымъ указаніемъ или на полное отсутствіе означеннаго „руководства“ или на недоброкачественность его.

Лишенные, такимъ образомъ, возможности проявить необходимое безпристрастіе въ разрѣшеніи жалобъ на дѣйствія прокуратуры по преданію суду и прекращенію преслѣдованій,—вошедшіе въ составъ „смѣшанной коллегіи“, на правахъ членовъ, представители обвинительной власти не будутъ, конечно, въ состояніи равнодушно относиться къ естественному стремленію своихъ, посторонних дѣлу преданія суду, коллегъ-представителей судебной власти разрѣшать каждую жалобу сообразно съ цѣлями правосудія, а не согласно съ желаніемъ ихъ, чиновъ палатской прокуратуры, не допускать многочисленности помянутыхъ, признаваемыхъ „смѣшанною коллегію“ основательными, жалобъ, могущихъ компрометировать служебную дѣятельность этихъ прокурорскихъ чиновъ. На такой то, благопріятной для нежелательныхъ столкновеній, почвѣ неминуемо должна возникнуть въ „смѣшанной коллегіи“ борьба между представителями судебной и обвинительной власти, что̀ будетъ посерьезнѣе конфлита этихъ властей, усматриваемаго г. Мѣщаниновымъ, но въ дѣйствительности несуществующаго, въ исполненіи уголовнымъ департаментомъ нынѣ дѣйствующихъ судебныхъ палатъ—обязанностей обвинительной камеры и суда 1-й степени по однимъ и тѣмъ же дѣламъ. И хотя на сторонѣ представителей судебной власти, въ виду принадлежности къ ней предсѣдателя „смѣшанной коллегіи“, будетъ большинство разрѣшающихъ жалобы

голосовъ членовъ ея, но едва ли возможно сомнѣваться въ томъ, что, въ концѣ концовъ, означенная борьба кончится торжествомъ входящихъ въ составъ этой коллегіи прокуроровъ. За такой исходъ борьбы ручаются тѣ же дисциплина и сплоченность прокуратуры, а равно занимаемое ею въ судебномъ вѣдомствѣ господствующее положеніе. Несомнѣнно, что такое подведеніе дѣятельности всѣхъ членовъ „смѣшанной коллегіи“ къ одному знаменателю не дозволитъ проектируемому г. Мѣщаниновымъ контролю за вышеуказанною дѣятельностью „государственнаго обвинителя проявиться въ неприличной для него формѣ“,—но и полная несостоятельность подобнаго контроля въ дѣлѣ огражденія интересовъ общества и частныхъ лицъ отъ неправильныхъ дѣйствій прокуратуры по преданію суду—также не менѣе очевидный фактъ.

Обратимся, затѣмъ, къ другой „хорошей сторонѣ“, которою, по мнѣнію г. Мѣщанинова, „смѣшанная коллегія“ отличается отъ нынѣ существующей обвинительной камеры судебной палаты.

Объ этой сторонѣ названный авторъ говоритъ такъ: „прежде всего она (смѣшанная коллегія) будетъ учрежденіемъ, стоящимъ внѣ суда, а посему избѣгнется смѣшеніе обвинительной и судебной власти“ [1]), т. е. тотъ самый конфлитъ этихъ властей, который г. Мѣщаниновъ усматриваетъ въ томъ, что „одинъ и тотъ же уголовный департаментъ судебной палаты является нынѣ и обвинительною камерою и судомъ, разрѣшающимъ дѣло по существу“ [2]).

Въ настоящемъ нашемъ трудѣ мы уже имѣли случай высказать свой взглядъ о неосновательности этого аргумента, приведеннаго помянутымъ авторомъ въ доказательство непригодности нынѣ существующей обвинительной камеры къ достиженію поставленныхъ ей законодателемъ цѣлей. При этомъ нами было высказано, что оцѣнку уликъ для разрѣшенія вопроса, есть ли достаточныя основанія предать обвиняемаго суду, законъ признаетъ *„первымъ дѣйствіемъ правосудія“*, требующимъ, природою своею, совершенія его судебною властью, ибо оцѣнка уликъ при преданіи суду есть, такъ сказать, первообразъ разрѣшенія дѣла по существу. Посему въ исполненіи коллегіею обязанности разрѣшить вопросъ, есть ли по дѣлу достаточныя улики для преданія суду, и въ рѣшеніи тою

---

[1]) Стр. 35.

[2]) Стр. 24.

же коллегіею дѣла по существу не можетъ быть никакого конфлита судебной и обвинительной властей. Если же необходимо, чтобы участвовавшіе въ преданіи суду члены коллегіи не принимали участія въ разрѣшеніи того же дѣла по существу, къ примѣненію какового правила на практикѣ существующія судебныя палаты не встрѣчаютъ затрудненія,—то такая необходимость обусловливается причинами, по которымъ законъ требуетъ разрѣшенія кассированнаго дѣла составомъ суда, неучаствовавшимъ въ постановленіи по этому дѣлу отмѣненнаго приговора.

А если въ функціонированіи судебной палаты, въ качествѣ обвинительной камеры и разрѣшающаго дѣла по существу—суда, не можетъ быть никакого смѣшенія судебной и обвинительной власти, то нѣтъ и надобности создавать, взамѣнъ существующей обвинительной камеры, такое учрежденіе, въ дѣятельности коего тоже не проявлялось бы смѣшеніе помянутыхъ властей.

Но выразившаяся въ разсматриваемомъ проектѣ г. Мѣщанинова попытка его создать подобное учрежденіе должна быть признана не только излишнею, а также и вполнѣ неудачною, такъ какъ въ проектированной этимъ авторомъ коллегіи, потому несомнѣнно и названной имъ самимъ „смѣшанною,“—смѣшеніе судебной и обвинительной власти, чрезъ соединеніе представителей той и другой въ одну коллегію, происходитъ въ буквальномъ смыслѣ слова, и мы выше уже указали, какъ такое явленіе должно вредно отразиться на ходѣ дѣла правосудія.

Независимо отъ сего, проектированной г. Мѣщаниновымъ „смѣшанной коллегіи“ вполнѣ присуще и то самое, наблюдаемое въ современной судебной палатѣ, явленіе, въ которомъ названный авторъ усматриваетъ, въ дѣйствительности на существующій, конфлитъ судебной и обвинительной властей.

Основательность сего докажемъ сравненіемъ.

Нынѣ помянутое явленіе заключается въ томъ, что одинъ составъ членовъ уголовнаго департамента судебной палаты разрѣшаетъ по существу то самое дѣло, по которому другой составъ членовъ того же уголовнаго департамента палаты предавалъ обвиняемаго суду, въ чѣмъ г. Мѣщаниновъ усматриваетъ конфлитъ судебной и обвинительной властей.

А въ „смѣшанной коллегіи“, проектированной названнымъ авторомъ, будутъ, вмѣстѣ съ другими, предазать обвиняемаго суду предсѣдатели той самой судебной палаты, которая, затѣмъ, должна рѣшить по существу вопросъ о виновности помянутаго обвиняемаго, при подсудности дѣла о немъ судебной палатѣ, въ качествѣ суда 1-й степени. Но въ этомъ явленіи г. Мѣщаниновъ, совершенно непослѣдовательно, не признаетъ конфлита судебной и обвинительной властей. Между тѣмъ насколько нынѣ легко образовать въ палатѣ отдѣльные два состава, необходимые для преданія суду и разрѣшенія по существу вопроса о виновности подсудимаго по одному и тому же дѣлу,—настолько же, при существованіи „смѣшанной коллегіи“, оказалось бы труднымъ, и, даже, можетъ быть, и совсѣмъ невозможнымъ, замѣнить въ разрѣшающемъ дѣло по существу составѣ палаты — предсѣдателя ея, участвовавшаго въ преданіи по этому дѣлу суду, другимъ предсѣдателемъ.—Оговоримся, что, отождествляя, при учиненномъ нами сравненіи, дѣятельность „смѣшанной коллегіи“ и ея членовъ по разсмотрѣнію долженствующихъ въ нее вступить жалобъ съ дѣятельностью нынѣ существующей обвинительной камеры по преданію суду, мы поступаемъ не произвольно, ибо разсмотрѣніе названною коллегіею помянутыхъ жалобъ есть въ сущности окончательное разрѣшеніе вопроса о преданіи суду по относящимся къ этимъ жалобамъ дѣламъ. Такой же взглядъ на характеръ дѣятельности „смѣшанной коллегіи“ высказалъ и самъ г. Мѣщаниновъ, категорически назвавъ её „обвинительною камерою“ [1]).

Третьею и, вмѣстѣ съ тѣмъ, послѣднею „хорошею стороною“, отличающею „смѣшанную коллегію“, помянутый авторъ признаетъ предоставляемое въ ней предсѣдателю значеніе, при которомъ онъ былъ бы только primus inter pares по отношенію къ членамъ той коллегіи.

Несомнѣнно, что опредѣляемыя приведенною г. Мѣщаниновымъ латинскою формулою—отношенія предсѣдателя судебной коллегіи къ ея членамъ составляютъ условіе, безъ наличности котораго не можетъ правильно функціонировать обвинительная камера, ибо затрогивающія важнѣйшіе общественные интересы—рѣше-

[1]) Стр. 35.

нія ея должны являться плодомъ самостоятельной, неиспытывающей на себѣ ни какого посторонняго давленія, дѣятельности каждаго члена этой коллегіи. Невозможно также оспаривать тотъ несомнѣнный фактъ, что современной судебной палатѣ чуждо указанное условіе равенства предсѣдателей членамъ ея.

Давно уже установившіеся въ вѣдомствѣ порядки сложились такъ, что неуравненные закономъ въ своемъ служебномъ положеніи съ предсѣдателями палаты—члены ея могутъ пользоваться вытекающими изъ ихъ трудовъ и заслугъ служебными выгодами и преимуществами лишь по стольку, по скольку такіе труды и заслуги получатъ признаніе со стороны предсѣдателей. Эта служебная зависимость первыхъ отъ послѣднихъ не можетъ быть, конечно, благопріятной почвой для самостоятельности сужденій члена палаты, который, противорѣча высказываемымъ предсѣдателемъ мнѣніямъ, имѣетъ полное основаніе полагать, что репутація здравомыслящаго и знающаго свое дѣло, а потому и высказывающаго по нему правильное мнѣніе—судьи всегда будетъ удержана предсѣдателемъ за собою. Отсюда же самъ собою вытекаетъ выводъ, что при мнѣніи предсѣдателя объ отсутствіи у члена палаты необходимыхъ, для правильности сужденій по дѣламъ, способностей и знанія дѣла—не представляется возможнымъ ожидать признанія со стороны предсѣдателя полезности трудовъ и значительности заслугъ такого члена, а стало быть и сопряженныхъ съ таковымъ признаніемъ служебныхъ выгодъ и преимуществъ, къ которымъ чаще всего побуждаетъ судью стремиться не карьеризмъ, а крайняя матеріальная необезпеченность его семьи и его самого.

Но вполнѣ сознавая весь, не могущій быть терпимымъ, вредъ для дѣла правосудія, проистекающій изъ неравенства служебнаго положенія пресѣдателей и членовъ современныхъ судебныхъ палатъ, мы, тѣмъ не менѣе, не находимъ основанія къ признанію, что для уравненія служебнаго положенія предсѣдателя и членовъ нынѣ существующей обвинительной камеры необходимо упразднить ее въ настоящемъ видѣ и замѣнить „смѣшанною коллегіею“. Этого признанія не допускаютъ какъ указанные выше недостатки „смѣшанной коллегіи“, недозволяющіе имѣть даже малѣйшую надежду на плодотворность ея дѣятельности, такъ и полная возможность такой реорганизаціи судебной палаты, которая осуществила бы

требуемую интересами дѣла правосудія независимость членовъ палаты отъ ея предсѣдателей, чрезъ уравненіе служебнаго положенія тѣхъ и другихъ и иныя соотвѣтствующія мѣры.

Ниже, при разсмотрѣніи вопроса объ упорядоченіи дѣятельности судебныхъ палатъ, мы будемъ имѣть случай подробнѣе высказать нашъ взглядъ на долженствующее послѣдовать преобразованіе названнаго учрежденія. Здѣсь же отмѣтимъ ту особенность отношенія г. Мѣщанинова къ разсматриваемому вопросу о преданіи суду, которая находится въ непосредственной зависимости отъ руководящаго имъ желанія пропагандировать идею передачи дѣла преданія суду въ исключительное вѣдѣніе прокуратуры—для поднятія значенія послѣдней, а не для упорядоченія помянутаго дѣла,—доказательство чему мы не замедлимъ представить.

Отмѣчаемая нами характерная черта разсматриваемой статьи названнаго автора заключается въ томъ, что послѣдній, указавъ въ ней на ненормальныя, по его мнѣнію, стороны дѣятельности нынѣ существующей обвинительной камеры, не только не вошелъ въ разсмотрѣніе вопроса о возможности устранить, законодательнымъ путемъ, вызывающія такую ненадлежащую ея дѣятельность причины, безъ упраздненія самого названнаго учрежденія и замѣны его другимъ, но не указалъ даже, почему онъ, г. Мѣщаниновъ, такъ поступилъ. Между тѣмъ, прежде, чѣмъ сломать неудовлетворяющее даннымъ потребностямъ зданіе, предпринимаютъ изслѣдованіе его на предметъ выясненія, непредставляется ли возможнымъ перестройкою и ремонтомъ приспособить это старое зданіе къ надлежащему удовлетворенію имъ требованій современности, необходимость въ чемъ обусловливается уже тѣмъ однимъ, что капитальная ломка годнаго стараго есть работа, совершенно непроизводительная. Къ тому же прежнихъ лѣтъ зданія, въ большинствѣ случаевъ, отличаются, въ своей постройкѣ, такими фундаментальною прочностью и тщательностью детальной отдѣлки, какихъ обыкновенно не способна дать работа нынѣшнихъ строителей, по ихъ меньшей усидчивости, выносливости въ работѣ и преданности ей.

Переходя отъ указанія на признаваемыя имъ ненормальными—стороны дѣятельности современной обвинительной камеры непосредственно къ своему заключенію о необходимости упраздненія ея и

предоставленія дѣла преданія суду и прекращенія преслѣдованій исключительно въ руки прокуратуры, г. Мѣщаниновъ мотивируетъ такой свой переходъ слѣдующею тирадою: „Опытъ указалъ на отсутствіе благихъ результатовъ передачи прокуратуры подъ контроль суда; Западная Европа знаетъ формы непосредственнаго преданія суду прокурорскимъ надзоромъ (Австрія, Шотландія); наука признаетъ этотъ порядокъ соотвѣтствующимъ разумному обвинительному началу“....

Въ доказательство же того, что Австрія и Шотландія даютъ намъ примѣръ осуществить предлагаемую имъ, г. Мѣщаниновымъ, означенную реформу, а наука одобряетъ такое осуществленіе, названный авторъ сослался на извѣстный трудъ Н. В. Муравьева „Прокурорскій надзоръ въ его устройствѣ и дѣятельности“ и обозначилъ 184—185 и 238 страницы этого сочиненія, какъ источники, изъ которыхъ онъ, г. Мѣщаниновъ, позаимствовалъ приводимыя имъ свѣдѣнія объ отношеніяхъ Западной Европы къ порядку непосредственнаго преданія суду прокурорскимъ надзоромъ и объ отзывахъ науки о томъ порядкѣ [1]).

Мы уже знаемъ, насколько г. Мѣщаниновъ своимъ разсмотрѣніемъ „опыта“ нахожденія прокуратуры подъ контролемъ суда подготовилъ себѣ почву для дѣлаемаго имъ вывода объ „отсутствіи благихъ результатовъ“ помянутаго контроля, и имѣемъ достаточное основаніе сказать, что едва ли возможно быть еще болѣе бездоказательнымъ въ своихъ выводахъ. Точно также и въ указаніяхъ на законодательства Австріи и Шотландіи и на отзывъ науки по означенному вопросу г. Мѣщаниновъ вѣренъ своей системѣ доказывать имъ желаемое, но не вѣренъ истинѣ.

Такъ, обращаясь къ указаннымъ помянутымъ авторомъ страницамъ научнаго труда „Прокурорскій надзоръ въ его устройствѣ и дѣятельности“, мы дѣйствительно находимъ здѣсь описаніе участія австрійской и шотландской прокуратуры въ уголовномъ процессѣ, но описаніе это знакомитъ насъ совершенно не съ тѣмъ положеніемъ прокурорскаго надзора, о водвореніи котораго въ Россіи хлопочетъ г. Мѣщаниновъ. Мы видѣли, что этотъ авторъ при-

[1]) Стр. 28—29.

знаетъ необходимымъ поднять значеніе прокуратуры и, для сего, предоставить ей исключительное право преданія суду и прекращенія преслѣдованій, при чемъ онъ весьма озабоченъ тѣмъ, чтобы порядокъ обжалованія этихъ дѣйствій прокуратуры имѣлъ „вполнѣ приличную для государственнаго обвинителя форму“. Въ Австріи же [1]) наряду съ государственнымъ обвинителемъ псставлено потерпѣвшее отъ преступленія лицо, которое „на судебномъ слѣдствіи является вторымъ, послѣ прокурора, обвинителемъ“. И „если прокуроръ въ какой бы то ни было моментъ процесса отступитъ отъ преслѣдованія или выскажется за его прекращеніе, частный обвинитель уполномоченъ замѣнить государственнаго и продолжать на свой страхъ преслѣдованіе“..... „Такимъ образомъ, всякій пробѣлъ прокурорской дѣятельности въ огражденіи нарушенныхъ преступленіемъ частныхъ правъ можетъ быть немедленно восполненъ заинтересованнымъ въ этомъ лицомъ и нѣтъ рѣчи о вредѣ, происходящемъ отъ монополіи государственнаго обвиненія“. Ко всему этому потерпѣвшему лицу и защитѣ обвиняемаго предоставлены обширныя права и при производствѣ предварительнаго слѣдствія. Кромѣ того, законодательства Австріи и Шотландіи, какъ это мы ранѣе уже говорили, отвергаютъ всѣ другіе виды дѣятельности прокурора, кромѣ дѣятельности его по уголовному преслѣдованію въ обвинительномъ процессѣ, такъ что тамъ прокуратура совершенно освобождена отъ наблюденія за исполненіемъ закона, контроля за судьями, судебно-административныхъ обязанностей и дѣлъ гражданскихъ. Только такая спеціализація дѣятельности прокурора и обширное развитіе законодательствомъ—началъ защиты и вспомогательнаго частнаго обвиненія, въ качествѣ процессуальныхъ институтовъ, служащихъ противовѣсомъ обвинительной прокурорской дѣятельности, дали Австріи возможность предоставить прокуратурѣ право непосредственнаго преданія суду [2]). Въ Шотландіи же гарантіями противъ злоупотребленія прокуратурою правомъ непосредственнаго преданія суду служатъ какъ указанныя выше спеціализація прокурорской дѣятельности и обширныя права защиты обвиняемаго, такъ и пре-

---

[1]) Муравьевъ. «Прокурорскій надзоръ», стр. 189.

[2]) Тамъ же, стр.: 176 и 189.

доставленіе свободной прессѣ страны права на *„неумолимую критику дѣйствій обвинительной власти“* [1]).

Вотъ тѣ формы непосредственнаго преданія суду прокуратурою, которыя „знаетъ Западная Европа“. Самое тщательное разсмотрѣніе ихъ, въ связи съ проектированною г. Мѣщаниновымъ формою непосредственнаго преданія суду прокурорскимъ надзоромъ, не даетъ указаній на общія той и другой формѣ черты. Напротивъ, первою вполнѣ ограничивается произволъ прокурора въ дѣлѣ прекращенія преслѣдованій и достаточно обезпечивается основательное разрѣшеніе вопроса о преданіи суду по каждому дѣлу,— тогда какъ присущіе второй формѣ порядки передаютъ указанныя процессуальныя дѣйствія въ исключительное и безконтрольное вѣдѣніе прокурорскаго надзора, лишая общество и частныхъ лицъ необходимыхъ гарантій отъ неправильныхъ дѣйствій его въ этой сферѣ.

Но если бы даже г. Мѣщаниновъ предлагалъ ввести у насъ ту самую форму непосредственнаго преданія суду прокуратурою, которая существуетъ въ Австріи или Шотландіи, то и такой его проектъ оказался бы не пригоднымъ для современной русской общественности. Какъ мы ранѣе говорили, существующій въ названныхъ странахъ порядокъ преданія суду не былъ бы достаточною гарантіею отъ вытекающаго изъ ненадлежащей прокурорской дѣятельности вреда—въ такой съ менѣе высокою культурою странѣ, какъ Россія, ибо только высокій, сравнительно, уровень умственнаго развитія и матеріальнаго благосостоянія народа въ помянутыхъ государствахъ Западной Европы дозволяетъ тамъ почти каждому въ должной мѣрѣ пользоваться институтами защиты обвиняемаго и вспомогательнаго частнаго обвиненія, въ чемъ и заключается противовѣсъ обвинительной прокурорской дѣятельности. Вотъ что говоритъ по этому предмету въ своемъ „Прокурорскомъ надзорѣ“ Н. В. Муравьевъ: „Не умаляя теоретическаго интереса учрежденія (т. е. учрежденія англо-шотланской прокуратуры) и практической поучительности отдѣльныхъ частей его, это обстоятельство“ (національная самобытность и соотвѣтствіе названнаго учрежденія

[1]) Тамъ же, стр. 236—239.

совершенно особымъ условіямъ общественнаго быта) „требуетъ отъ юридической науки другихъ странъ, съ иными условіями и инымъ складомъ жизни, полной объективности въ оцѣнкѣ и крайней осторожности въ выводахъ и заимствованіяхъ“ [1]).

Въ приведенныхъ словахъ цитируемаго научнаго труда, полныхъ предостереженія, правды и глубокаго смысла, едва ли возможно усматривать благопріятный для проекта г. Мѣщанинова отзывъ науки. И такому своему взгляду на возможность заимствованія въ разсматриваемой области изъ законодательствъ помянутыхъ странъ Н. В. Муравьевъ нигдѣ, въ другомъ мѣстѣ того же своего труда, не противорѣчитъ. Отдавая, при разсмотрѣніи законодательствъ разныхъ государствъ, должное нѣкоторымъ изъ относящихся къ означенной области—процессуальнымъ порядкамъ, въ виду соотвѣтствія ихъ требованіямъ и условіямъ общественнаго быта своей страны, онъ однакоже не расточаетъ похвалъ вообще порядку непосредственнаго преданія суду прокуратурою, съ теоретической точки зрѣнія на него, и не высказывается за возможность его примѣненія въ странахъ съ инымъ складомъ жизни и иными общественными условіями. Между тѣмъ, г. Мѣщаниновъ именно въ этомъ трудѣ г. Муравьева и нашелъ научную почву для своего признанія необходимости передачи у насъ дѣла преданія суду и прекращенія преслѣдованій исключительно въ руки прокуратуры.

Кончая разборъ статьи г. Мѣщанинова, мы приведемъ ея заключительныя слова, которыми названный авторъ точно опредѣляетъ, къ чему онъ стремился и чего хотѣлъ достичь своею означенною статьею.

Вотъ эти слова:

„Говорятъ и о томъ, нужны ли судебныя палаты, не слѣдуетъ ли создать болѣе мелкіе, болѣе близкіе къ населенію суды, но, какъ этотъ, такъ и приведенный выше“ (объ упраздненіи палатской прокуратуры) „вопросы, требуютъ особой и подробной разработки и не входятъ въ кругъ нашей задачи. Послѣднюю мы считаемъ исполненною; намъ хотѣлось намѣтить пути къ поддержанію

[1]) Стр. 239.

окружной прокуратуры, этого дорогаго намъ и симпатичнаго обществу учрежденія, на высотѣ, соотвѣтствующей ея положенію; съ честью она вела свое дѣло въ теченіи 30 лѣтъ и, казалось бы, смѣло можетъ получить въ свои умѣлыя руки ту расширенную власть и въ тѣхъ ея предѣлахъ, которые указаны нами въ настоящей статьѣ“ [1]).

Когда мы приступили къ чтенію статьи г. Мѣщанинова, то, судя по заглавію ея, думали, что названный авторъ разсмотрѣніемъ порядка „преданія суду въ настоящее время и возможной постановки его въ будущемъ“ преслѣдуетъ цѣль усовершенствованія помянутаго порядка, въ видахъ устраненія почвы для могущихъ возникать нынѣ, въ указанной стадіи уголовнаго процесса, нежелательныхъ проявленій. Однакоже г. Мѣщаниновъ не долго оставлялъ насъ въ этомъ заблужденіи. Вмѣсто объективнаго разсмотрѣнія избраннаго имъ для своей статьи предмета, онъ съ первыхъ же страницъ ея заявилъ себя защитникомъ угнетенной, якобы, контролемъ суда прокуратуры и порицателемъ дѣятельности обвинительной камеры, но въ защиту первой и порицаніе второй не привелъ ни одного довода, выдерживающаго критическую оцѣнку. Такое характерное отношеніе названнаго автора къ разсматриваемому имъ вопросу о преданіи суду незамедлило убѣдить насъ, что привело его къ признанію необходимости передачи дѣла преданія суду въ исключительное вѣдѣніе прокурорскаго надзора и къ пропагандѣ своею статьею этой идеи—желаніе поднять значеніе прокуратуры, а не стремленіе упорядочить самое дѣло преданія суду. Высказавъ выше такое наше мнѣніе, мы обѣщали подтвердить его доказательствомъ, каковымъ и являются приведенныя нами заключительныя слова статьи г. Мѣщанинова, признавшаго ими, что задачею послѣдней было его желаніе „намѣтить пути къ поддержанію окружной прокуратуры — на высотѣ, соотвѣтствующей ея положенію“.

Если же г. Мѣщаниновъ пожелаетъ намъ возразить, что, высказываясь за передачу дѣла преданія суду „въ умѣлыя руки“ прокуратуры, онъ, тѣмъ самымъ, стремится къ упорядоченію этого

---

[1]) Стр. 37-я.

дѣла, то мы, съ своей стороны, попросимъ его припомнить, что онъ говорилъ, вторя профессору Володимірову, объ обратившейся „въ одну пустую формальность“—дѣятельности судебныхъ палатъ, „однообразно утверждающихъ“ вносимые въ нихъ прокуратурою обвинительные акты, а также о томъ, что такая, чисто формальная, дѣятельность палатъ ведетъ къ постановленію судомъ присяжныхъ оправдательныхъ приговоровъ. Вѣдь, если палаты однообразнымъ утвержденіемъ прокурорскихъ обвинительныхъ актовъ вызываютъ оправдательные приговора присяжныхъ, то, значитъ, неподлежащіе такому однообразному утвержденію обвинительные акты составлены неудовлетворительно, а потому и составившія ихъ прокурорскія руки—„неумѣлы“. Правда, г. Мѣщаниновъ объясняетъ неудовлетворительность вносимыхъ въ палату прокурорскихъ письменныхъ работъ—тѣмъ, что у прокуроровъ „отнимаются руки, опускается голова и пропадаетъ всякая энергія“ отъ одного опасенія, что ихъ работа въ обвинительной камерѣ будетъ испещрена поправками. Но еслибы даже такое объясненіе и могло служить нѣкоторымъ оправданіемъ ненадлежащей дѣятельности прокуратуры по указанному предмету, то оно, лишая окружную прокуратуру ореола, которымъ ее старается окружить названный авторъ, не совмѣстимо съ признаніемъ послѣдней вполнѣ доказавшею свою пригодность для безконтрольнаго веденія дѣла преданія суду. Къ тому же, какъ мы ранѣе говорили, контроль обвинительной камеры необходимъ не только для „неумѣлыхъ“ прокуроровъ, но и для умѣлыхъ, но могущихъ увлекаться обвиненіемъ и, вообще, впадать въ ошибки, свойственныя рѣшенію какихъ либо вопросовъ однимъ человѣкомъ, а не коллегіею.

Все, высказанное нами, есть такія простыя и неопровержимыя истины, не признавать которыя можетъ лишь человѣкъ, пристрастно относящійся къ разсматриваемому вопросу, какимъ человѣкомъ и является авторъ разобранной нами статьи о преданіи суду. Почвою же для означеннаго пристрастія г. Мѣщанинова могли послужить его исключительныя симпатіи къ окружной прокуратурѣ, находящія себѣ объясненіе въ службѣ его въ этомъ учрежденіи въ молодые годы жизни, нерѣдко оставляющіе въ человѣкѣ пріятныя воспоминанія даже и о томъ, что, по своему существу, не заключаетъ въ себѣ ничего, особенно пріятнаго. Несомнѣнно, что

не найдется достаточнаго основанія къ принципіальному признанію учрежденій слѣдственной и судебной властей менѣе симпатичными, чѣмъ учрежденіе прокурорской власти. Имѣя въ виду, что дѣятельность всѣхъ этихъ трехъ властей одинаково направлена на борьбу съ преступленіемъ и различается одна отъ другой лишь способами веденія означенной борьбы, но объективный характеръ дѣятельности болѣе присущъ природѣ слѣдственной и судебной властей,— не слѣдуетъ ли, напротивъ, признать, что симпатіи склоннаго къ безпристрастію человѣка скорѣе окажутся на сторонѣ сихъ послѣднихъ властей, а не прокурорской?!.....

Разобравъ статью г. Мѣщанинова, мы, однакоже, не можемъ на этомъ покончить съ предметомъ ея разсмотрѣнія, а считаемъ необходимымъ высказать наше личное мнѣніе по вопросу о томъ, нужны ли вообще какія либо реформы въ нынѣ дѣйствующемъ порядкѣ преданія суду и если нужны, то въ чемъ онѣ должны заключаться. Исполненіе нами сего наглядно покажетъ, что г. Мѣщаниновъ, обсуждая современное положеніе дѣла преданія суду, усматриваетъ зло не тамъ, гдѣ оно дѣйствительно есть, и предлагаетъ къ устраненію этого зла не тѣ мѣры, которыя его могутъ уничтожить. Кромѣ того, изложеніе нашего мнѣнія по указаннымъ вопросамъ устранитъ всякую почву для обвиненія насъ въ стремленіи обѣлить дѣйствующій порядокъ преданія суду и отношеніе личнаго состава судебныхъ палатъ къ своему служебному дѣлу, и, притомъ, докажетъ, что, чуждые такому стремленію, мы разборомъ статьи помянутаго автора преслѣдовали лишь цѣль возстановленія попранной имъ истины, къ чему насъ обязывало близкое знакомство съ обсуждаемымъ г. Мѣщаниновымъ предметомъ. Всего этого мы надѣемся достигнуть слѣдующею главою нашего труда.

IV.

Качественная сторона дѣятельности современной обвинительной камеры, обусловливающая положеніе дѣла преданія суду, находится въ непосредственной зависимости во 1-хъ) отъ соотвѣтствія общаго количества падающей на личный составъ судебныхъ палатъ работы—ихъ штатамъ, во 2-хъ) отъ характера дѣятельности этого лич-

наго состава по исполненію лежащихъ на немъ обязанностей службы, въ 3-хъ) отъ случаевъ возложенія на членовъ судебныхъ палатъ постороннихъ, прямымъ ихъ обязанностямъ, какихъ либо занятій, какъ, напримѣръ, участія въ ревизіи учрежденій и должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства, или самостоятельной, такой, ревизіи и въ 4-хъ) отъ степени удовлетворительности вносимыхъ на утвержденіе обвинительной камеры прокурорскихъ письменныхъ работъ.

Взаимодѣйствіе отмѣченныхъ условій такъ велико, что измѣненіе положенія одного изъ нихъ ведетъ за собою измѣненіе положенія если не всѣхъ другихъ, то, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ, вслѣдствіе чего такое измѣненіе оказываетъ свое вліяніе на уровень качественной дѣятельности названнаго учрежденія не съ одной, а съ нѣсколькихъ сторонъ зарàзъ. Поэтому весьма важно, чтобы каждое изъ помянутыхъ условій, въ своемъ воздѣйствіи на общій ходъ дѣла преданія суду, не выходило изъ требуемой отъ него цѣлями правосудія—нормы.

По тому же сáмому и мы остановимся, поочередно, на каждомъ изъ означенныхъ условій и разсмотрѣніемъ ихъ современнаго положенія, въ связи съ вопросомъ о характерѣ вліянія его на ходъ дѣла преданія суду, выяснимъ: въ какомъ направленіи разсматриваемыя условія оказываютъ на этотъ ходъ вліяніе и если таковое—нежелательное, то какими мѣрами возможно его устранить.

Обращаясь къ первому, изъ отмѣченныхъ нами, условію дѣятельности современной обвинительной камеры, мы напомнимъ, что вопросъ о соотвѣтствіи общаго количества работы, пáдающей на личный составъ палатъ,—ихъ штатамъ нами уже разрѣшенъ выше въ утвердительномъ смыслѣ, на основаніи приведенныхъ въ статьѣ г. Мѣщанинова числовыхъ данныхъ изъ отчета о дѣятельности 8-ми судебныхъ палатъ общаго типа за 1891 годъ. Такими числовыми данными, не допускающими инаго рѣшенія означеннаго вопроса, т. е. признанія пáдающаго на личный составъ палатъ количества работы превышающимъ его силы, являются свѣдѣнія о томъ, что на долю каждаго члена уголовнаго департамента палаты приходится всего 406 дѣлъ обвинительной камеры и 114 дѣлъ инстанціи и апелляціонныхъ—въ годъ, по какóвымъ дѣламъ весь

трудъ члена палаты заключается въ ознакомленіи его, въ теченіе недѣли, съ 12-ью—14-ью дѣлами помянутыхъ трехъ группъ и въ составленіи по нимъ, въ тотъ же періодъ времени, отъ 2-хъ до 4-хъ приговоровъ и отъ 3-хъ до 5-ти опредѣленій, изъ коихъ не болѣе десятой части такихъ, которые требуютъ отъ ихъ составителя затраты значительнаго времени и напряженной мозговой работы.

Но приведенныя цифры, какъ мы уже имѣли случай сказать, представляютъ собою средній выводъ изъ заключающихся въ помянутомъ годовомъ отчетѣ числовыхъ данныхъ о количественной дѣятельности члена палаты,—минимальныя же и максимальныя числа докладываемыхъ послѣднимъ, въ разное время, дѣлъ порою сильно отклоняются отъ указанныхъ чиселъ средняго вывода, вслѣдствіе чего временами членъ палаты легко справляется съ своею работою, а временами онъ бываетъ отягощенъ ею. И хотя такое отягощеніе никогда не достигаетъ предѣла, при которомъ работа является непосильнымъ трудомъ,—тѣмъ не менѣе оно легко можетъ отозваться на качествѣ ея, ибо усиленная дѣятельность и торопливый трудъ весьма часто вызываютъ ошибку въ работѣ или просмотръ чужой, допущенной по дѣлу, ошибки, что, въ свою очередь, можетъ отразиться на правильности рѣшенія обвинительною камерою вопроса о преданіи суду по тому же дѣлу.

Изслѣдованіе причинъ, вызывающихъ указанную неравномѣрность въ количествѣ приходящихся въ разное время на члена палаты дѣлъ, даетъ слѣдующіе результаты.

Если мы просмотримъ настольные реестры судебныхъ палатъ то увидимъ, что записываемыя въ названныя канцелярскія книги дѣла всѣхъ трехъ, обозначенныхъ выше, группъ вступаютъ въ палаты, въ теченіе года, довольно равномѣрно. Правда, въ лѣтнее время—время каникулъ и отпусковъ чиновъ судебнаго вѣдомства по преимуществу—дѣлъ вступаетъ нѣсколько менѣе, чѣмъ въ зимнее, а во вторую половину года, вслѣдствіе общаго стремленія освободиться къ новому году отъ накопившихся дѣлъ, ихъ вступаетъ нѣсколько болѣе, чѣмъ въ первую, но являющееся, слѣдствіемъ сего, отклоненіе отъ среднихъ чиселъ приходящихся на долю каждаго члена палаты дѣлъ—весьма незначительно. Такъ, вмѣсто 12—14 дѣлъ средняго вступленія на члена въ недѣлю, ихъ

въ дѣйствительности въ этотъ періодъ времени вступаетъ отъ 8-ми до 18-ти, каковое количество дѣлъ не можетъ быть, конечно, обременительнымъ для члена палаты.

Затѣмъ, изъ сдѣланныхъ въ помянутыхъ настольныхъ реестрахъ отмѣтокъ о времени разрѣшенія дѣла мы узнаемъ, что дѣла обвинительной камеры разрѣшаются въ первыя же, по вступленіи ихъ, еженедѣльныя засѣданія ея. Точно также и апелляціонныя дѣла назначаются къ слушанію безъ особенныхъ замедленій,— не болѣе, какъ чрезъ положенный закономъ срокъ для оповѣщенія подсудимыхъ о времени слушанія палатою дѣла. Но не то обнаружитъ просмотръ настольныхъ реестровъ по отношенію къ разрѣшенію дѣлъ 1-й инстанціи, для огромнаго большинства коихъ назначаются въ разныхъ пунктахъ судебнаго округа выѣздныя сессіи палаты. Просмотръ этотъ выяснитъ, что означенныя сессіи, въ большинствѣ случаевъ, идутъ не одна послѣ другой, а по двѣ и даже по три одновременно. Вслѣдствіе сего, за отъѣздомъ на сессіи, въ одно и тоже время, 5-ти или 6-ти членовъ и 2-хъ предсѣдателей палаты, остающійся на мѣстѣ личный составъ ея настолько количественно ослабляется, что во время такихъ параллельныхъ сессій на долю каждаго оставшагося въ департаментѣ члена ея число дѣлъ обвинительной камеры удваивается и даже утраивается, возрастая до 40-ка—50-ти въ недѣлю. Поэтому и въ виду необходимости не допускать ведущаго къ медленности въ производствѣ накопленія въ палатѣ дѣлъ послѣдней группы, дѣла апелляціонныя во время выѣздныхъ сессій обыкновенно совсѣмъ не назначаются. Конечно, ничего подобнаго не происходило бы, если бы палаты приняли за правило не назначать параллельныхъ выѣздныхъ сессій, а вести ихъ непремѣнно одну послѣ другой, ибо состоявшееся, по поводу закона 7 іюля 1889 г., усиленіе штатовъ палатъ (законъ 18 декабря 1889 г.) даетъ имъ необходимое число членовъ (двухъ) для разрѣшенія дѣлъ 1-й инстанціи, безъ отягощенія личнаго состава уголовнаго департамента работою,— лишь въ одной, а не въ двухъ и болѣе, одновременно ведущихся,—выѣздной сессіи. Возможность же указываемаго нами порядка назначенія послѣднихъ во всѣхъ судебныхъ округахъ не подлежитъ сомнѣнію и очевидна изъ слѣдующаго.

Сессіи палатъ назначаются въ мѣстѣ нахожденія каждаго, входящаго въ составъ округа, окружнаго суда, для разрѣшенія возникающихъ въ его районѣ, подсудныхъ палатѣ, дѣлъ. Число окружныхъ судовъ въ судебныхъ округахъ различно. Оно въ нѣкоторыхъ изъ нихъ (Кіевскомъ, Одесскомъ, Казанскомъ, Саратовскомъ и Виленскомъ) непревышаетъ 7-ми, а въ остальныхъ доходитъ до 11-ти—13-ти (Московскомъ—13-ть, Харьковскомъ—12-ть и Петербургскомъ — 11-ть). Такъ какъ города, въ которыхъ имѣются окружные суды, обыкновенно расположены группами, т. е. по два и по три въ одну сторону отъ палатскаго города, то въ интересахъ государственнаго казначейства, строго оберегаемыхъ государственнымъ контролемъ, судебныя палаты назначаютъ для городовъ одной и той же группы общую выѣздную сессію, начинающуюся въ одномъ и оканчивающуюся въ другомъ и даже въ третьемъ городѣ, каковые города объѣзжаетъ, при этомъ, одинъ и тотъ же личный составъ палаты, состоящій изъ ея предсѣдателя и двухъ членовъ и пополняющійся въ мѣстѣ засѣданій членомъ окружнаго суда. Вслѣдствіе сего, въ округахъ съ 7-ю окружными судами—палатѣ, для разрѣшенія всѣхъ накопившихся въ ней по округу, въ извѣстный промежутокъ времени, дѣлъ 1-й инстанціи, необходимо сдѣлать не болѣе трехъ выѣздныхъ сессій, а въ округахъ съ 11-ью—13-ью окружными судами—не болѣе шести. Число же подвѣдомственныхъ судебнымъ палатамъ, въ качествѣ суда 1-й инстанціи, дѣлъ настолько невелико, что въ каждомъ мѣстѣ нахожденія окружнаго суда—палатѣ не приходится назначать своихъ засѣданій болѣе двухъ разъ въ годъ. Поэтому всѣхъ выѣздовъ въ теченіе года палата должна сдѣлать: въ округахъ съ 7-ю окружными судами—не болѣе шести и въ округахъ съ 11-ью—13-ью судами—не болѣе двѣнадцати. Затѣмъ опытъ показалъ, что на каждую сессію, съ объѣздомъ 2-хъ—3-хъ городовъ, палаты тратятъ отъ 10-ти до 20-ти дней времени.

Изъ приведенныхъ цифровыхъ данныхъ видно, что, держась правила не назначать параллельныхъ сетсій, палаты съ мéньшимъ числомъ окружныхъ судовъ будутъ имѣть одну выѣздную сессію въ каждые два мѣсяца, а палаты съ бóльшимъ количествомъ судовъ будутъ имѣтъ ежемѣсячный выѣздъ въ сессію. Если въ

этихъ сессіяхъ будетъ участвовать только одна половина личнаго состава уголовныхъ департаментовъ палаты, вслѣдствіе раздѣленія между ними занятій по обвинительной камерѣ, дѣламъ 1-й инстанціи и апелляціоннымъ, то и въ такомъ случаѣ окажется возможнымъ не отягощать члена палаты выѣздами въ сессію болѣе одного раза въ теченіи четырехъ мѣсяцевъ. Указываемый нами порядокъ назначенія выѣздныхъ сессій не ведетъ за собою измѣненія въ числѣ выѣздовъ палаты въ сессіи вообще и въ числѣ сессій въ каждомъ городѣ. Онъ лишь устраняетъ параллельныя сессіи и вызываемый ими одновременный выѣздъ двойнаго и тройнаго личнаго состава, необходимаго для образованія судебнаго присутствія. Не увеличиваетъ этотъ порядокъ и промежутковъ между сессіями въ одномъ и томъ же городѣ,—напротивъ, онъ долженъ уравнять означенные промежутки, не допуская длить ихъ болѣе полугода, что́ дѣлается нынѣ, какъ удостовѣряетъ г. Мѣщаниновъ, указавшій на палату, которая съ сентября по апрѣль мѣсяцъ совсѣмъ не назначаетъ выѣздныхъ сессій. Такое же уравненіе промежутковъ между сессіями устранитъ замедленіе въ разрѣшеніи палатами дѣлъ, а по арестантскимъ дѣламъ облегчитъ участь содержащихся подъ стражею, сокративъ ожидаемое ими время суда. Наконецъ, устраненіе параллельныхъ сессій облегчитъ и упорядочитъ трудъ канцелярій судебныхъ палатъ. Нынѣ подготовка къ двумъ—тремъ параллельнымъ сессіямъ и переписка по слушавшимся въ нихъ дѣламъ черновыхъ протоколовъ и приговоровъ даетъ такую массу труда, тщательное выполненіе котораго является невозможнымъ. Между тѣмъ, самая незначительная ошибка въ адресѣ, по коему направлена повѣстка вызывающемуся въ засѣданіе палаты свидѣтелю, нерѣдко приводитъ къ необходимости отложить слушаніе дѣла уже въ самомъ засѣданіи, что́ еще болѣе замедляетъ разрѣшеніе дѣла и можетъ вызвать напрасный расходъ казны на покрытіе судебныхъ издержекъ. Словомъ, устраненіе параллельныхъ сессій палатъ является и вполнѣ возможнымъ и совершенно необходимымъ въ интересахъ всѣхъ отраслей возложеннаго закономъ на судебныя палаты—дѣла.

Но тогда что же побуждаетъ общія собранія департаментовъ палатъ назначать, для разрѣшенія дѣлъ 1-й инстанціи, параллельныя сессіи?

Отвѣтъ на изложенный вопросъ, равно какъ и отвѣты на другіе, поднимаемые настоящею главою нашего труда, вопросы, мы дадимъ безъ опасенія быть изобличенными въ пристрастномъ ихъ разрѣшеніи. Одна принадлежность пишущаго эти строки лица къ составу учрежденія, дѣятельность котораго, главнымъ образомъ, разсматривается въ сей части нашей работы, не можетъ изобличить въ такомъ пристрастіи. Другихъ же основаній къ обвиненію въ послѣднемъ не окажется, такъ какъ единственнымъ нашимъ побужденіемъ къ разсмотрѣнію современнаго положенія дѣла преданія суду является искреннее желаніе наше посильно содѣйствовать упорядоченію означеннаго дѣла. При этомъ, будучи совершенно чужды поверхностному воззрѣнію, что объясненіе непорядковъ въ въ какомъ либо дѣлѣ нужно искать въ характерѣ дѣятельности отдѣльныхъ, ведущихъ это дѣло, лицъ, и признавая, что при надлежащей организаціи послѣдняго означенные лица не могутъ продолжительное время, безнаказанно, проявлять свои отрицательныя качества и, такимъ путемъ, водворять въ вѣдомствѣ практику отступленія отъ законныхъ порядковъ,—мы находимъ совершенно излишнимъ и не станемъ говорить всего того, что, не безъ основанія, можетъ быть признано направленнымъ противъ той или другой личности, и ограничимся разсмотрѣніемъ самыхъ порядковъ, съ указаніемъ мѣръ, долженствующихъ измѣнить нежелательные изъ нихъ. При такомъ способѣ разсмотрѣнія обсуждаемаго предмета едва ли возможно будетъ предъявить къ намъ основательное обвиненіе въ пристрастіи.

Но возвратимся къ поставленному нами выше вопросу.

Неподлежащая сомнѣнію необходимость не назначать, въ интересахъ дѣла, параллельныхъ сессій палаты приводитъ къ заключенію, что если, не смотря на такую необходимость, параллельныя сессіи всетаки назначаются, то это можетъ лишь дѣлаться въ интересахъ личнаго состава палаты, участвующаго въ выѣздахъ на сессіи, ибо, какъ мы ниже увидимъ, выбираемое для такихъ сессій время большею частью необходимо населенію для земледѣльческихъ полевыхъ работъ, почему нѣтъ основанія къ выводу, что назначеніемъ параллельныхъ сессій соблюдаются выгоды населенія.

Мы не станемъ перечислять всего того, что служитъ причинами, по которымъ участвующему въ выѣздныхъ сессіяхъ личному составу палаты бываетъ, въ своихъ интересахъ, желательно назначать параллельныя сессіи, пріуроченныя къ извѣстному времени года. Между этими причинами есть дѣйствующія лишь въ одной какой либо мѣстности и, притомъ, легко устранимыя, и есть и случайныя. Мы же остановимся на той изъ нихъ, которая съ неослабною силою дѣйствуетъ во многихъ судебныхъ округахъ и находится въ зависимости отъ условій, устраненія коихъ возможно достигнуть лишь законодательнымъ путемъ. Съ этихъ условій мы и начнемъ.

Получаемое членомъ судебной палаты, по службѣ, содержаніе не соотвѣтствуетъ ни его служебному положенію и ни дороговизнѣ жизни въ тѣхъ большихъ городахъ, въ которыхъ находятся палаты. Членъ окружнаго суда и товарищъ прокурора его, получая по службѣ повышеніе, чрезъ назначеніе на должности товарища предсѣдателя и прокурора суда, достигаютъ нѣкотораго улучшенія въ своихъ матеріальныхъ средствахъ, ибо, вмѣсто прежде получаемыхъ окладовъ въ 2500 р. (товарищъ прокурора) и въ 2700 р. (старшій членъ суда), они на своихъ новыхъ, означенныхъ, должностяхъ обезпечиваются годовымъ содержаніемъ въ 3500 рублей. Прослуживъ же болѣе или менѣе значительное время на должностяхъ прокурора и товарища предсѣдателя суда, чины судебнаго вѣдомства съ этихъ должностей обыкновенно повышаются по службѣ назначеніемъ или на должность члена судебной палаты или на должность товарища прокурора ея, при чемъ послѣдней должности присвоенъ окладъ жалованья въ 4000 р., а первой—тотъ же окладъ въ 3500 р., который получаютъ прокуроры и товарищи предсѣдателя суда. Между тѣмъ, назначеніе въ члены палаты осуществляется въ такой возрастъ назначаемаго, въ который его семейное положеніе требуетъ увеличенія средствъ на воспитаніе подросшихъ дѣтей. Но, вмѣсто увеличенія средствъ, означенное назначеніе обыкновенно приноситъ съ собою уменьшеніе ихъ, такъ какъ сопряженный съ разсматриваемымъ служебнымъ повышеніемъ переѣздъ на жительство въ большой палатскій городъ, изъ незначительнаго с, равнительно, губернскаго или даже уѣзднаго города, встрѣчаетъ члена палаты, на мѣстѣ новаго его жительства, сравнительною дороговиз-

ною жизни. Имѣвъ въ мѣстѣ прежняго своего служенія— столъ, квартиру и прислугу почти вдвое дешевле, чѣмъ все это стоитъ въ палатскомъ городѣ, живущій на одно лишь жалованье членъ палаты (такихъ же громадное большинство) вынуждается лишать себя и свою семью того сравнительнаго довольства, которымъ онъ могъ и привыкъ пользоваться, служа прокуроромъ и товарищемъ предсѣдателя суда. Но и это ограниченіе себя въ расходахъ не приводитъ члена палаты къ возможности исполнить, какъ слѣдуетъ, свой долгъ по отношенію къ воспитанію дѣтей, а даетъ лишь средства прокормить свою семью до конца службы или жизни, при чемъ наградой за такое ограниченіе себя во всемъ служитъ неотступная мысль о томъ, что наступившій конецъ подобной нерадостной жизни броситъ неподготовленныхъ воспитаніемъ юношей-сыновей и дѣвушекъ-дочерей въ водоворотъ моря житейскаго, терзаясь въ которомъ эти дѣти, быть можетъ, не одинъ разъ, проклиная свою жизнь, не добромъ помянутъ давшаго имъ таковую—своего отца,

Если намъ скажутъ, что описанное выше служебное положеніе есть достояніе всего русскаго чиновничества, а не однихъ членовъ судебныхъ палатъ, то на это мы, съ своей стороны, возразимъ, что признаніе существованія такого ненормальнаго явленія должно вести за собою принятіе радикальныхъ мѣръ къ его устраненію, что̀ необходимо не только для торжества справедливости, но, одинаково, и для пользы государственной. Ибо можетъ ли необезпеченный надлежащимъ вознагражденіемъ за свою службу, въ удовлетвореніи своихъ необходимѣйшихъ потребностей, чиновникъ беззавѣтно отдаться этой службѣ и заботиться объ ея интересахъ, какъ о своихъ собственныхъ? А если иной и сможетъ имѣть о служебномъ дѣлѣ такую заботу при своей личной тяжелой матеріальной обстановкѣ, то надолго ли хватитъ ему своихъ силъ и здоровья для подобной службы и не будетъ ли печальный конецъ его усилій предостереженіемъ для другихъ? Между тѣмъ, составляющее отличительную черту нашего чиновничества—равнодушіе его къ служебнымъ интересамъ есть первѣйшее зло, тормазящее всякое благое начинаніе и мѣшающее осуществившимся уже мѣропріятіямъ проявить въ жизни свою благотворность въ должной мѣрѣ. Распространено мнѣніе, что государственному казначейству не

по силамъ расходъ на такое содержаніе чинамъ всѣхъ вѣдомствъ, которое въ достаточной степени вознаграждало бы ихъ за трудъ и обезпечивало бы имъ удовлетвореніе нуждъ своихъ. Однако такое мнѣніе не безусловно вѣрное. Здоровый государственный организмъ несомнѣнно имѣетъ необходимыя средства для расхода на то, что должно поддерживать его здоровье. Но несомнѣнно также и то, что осуществленіе, въ указанномъ направленіи, радикальныхъ мѣръ можетъ быть лишь постепенное, обусловливаемое какъ увеличеніемъ государственныхъ доходовъ, такъ и сокращеніемъ расходовъ—тамъ, гдѣ это представляется возможнымъ. При этомъ первыми въ каждомъ вѣдомствѣ учрежденіями, чинамъ которыхъ надлежитъ прежде повысить оклады жалованья, должны быть, конечно, избраны тѣ, дѣятельность коихъ имѣетъ самое существенное для государства и общества значеніе, дабы на ввѣренномъ этимъ учрежденіямъ дѣлѣ, какъ наиважнѣйшемъ, прежде всего отразилась благотворность означенной мѣры. Къ такимъ учрежденіямъ въ судебномъ вѣдомствѣ должны быть причислены палаты, которыми не только ведется судебное дѣло, но и направляется таковое во всемъ подвѣдомственномъ имъ округѣ.

Отмѣченная нами недостаточность получаемаго членомъ судебной палаты жалованья служитъ благопріятной почвой для многихъ нежелательныхъ явленій, въ числѣ коихъ наблюдается и назначеніе параллельныхъ выѣздныхъ сессій палаты. Въ разъясненіе связи между этимъ послѣднимъ явленіемъ и матеріальною необезпеченностью членовъ палатъ намъ придется сказать немногое.

Извѣстно, что, по существующему закону о довольствіи деньгами на путевые расходы совершающихъ поѣздки по дѣламъ службы чиновъ судебнаго вѣдомства, члены судебныхъ палатъ, по классу своей должности, получаютъ отъ 15-ти до 24-хъ коп. на версту предстоящаго имъ пути (прогонныхъ денегъ) и по 1 р. 80 к. въ сутки (на квартиру и столъ). При этомъ по 15-ти коп. на версту получается при проѣздѣ по желѣзнымъ дорогамъ, а по 18-ти или 24-ре коп.—при совершеніи поѣздки всякимъ другимъ способомъ, т. е. и на лошадяхъ и на пароходѣ. Если почтовый трактъ, по которому дѣлается расчетъ, взимаетъ на версту, за каждую лошадь, по 3 коп., то въ основаніе расчета берется 18 коп. на версту всего пути (за 6 лошадей, которыя полагаются для судебныхъ чи-

новъ 5 класса); если же почтовый трактъ взимаетъ по 4 коп. на версту за лошадь, то въ основаніе расчета берется 24 коп. на версту пути. Такой размѣръ путевыхъ денегъ, при весьма значительныхъ протяженіяхъ судебныхъ округовъ, даетъ въ итогѣ на каждую поѣздку въ сессію довольно значительную денежную сумму, доходящую въ нѣкоторыхъ округахъ до 500 руб. При совершеніи же членомъ палаты двухъ подобныхъ поѣздокъ въ годъ, полученныя имъ на нихъ путевыя деньги достигаютъ уже суммы отъ 800 до 1000 рублей. Понятно, что одолѣваемый матеріальными нуждами семейный членъ палаты стремится участвовать въ выѣздныхъ сессіяхъ, а попавъ на нихъ,—старается какъ можно менѣе издержать на поѣздку денегъ изъ полученной путевой денежной суммы обративъ остатокъ на удовлетвореніе своихъ личныхъ потребностей. А такъ какъ самымъ дешевымъ и наиболѣе удобнымъ путемъ сообщенія являются, почти повсемѣстно въ Россіи развитые, водный путь и пароходное сообщеніе, то каждый, участвующій въ выѣздныхъ сессіяхъ, членъ палаты желаетъ совершить свою поѣздку въ сессію на параходѣ. Между тѣмъ, пароходное сообщеніе правильно совершается только въ теченіи полугода времени, съ первыхъ чиселъ апрѣля по первыя числа октября, при чемъ въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ выѣздныхъ сессій палата дѣлать не можетъ, такъ какъ въ это время половина личнаго состава ея пользуется, поперемѣнно, вакатомъ. Такимъ образомъ, члены палаты могутъ пользоваться, для своихъ поѣздокъ въ сессіи, параходнымъ сообщеніемъ лишь въ апрѣлѣ, маѣ и сентябрѣ мѣсяцахъ, въ которые и назначаются параллельныя сессіи, дающія возможность всему, выѣзжающему въ нихъ, личному составу палаты извлечь наибольшую матеріальную выгоду отъ своихъ поѣздокъ. Не съ этою ли цѣлью и упоминаемая г. Мѣщаниновымъ, имъ неназванная, палата всѣ свои поѣздки въ сессіи дѣлала именно въ эти мѣсяца года, совершенно прерывая свои выѣзды почти на 8-мъ мѣсяцевъ въ году?

Какой получается вредъ для дѣла преданія суду отъ такого порядка назначенія выѣздныхъ сессій, мы уже говорили. Тяжело отзывается этотъ порядокъ и на земледѣльческомъ населеніи судебнаго округа, отрывая отъ работы вызываемыхъ въ засѣданія палаты поселянъ въ горячее время весеннихъ и осеннихъ пахатьбы и посѣвовъ.

И такъ, для правильнаго хода дѣла преданія суду недостаточно болѣе или менѣе равномѣрнаго вступленія, въ теченіи всего года, въ обвинительную камеру подлежащихъ ея разсмотрѣнію дѣлъ. Для этого не менѣе необходимо, чтобы соотвѣтствующій количеству работы составъ участвующихъ въ засѣданіяхъ названной камеры членовъ палаты не ослаблялся поѣздками нѣкоторыхъ изъ нихъ въ сессіи, что̀ ведетъ къ обремененію остающихся работою и пониженію степени удовлетворительности ея. Достигнуть же сего, какъ мы видѣли, возможно не иначе, какъ устраненіемъ параллельныхъ сессій, назначаемыхъ нынѣ для разрѣшенія палатою дѣлъ 1-й инстанціи.

Затѣмъ, въ видахъ правильной постановки дѣла преданія суду, надлежитъ, по нашему мнѣнію, выдѣлить изъ существующихъ штатовъ уголовныхъ департаментовъ палатъ необходимый для исключительнаго завѣдыванія симъ дѣломъ личный составъ въ особый департаментъ, чѣмъ достигнется спеціализація означеннаго дѣла, требуемая его особенною важностью. Такъ какъ количество падающей на личный составъ нынѣшнихъ штатовъ палатъ—работы, при правильномъ распредѣленіи ея, не превышаетъ силъ этого состава, то желаемое нами выдѣленіе изъ судебныхъ палатъ особыхъ департаментовъ, для завѣдыванія однимъ дѣломъ преданія суду, не должно вызвать новаго расхода государственнаго казначейства на усиленіе штатовъ палатъ, за исключеніемъ добавленія къ нимъ должности предсѣдателя уголовнаго департамента въ тѣхъ палатахъ, въ которыхъ нынѣ эта должность всего одна.

Въ доказательство основательности нашего мнѣнія о необходимости образовать обвинительную камеру въ видѣ особаго департамента судебной палаты мы выскажемъ слѣдующее.

Примѣненіе къ дѣянію обвиняемаго подлежащаго уголовнаго закона составляетъ, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, задачу, разрѣшеніе коей не легко, подчасъ, дается и при помощи знакомства съ практикою по этому предмету уголовнаго кассаціоннаго департамента сената. Для сего требуется, чтобы примѣняющій законъ судья, на почвѣ основательнаго знанія уголовнаго закона и помянутой практики сената, выработалъ свой собственный взглядъ на природу каждаго преступленія. Затѣмъ неменѣе необходимо, чтобы входящіе въ составъ разсматривающей дѣло коллегіи—судьи, на

почвѣ полной самостоятельности въ своихъ сужденіяхъ, выработали изъ такихъ своихъ личныхъ взглядовъ—общій, которымъ руководится судебная коллегія при рѣшеніи дѣла и который всегда долженъ держаться на большинствѣ голосовъ членовъ ея. Только такія условія примѣненія коллегіею уголовнаго закона могутъ устранить нежелательное явленіе неправильнаго и неодинаковаго его примѣненія къ тождественнымъ преступнымъ дѣяніямъ. И если отмѣченными нами условіями должна быть обставлена дѣятельность судебной коллегіи, разрѣшающей дѣло по существу, то тѣмъ болѣе нуждается въ нихъ обвинительная камера, мнѣніе которой въ указанномъ выше отношеніи имѣетъ нѣкоторую обязательную силу для разрѣшающаго по существу дѣло суда, такъ какъ послѣдній не имѣетъ по закону права отъ указаннаго палатою обвиненія перейти къ высшему. Кромѣ того, примѣненіе обвинительною камерою къ данному преступному дѣянію того или другого уголовнаго закона можетъ имѣть руководящее значеніе для суда и вслѣдствіе его добровольнаго подчиненія выразившемуся въ этомъ примѣненіи ея взгляду на относящійся къ разсматриваемому случаю уголовный законъ. Возможно ли мириться съ такою дѣятельностью предающаго суду учрежденія, которою устанавливается въ судебномъ округѣ практика неправильнаго примѣненія уголовнаго закона вообще и неодинаковаго его примѣненія къ тождественнымъ преступленіямъ—въ частности? А, между тѣмъ, такая практика есть естественное послѣдствіе порядка возложенія на каждаго члена уголовнаго департамента палаты всѣхъ видовъ его дѣятельности, т. е. занятій и дѣлами обвинительной камеры, и дѣлами 1-й инстанціи, и дѣлами апелляціонными, такъ какъ этотъ порядокъ приводитъ къ тому, что сегодня присутствіе обвинительной камеры состоитъ изъ однихъ членовъ палаты, а завтра, за отъѣздомъ нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ въ сессію или вслѣдствіе отвлеченія ихъ иными служебными занятіями, въ составъ помянутаго присутствія войдутъ другіе члены. Отъ этого постоянно происходитъ, что большинство членовъ палаты, составляющихъ присутствіе обвинительной камеры въ одномъ засѣданіи, отвергаетъ такое примѣненіе къ извѣстному преступному дѣянію уголовнаго закона, которое только что передъ тѣмъ практиковалось большинствомъ наличнаго состава названной коллегіи въ другомъ ея засѣданіи. Излишне доказывать происхо-

дящій для цѣлей правосудія вредъ отъ подобнаго ненормальнаго явленія и необходимость его устраненія, чего вполнѣ возможно достигнуть чрезъ образованіе особаго департамента палаты исключительно для дѣлъ обвинительной камеры, а также посредствомъ предписанія закона объ участіи въ каждомъ ея засѣданіи всего наличнаго состава членовъ означеннаго департамента—независимо отъ того, имѣетъ ли членъ послѣдняго въ данномъ засѣданіи свой докладъ дѣлъ, или же онъ такового почему либо не имѣетъ.

Находимъ необходимымъ оговориться, что, признавая полезнымъ, для дѣла преданія суду, и возможнымъ образованіе, на предметъ завѣдыванія этимъ дѣломъ, особаго департамента судебной палаты, мы обусловливаемъ такое свое признаніе необходимымъ увеличеніемъ окладовъ получаемаго членами палатъ содержанія и уменьшеніемъ нынѣ отпускаемыхъ имъ на служебныя поѣздки прогонныхъ денегъ—до размѣра, соотвѣтствующаго дѣйствительнымъ путевымъ издержкамъ при означенныхъ поѣздкахъ. Безъ проведенія послѣднихъ двухъ мѣръ, осуществленіе первой должно повести за собою съ одной стороны—ухудшеніе матеріальнаго быта тѣхъ членовъ палаты, которые перейдутъ въ предающій суду департаментъ, чрезъ лишеніе ихъ пользованія остающимися отъ поѣздокъ въ сессіи прогонными деньгами, а съ другой стороны—несоразмѣрное увеличеніе матеріальныхъ средствъ членовъ будущаго дѣлать поѣздки въ сессіи департамента, на каждато изъ коихъ тогда придется вдвое больше поѣздокъ и вдвое больше прогонныхъ денегъ, чѣмъ нынѣ,—каковое увеличеніе должно повысить получаемый членомъ палаты годовой окладъ содержанія, для членовъ послѣдняго департамента, до 4500 рублей. Послѣдствіемъ этихъ явленій будетъ стремленіе нуждающихся въ средствахъ членовъ палаты попасть въ департаментъ, дѣлающій выѣзды въ сессіи; вслѣдствіе же того, что такихъ нуждающихся огромное большинство, завѣдывающее распредѣленіемъ членовъ по департаментамъ палаты—общее собраніе ихъ лишено будетъ возможности удовлетворить всѣхъ желающихъ участвовать въ выѣздныхъ сессіяхъ. Это несомнѣнно вызоветъ наблюдаемое порою и теперь, при распредѣленіи между членами уголовныхъ департаментовъ—участія въ выѣздныхъ сессіяхъ, нарушеніе товарищескихъ отношеній между уѣзжающими и остающимися. Кромѣ того, въ департаментъ, который будетъ завѣ-

дывать дѣлами 1-й инстанціи и дѣлать выѣзды въ сессіи, какъ дающій своему личному составу болѣе средствъ къ существованію, попадутъ, безъ сомнѣнія, имѣющіе на то болѣе права старшіе по службѣ, а потому самые опытные члены; предающій же суду департаментъ всегда будетъ наполненъ самыми молодыми и менѣе опытными членами судебной палаты, что̀, кончено, не въ интересахъ дѣла преданія суду, требующаго отъ завѣдующаго имъ личнаго состава обвинительной камеры наибольшей опытности.—Словомъ, указываемыя нами три, помянутыя, мѣры дополняютъ одна другую и, потому, лишь совокупность ихъ можетъ привести къ зависящему отъ нихъ упорядоченію помянутаго дѣла.

Что же касается уменьшенія размѣра отпускаемыхъ членамъ судебныхъ палатъ, на поѣздки въ сессіи, прогонныхъ денегъ, то эта мѣра должна составить, по нашему мнѣнію, одну лишь часть того общаго мѣропріятія по всему судебному вѣдомству, которымъ надлежитъ, безъ замедленія, въ немъ покончить съ издавна существующимъ во всѣхъ вѣдомствахъ способомъ увеличивать оклады получаемаго чиновникомъ, по должности, содержанія командировочными прогонными деньгами. Способъ сей можетъ въ указанномъ отношеніи осчастливить немногихъ и, притомъ, далеко̀ не самыхъ нуждающихся,—сто̀итъ же онъ, въ общемъ, государственному казначейству такъ дорого, что едва ли много пришлось бы прибавить къ излишне, противъ дѣйствительной стоимости служебныхъ поѣздокъ, расходуемымъ на этотъ предметъ, по всѣмъ вѣдомствамъ, денежнымъ суммамъ, —для того, чтобы въ необходимомъ размѣрѣ увеличить оклады жалованья чиновникамъ всѣхъ вѣдомствъ. Но какъ бы такая прибавка ни была велика, сумма сбереженій казны отъ путеваго довольствія чиновниковъ въ размѣрѣ дѣйствительно производимыхъ ими при служебныхъ поѣздкахъ—издержекъ настолько будетъ значительна, что ее слѣдуетъ принимать во вниманіе при разрѣшеніи вопроса о возможности дать чинамъ всѣхъ вѣдомствъ соотвѣтствующіе современнымъ условіямъ жизни оклады содержанія. Можно, не безъ основанія, надѣяться, что осуществленіе мѣры указываемаго нами уменьшенія путеваго довольствія чиновникамъ лишитъ служебныя командировки, въ глазахъ жаждущихъ ихъ нынѣ лицъ, привлекательности, что̀ можетъ оказать нѣкоторое содѣйствіе къ сокращенію численности самихъ командировокъ, а стало

быть и расходовъ на нихъ казны. И намъ думается, что на такой славный путь служенія интересамъ государства судебное вѣдомство само пожелаетъ вступить первымъ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію втораго, въ указанномъ выше порядкѣ, условія, въ зависимости отъ котораго точно также находится качественная сторона современной дѣятельности обвинительной камеры. Этимъ вторымъ условіемъ является характеръ дѣятельности личнаго состава судебныхъ палатъ по исполненію лежащихъ на немъ обязанностей службы.

Творцы судебныхъ уставовъ полагали, что „если судьямъ обезпечена дѣйствительная самостоятельность и несмѣняемость", если имъ назначено обезпечивающее средства къ жизни содержаніе и если, сверхъ того, установленная 247-й ст. учрежд. суд. уст. эмеритальная касса обезпечитъ участь заслуженныхъ судебныхъ чиновъ и ихъ семейства, то „трудно допустить, чтобы кто либо изъ *положительныхъ* людей могъ пренебречь столь существенными средствами для добросовѣстной дѣятельности на пользу общества." [1])

Извѣстно, что это мнѣніе дѣятелей судебной реформы выразилось въ стремленіи ихъ обставить новый судъ означенными благопріятными условіями дѣятельности судей, результатомъ чего явился рядъ направленныхъ къ сему постановленій закона.

Но такъ какъ и въ реформированное судебное вѣдомство могутъ пробираться люди, надѣленные иною *положительностью*, въ основаніи которой лежитъ стремленіе служить прежде всего своимъ личнымъ интересамъ,—общественнымъ же лишь постольку, поскольку они не нарушаютъ личныхъ, то творцы судебныхъ уставовъ должны были принять мѣры къ огражденію дѣла правосудія отъ вреда, причиняемаго ему службою подобныхъ дѣятелей. Такими мѣрами явились надзоръ за судебными установленіями и отвѣтственность должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства, постановленія закона о каковыхъ мѣрахъ составляетъ содержаніе VIII-го раздѣла учрежденія суд. устан.

---

[1]) Об. зап. 1863 г., ст. 166—170; см. объясненіе на 248 ст. учр. суд. уст., изд. госуд. канц.

Но если, не смотря на то, что забота законодателя создать надлежащія почву и обстановку для отправленія правосудія коснулась всего, что только можетъ благотворно вліять на характеръ дѣятельности судьи, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и суда,—„дѣйствительное правосудіе“ и до сихъ поръ не царитъ въ Россіи, какъ это признано верховною властью, то причиною сего можетъ быть лишь одно несоотвѣтствіе принятыхъ законодателемъ, въ только что отмѣченной нами области, мѣръ—тѣмъ цѣлямъ, къ достиженію коихъ послѣднія были направлены.

Попытаемся же, путемъ разсмотрѣнія этихъ мѣропріятій, выяснить, въ чемъ именно заключается такое ихъ несоотвѣтствіе.

Выше мы уже имѣли случай высказать, что коллегіальный способъ разрѣшенія судьями дѣлъ наиболѣе обезпечиваетъ правильность ихъ рѣшенія. Впервые офиціально признана эта истина въ Россіи изданнымъ 4 апрѣля 1714 года, Петромъ I-мъ, указомъ, которымъ установлено коллегіальное разсмотрѣніе дѣлъ судныхъ и рѣшеніе ихъ по большинству голосовъ. Въ данномъ послѣ того, 22 декабря 1718 года, другомъ указѣ Петръ объяснилъ что̀ именно побудило его установить такой способъ разсмотрѣнія судныхъ дѣлъ—слѣдующими словами: „...милосердуя Его Величество о народѣ, и о земскомъ справедливомъ правленіи не изволилъ пренебречь, но трудится и сіе въ такой же добрый порядокъ привесть, какъ и воинское дѣло, чего ради учинены коллегіи, то есть собраніе многихъ персонъ (вмѣсто приказовъ), въ которыхъ президенты или предсѣдатели не такую мочь имѣютъ, какъ старые судьи: дѣлали, что хотѣли. Въ коллегіяхъ же президентъ не можетъ, безъ соизволенія товарищевъ своихъ, ничего учинить. Также и прочія обязательства великія суть, что отъимаютъ старыя поползновенія дѣлать, какъ о томъ вскорѣ регламенты (или уставы) будутъ публикованы, и всѣхъ коллегій должности, для вѣдѣнія сего полезнаго дѣла народу“. И дѣйствительно, во исполненіе этого своего обѣщанія, Петръ въ 1720 году обнародовалъ генеральный регламентъ или уставъ объ устройствѣ коллегій. [1]) Такими мѣропріятіями по судной части императоръ Петръ, запретившій, между

---

[1]) Полн. собр. зак. №№ 2791, 3261 и 3534.

прочимъ, воеводамъ вмѣшиваться въ дѣла судебныя, пытался раздѣлить судебную власть отъ административной, оградить населеніе отъ вреда произвольно постанавливаемыхъ судьями рѣшеній коллегіальнымъ разрѣшеніемъ ими дѣлъ по большинству голосовъ и, вмѣсто бывшаго до того обращенія недовольныхъ рѣшеніями суда лицъ съ жалобами къ самому Государю, направить жалобщиковъ по инстанціямъ, т. е. въ высшую судебную коллегію съ жалобою на рѣшеніе низшей.

Надлежащее проведеніе подобной реформы въ жизнь требовало не только обширныхъ подготовительныхъ статистическихъ и иныхъ работъ, но и достаточнаго количества во всѣхъ отношеніяхъ подготовленныхъ судебныхъ дѣятелей, а также огромныхъ матеріальныхъ средствъ. А такъ какъ всѣ эти, необходимыя для осуществленія означенной судебной реформы, благопріятныя условія могли явится не иначе, какъ послѣдствіемъ направленной къ достиженію сего вѣковой работы цѣлаго ряда поколѣній, то уже самъ Петръ I-й вынужденъ былъ отступать отъ принятыхъ имъ началъ строгаго раздѣленія судебной власти отъ административной и отъ коллегіальнаго, во всѣхъ случаяхъ, разбирательства судебныхъ дѣлъ. Послѣ же Петра созданное имъ въ указанной области было совершенно разрушено, ибо право суда въ это время вновь ввѣряется, во всемъ государствѣ, воеводамъ и губернаторамъ. И хотя обнародованное въ 1775 г. учрежденіе для управленія губерній снова признало, что главною мѣрою улучшенія судебной части является „отдѣленіе судебныхъ мѣстъ отъ губернскихъ правленій“, а довершенное указомъ 9-го сентября 1801 г. и вошедшее въ сводъ 1857 г.— это, начатое Екатериною II-ою, преобразованіе выразилось въ учрежденіи трехъ судебныхъ инстанцій (уѣздный судъ, палата гражданскаго и уголовнаго суда и правительствующій сенатъ), но раздѣленіе судебной власти отъ административной, при сосредоточеніи всѣхъ въ губерніи родовъ власти въ одномъ лицѣ главнаго мѣстнаго начальника, было чисто фиктивное, а коллегіальность названныхъ учрежденій, являясь формой безъ соотвѣтствующаго содержанія, была таковою, которая не могла обезпечить за судебными рѣшеніями правосудности. Завися, главнымъ образомъ, отъ предсѣдателя и секретаря судебной коллегіи, чему не мало способствовала неподготовительность къ службѣ назначавшихся въ то время

по выборамъ судей, судебныя рѣшенія не выражали собою правильно выработаннаго мнѣнія по дѣлу большинства самостоятельно дѣйствующихъ членовъ коллегіи. И хотя съ 1831 г. (Высочайшій манифестъ 6-го декабря 1831 г.) предсѣдателей палатъ тоже стали назначать по выборамъ, но на послѣднюю должность выбирали по преимуществу лицъ, служившихъ уже ранѣе и, потому, болѣе или менѣе опытныхъ.—Все это привело судебное дѣло къ тому совершенному упадку, въ которомъ застала его судебная реформа 1864 года.

Такимъ образомъ, по истеченіи полуторыхъ столѣтій со времени учиненной Петромъ I-мъ попытки дать народу правый судъ—передъ творцами судебныхъ уставовъ стояла таже неразрѣшенная задача организовать судъ, въ которомъ „президенты или предсѣдатели не такую мочь имѣли бы, какъ старые судьи: дѣлали, что хотѣли“ и чтобы въ судебныхъ коллегіяхъ „президентъ не могъ, безъ соизволенія товарищевъ своихъ, ничего учинить“, а „также и прочія обязательства великія суть, что отъимаютъ старыя поползновенія дѣлать“...

И вотъ, побуждаемые вѣками назрѣвшею необходимостью оградить населеніе отъ вреда произвольно постановляемыхъ судебныхъ рѣшеній, а не фантазіею разыгравшагося либерализма, какъ полагаютъ нѣкоторые,—дѣятели судебной реформы 60-хъ годовъ должны были, подобно Петру I-му, признать и признали, что достигнуть сего возможно лишь путемъ полной самостоятельности суда и независимости судей, упражняемой на почвѣ коллегіальнаго разрѣшенія ими дѣлъ и отвѣтственности за ненадлежащее исполненіе своихъ судейскихъ обязанностей.

Признавъ же, что безъ самостоятельности суда и независимости судьи „не можетъ быть суда въ настоящемъ значеніи этого слова“, творцы судебныхъ уставовъ логическимъ уже путемъ пришли къ выводу, что для того, „чтобы судъ могъ быть самостоятельнымъ, а судья независимымъ, необходимо поставить ихъ внѣ всякаго вліянія какой либо личной подчиненности, такъ, чтобы надъ ними не было другаго начальства, кромѣ судебной власти“, и что „посему надзоръ за судебными мѣстами и составляющими оныя судьями, съ правомъ исправлять замѣченныя упущенія и привлекать виновныхъ къ отвѣтственности, принадлежитъ исключительно

суду, въ порядкѣ подчиненности; надзоръ же за ними со стороны предсѣдателей или первоприсутствующихъ, прокуроровъ и министра юстиціи долженъ ограничиваться заявленіемъ объ извѣстныхъ имъ нарушеніяхъ закона и установленныхъ правилъ надлежащему суду, для дальнѣйшихъ съ его стороны распоряженій". [1]) Такими же логическими выводами изъ основнаго положенія о самостоятельности суда и независимости судей явились два слѣдующіе: несмѣняемость судьи, безъ суда надъ нимъ, и удостоеніе его наградами единственно по личному усмотрѣнію Императорскаго Величества.

Всѣ эти положенія и выводы нашли себѣ соотвѣтствующее выраженіе въ 249, 243 и 248 ст. учрежд. суд. устан., существованіе, въ будущемъ, каковыхъ статей закона составлятъ такое же необходимое условіе для надлежащаго отправленія правосудія, какимъ оно должно быть, по мысли законодателя, и въ настоящее время. Въ этомъ не позволяютъ сомнѣваться объясняющіе причины постановленія означенныхъ законоположеній—мотивы, руководившіе законодателемъ и вполнѣ убѣждающіе въ необходимости существованія и дѣйствія сихъ законовъ во всякое время, при всякомъ режимѣ, ибо помянутыя, ихъ вызвавшія, причины коренятся въ несовершенствѣ природы человѣка и, потому, свойственны каждой общественности. Стремясь къ упорядоченію судебнаго дѣла и обладая здравымъ смысломъ и знаніемъ жизни, возможно ли, напримѣръ, отрицать необходимость, для настоящаго и будущаго времени, въ самостоятельномъ судѣ и независимыхъ судьяхъ, „поставленныхъ внѣ всякаго вліянія какой либо личной подчиненности" другому начальству, кромѣ судебной власти, каковая необходимость привела къ постановленію 243, 248 и 249 ст. учр. суд. устан., направленныхъ къ утвержденію этихъ самостоятельности и независимости? Развѣ возможно, при тѣхъ же условіяхъ, т. е. стремленіи къ водворенію въ странѣ правосудія и обладаніи пониманіемъ жизненныхъ явленій, оспаривать такія очевидныя, ставшія аксіомами, истины, какія заключаются въ указанныхъ выше словахъ законодателя о томъ, что „безъ самостоятельности суда и независимости

---

[1]) Об. зап. 1863 г., стр. 172—174; см. объясненіе на 249-й ст. у. с. у., изд. Госуд. канц.

судьи собственно не можетъ быть суда въ настоящемъ значеніи этого слова“ и что для того, „чтобы судъ могъ быть самостоятельнымъ, а судья независимымъ, необходимо поставить ихъ внѣ всякаго вліянія какой либо личной подчиненности, такъ, чтобы надъ ними не было другаго начальства, кромѣ судебной власти...“? Или обратимся къ словамъ того же законодателя, объясняющимъ изложенное въ статьѣ 248-й постановленіе закона о томъ, что судьи удостоиваются наградъ единственно по личному усмотрѣнію Императорскаго Величества. Указавъ, что для правильной организаціи суда необходимо, чтобы независимость судьи обезпечивалась совершеннымъ равенствомъ членовъ каждаго суда между собою, и что различіе въ чинахъ, являющееся слѣдствіемъ постепеннаго производства, поставитъ судей въ неправильныя другъ къ другу отношенія и не допуститъ установиться ихъ равенству, помянутое объясненіе на 248-ю ст. заключаетъ въ себѣ, далѣе, слѣдующее: „съ другой стороны, при производствѣ въ чины нужны аттестаціи и представленія. Здѣсь встрѣчается довольно трудная задача: избрать лицо, которое будетъ аттестовать и представлять по судебному вѣдомству. Кому бы это ни было предоставлено, нѣтъ никакой возможности устранить вліяніе аттестующаго и представляющаго на представляемаго и нѣкоторую зависимость сего послѣдняго отъ перваго. Много ли можетъ найтись людей, которые бы не пожелали сравняться чиномъ съ равными имъ по званію товарищами, а это, врожденное человѣку желаніе, не обойдется безъ угодливости и разнаго рода искательствъ по судебному вѣдомству. Первая и посему самая важная аттестація можетъ исходить только отъ предсѣдателей судебныхъ мѣстъ и состоящихъ при нихъ прокуроровъ, и на заключенія ихъ по этому предмету могутъ имѣть вліяніе и личное ихъ отношеніе къ аттестуемымъ и разные близкіе и знакомые тѣхъ и другихъ. По симъ основаніямъ, положено, допустивъ, по примѣру другихъ вѣдомствъ, опредѣленіе на судебныя должности, не стѣсняясь чинами опредѣляемыхъ, считать всѣхъ, состоящихъ въ одномъ и томъ же классѣ должности, совершенно равными между собою, и затѣмъ не создавать искусственнаго ме-

жду ними неравенства посредствомъ поддержанія различія въ чинахъ". [1])

Едва ли подыщется могущее выдержать основательную критическую оцѣнку—возраженіе на эти, дышащія правдой и знаніемъ жизни, слова объясненія на 248-ю ст. учрежд. суд. устан.

Но какъ ни существенны и необходимы для дѣла правосудія заключающіяся въ самостоятельности суда и независимости судьи—условія, однихъ ихъ все же недостаточно для надлежащей постановки этого дѣла въ странѣ. Чтобы судъ своею самостоятельностью и судья своею независимостью не могли злоупотреблять, а пользовались бы ими исключительно въ интересахъ правосудія, одинаково необходимы и другія два условія: отвѣчающая своему назначенію организація надзора за судебными установленіями и должностными лицами судебнаго вѣдомства и соотвѣтствующая требованіямъ необходимости отвѣтственность сихъ должностныхъ лицъ за уклоненіе ихъ, въ своей дѣятельности, отъ постановленной для нея законодателемъ цѣли. Важное значеніе послѣднихъ двухъ условій правильной постановки судебнаго дѣла признавали и творцы судебныхъ уставовъ, какъ это видно изъ слѣдующихъ словъ объясненія на 213-ю ст. учр. суд. устан.: „Надо ожидать, что съ возвышеніемъ суда вообще, съ образованіемъ обвинительной власти, *при правильномъ надзорѣ по судебному вѣдомству и строгой судебной дисциплинѣ,* не только не будетъ терпимъ судъ съ вреднымъ для общества направленіемъ, *но каждое неблаговидное его дѣйствіе подвергнется строгому преслѣдованію...*" [2])

Посмотримъ же, насколько идея „правильнаго надзора по судебному вѣдомству и строгой судебной дисциплины" воплотилась въ судебныхъ уставахъ и дѣйствительно ли установленные ими и существующіе нынѣ надзоръ и дисциплина—таковы, что „каждое неблаговидное дѣйствіе" суда вообще и судьи—въ частности не можетъ избѣжать „строгаго преслѣдованія".

---

[1]) Об. зап. 1863 г., стр. 166—170; см. объясненіе на 248 ст. у. с. у., изд. Госуд. канц.

[2]) Суд. уставы, ч. III-я, учрежденіе суд. устан., стр. 147; изд. Госуд. Канц 1867 г.

Разсмотрѣніе 249-й—260-й ст. учр. суд. уст. и дополняющаго ихъ закона 20 мая 1885 года, коими исчерпываются законоположенія о надзорѣ по судебному вѣдомству, обнаруживаетъ, что законодатель, оставаясь вѣренъ положенному въ основаніе новаго суда принципу его самостоятельности и судейской независимости, подраздѣляетъ надзоръ за судомъ и судьею на два вида, изъ коихъ одинъ, принадлежащій высшимъ, въ порядкѣ подчиненности, судебнымъ мѣстамъ за низшими (249 и 250 ст.), заключается не только въ правѣ и обязанности обнаруживать допущенныя послѣдними неправильныя дѣйствія, безпорядки и злоупотребленія и ставить вопросъ объ отвѣтственности за нихъ, но и разрѣшать этотъ вопросъ утвердительно или отрицательно, т. е. въ смыслѣ возбужденія противъ виновныхъ въ сихъ упущеніяхъ отвѣтственности, или отрицанія ея; другой же видъ надзора, принадлежащій предсѣдателямъ, первоприсутствующимъ и чинамъ прокуратуры (250—251 и 253 ст.), состоитъ лишь въ правѣ и обязанности сихъ должностныхъ лицъ заявлять надлежащему суду объ обнаруженныхъ ими нарушеніяхъ закона и установленныхъ правилъ—со стороны суда и судей. Отъ этого общаго правила сдѣланы два отступленія въ пользу власти министра юстиціи, какъ начальника судебной администраціи и главы судебнаго вѣдомства: одно, указанное въ 258 ст., заключается въ возложеніи на послѣдняго обязанности возбуждать дисциплинарное производство противъ допустившаго накопленіе дѣлъ или медленность въ ихъ движеніи неисправнаго судебнаго установленія, а другое отступленіе, постановленіе о коемъ находится въ 255 ст., состоитъ въ обязанности министра юстиціи предлагать предсѣдателю такого судебнаго мѣста принять мѣры къ отвращенію означенныхъ безпорядковъ и представить объясненія о причинахъ ихъ,—а равно дѣлать напоминанія лицамъ, учинившимъ таковые безпорядки, или привлекать ихъ къ отвѣтственности.

Первый видъ надзора принадлежитъ: кассаціоннымъ департаментамъ и соединенному присутствію 1-го и кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената—за всѣми судебными установленіями и должностными лицами судебнаго вѣдомства въ имперіи, затѣмъ, судебнымъ палатамъ—за состоящими въ округѣ каждой изъ нихъ судебными мѣстами и должностными лицами, кромѣ предсѣдателей палаты и мировыхъ судебныхъ установленій, и, на-

конецъ, окружнымъ судамъ—за всѣми должностными лицами, принадлежащими симъ судамъ и при нихъ состоящими, кромѣ ихъ предсѣдателей (249 ст.). Способомъ осуществленія такого надзора является во 1-хъ, разсмотрѣніе высшимъ судебнымъ мѣстомъ дошедшихъ до него, въ установленномъ порядкѣ, отдѣльныхъ, нѣкоторыхъ, дѣлъ и во 2-хъ, разсмотрѣніе обращенныхъ въ эти высшія мѣста жалобъ, сообщеній и предложеній прокурорскаго надзора [1]). Другой же разсматриваемаго вида надзора, указанный въ 257 ст., способъ удостовѣренія о положеніи дѣла въ судебныхъ установленіяхъ, путемъ производства сенаторской ревизіи, вызванной представленнымъ на усмотрѣніе Императорскаго Величества, чрезъ министра юстиціи, заключеніемъ о семъ кассаціонныхъ департаментовъ сената,—столь исключительный по возможности своего осуществленія, что онъ, насколько извѣстно, въ истекшій 30-ти лѣтній періодъ существованія новыхъ судовъ совсѣмъ не практиковался.

Что же касается надзора втораго вида, то онъ, въ качествѣ общаго надзора за судебными установленіями и должностными лицами судебнаго вѣдомства, сосредотачивается въ лицѣ министра юстиціи, какъ генералъ-прокурора (254 ст.). Выясняя свойства этого надзора и указывая, что министру юстиціи предоставляется высшее наблюденіе за всѣмъ происходящимъ въ судебномъ вѣдомствѣ, съ правомъ принимать отъ своего лица мѣры къ устраненію всякихъ отступленій отъ установленныхъ закономъ правилъ и порядка и къ привлеченію виновныхъ къ отвѣтственности,—даваемое законодателемъ объясненіе на 254 ст. учр. суд. устан. заключаетъ въ себѣ, далѣе, слѣдующее: „Главными органами дѣятельности министра юстиціи въ семъ отношеніи будутъ чины прокурорскаго надзора, которые во всѣхъ случаяхъ, въ коихъ обнаруженное ими упущеніе по судебной части не можетъ быть исправлено властію предсѣдателей судебныхъ мѣстъ, обязаны доносить объ упущеніяхъ, въ порядкѣ подчиненности. Но дабы надзоръ министра юстиціи былъ дѣйствительный, а принимаемыя имъ мѣры соотвѣтствовали настоятельности каждаго случая, ему предоставлено, не ограничиваясь свѣдѣніями, получаемыми отъ чиновъ прокурорскаго надзора, повѣрять и пополнять оныя по мѣрѣ надобности, и даже

---

[1]) Законъ 20 мая 1885 г.

удостовѣряться, помимо прокуроровъ, о положеніи и образѣ дѣйствій судебныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства. Съ сею цѣлью постановлены 254—259 ст. сего учрежденія“ [1]).

Изъ этихъ, послѣднихъ, статей закона видно, что способы, коими предоставлено министру юстиціи „провѣрять и пополнять“ получаемыя имъ отъ чиновъ прокуратуры свѣдѣнія и „даже удостовѣряться, помимо прокуроровъ, о положеніи и образѣ дѣйствій судебныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ“,—заключаются исключительно въ ревизіи судебныхъ установленій, лично имъ, министромъ, или чрезъ своего товарища, производимой,—затѣмъ въ обревизованіи окружныхъ судовъ и мировыхъ судебныхъ установленій чрезъ членовъ судебныхъ палатъ и, наконецъ, въ обозрѣніи дѣлопроизводства тѣхъ же судовъ и мировыхъ установленій, для извлеченія необходимыхъ министру свѣдѣній, чрезъ членовъ консультаціи, оберъ-прокуроровъ, ихъ товарищей, прокуроровъ палатъ и предсѣдателей судовъ (256 ст., законъ 28 декабря 1892 г.).

Помимо же прокурорскаго надзора, ревизій и обозрѣнія дѣлопроизводствъ, министръ юстиціи можетъ имѣть свѣдѣнія лишь о количественной дѣятельности судебныхъ установленій изъ сосредоточивающихся у него, на основаніи 174 ст. учр. суд. уст., отчетовъ всѣхъ судебныхъ установленій за каждый истекшій годъ.

Вотъ всѣ тѣ способы, которыми надзоръ по судебному вѣдомству можетъ осуществляться, и всѣ тѣ средства, коими онъ располагаетъ для обнаруженія „положенія и образа дѣйствій судебныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства“.

Правильно оцѣнивая эти способы и средства, нельзя не признать, что они весьма недостаточны для достиженія поставленной себѣ, въ этомъ отношеніи, законодателемъ цѣли, выраженной имъ приведенными выше словами о томъ, что „при правильномъ надзорѣ и строгой судебной дисциплинѣ не только не будетъ терпимъ судъ съ вреднымъ для общества направленіемъ, но каждое неблаговидное его дѣйствіе подвергнется строгому преслѣдованію“....

И въ самомъ дѣлѣ, возможно ли признать только что описанную нами организацію надзора по судебному вѣдомству соотвѣтствующею такому его назначенію, когда надзоръ этотъ не въ со-

[1]) Въ той же 3-й части суд. уст. стр. 179—180.

стояніи обнаруживать и давать, за каждый данный періодъ времени, достаточно полныя и вѣрныя свѣдѣнія объ общемъ положеніи судебнаго дѣла въ округахъ и объ общемъ характерѣ дѣятельности каждаго судебнаго дѣятеля. Не въ состояніи же сего обнаруживать и давать существующій по судебному вѣдомству надзоръ потому, что онъ, въ дѣлѣ обнаруживанія неправильныхъ дѣйствій, безпорядковъ и злоупотребленій, опирается или на случайность этого обнаруженія или же на исключительныя, присущія лишь немногимъ избраннымъ натурамъ, гражданскія доблести имѣющихъ непосредственный надзоръ за отправленіемъ правосудія и въ то же время принимающихъ въ этомъ дѣлѣ личное активное участіе—чиновъ прокуратуры и личнаго судейскаго состава окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ.

Такъ, указаннымъ выше закономъ (249 ст.) на окружные суды и судебныя палаты возложены обязанности надзора за подвѣдомственными имъ судебными мѣстами и должностными лицами, — между тѣмъ, эти имѣющія надзоръ за послѣдними—учрежденія не только устанавливаютъ между ними, въ качествѣ апелляціонной инстанціи и дисциплинарнаго суда, а палаты, кромѣ того, въ качествѣ обвинительной камеры,—ту или другую практику примѣненія закона, но и прививаютъ, такъ сказать, къ нимъ свое собственное отношеніе къ дѣлу, способствуя или его процвѣтанію или упадку. Нѣтъ сомнѣнія, что въ послѣднемъ случаѣ оказывающая такое неблагопріятное вліяніе на подвѣдомственныя ему судебныя мѣста и должностные лица—судебная палата, или окружный судъ не можетъ исполнять, какъ слѣдуетъ, свои обязанности по надзору за этими мѣстами и лицами, ибо таковой надзоръ, обнаруживая ихъ неправильныя дѣйствія, вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ обнаружить ненадлежащее исполненіе своихъ обязанностей со стороны самого надзирающаго судебнаго мѣста. И такую опасность для дѣла надзора представляетъ какъ общее вредное (напримѣръ: совершенно безучастное отношеніе къ интересамъ правосудія) направленіе дѣятельности имѣющаго надзоръ судебнаго мѣста, такъ и его отдѣльныя неправильныя, нарушающія законъ, дѣйствія, или ошибки, которыя, побуждая надзирающаго къ снисходительности, устраняютъ возможность не только „*строгаго* преслѣдованія за каждое небла-

говидное дѣйствіе“ подчиненнаго его надзору суда, но даже и *всякаго* преслѣдованія.

Пишущему эти строки лицу неоднократно приходилось наблюдать всегда и вездѣ могущіе возникнуть случаи, когда судебная палата, обнаруживая, при разсмотрѣніи какого либо дѣла, неправильныя дѣйствія подвѣдомственнаго суда или должностнаго лица, наталкивалась на свое собственное, вызвавшее эти дѣйствія, неправильное примѣненіе или разъясненіе того или другаго закона. И надо сказать, что, при обсужденіи такихъ казусовъ, мнѣніе о необходимости признать свою ошибку и ходатайствовать объ отмѣнѣ своего, основаннаго на ней, рѣшенія никогда не могло восторжествовать.

Обращаясь, затѣмъ, къ надзору за всѣми судебными установленіями и должностными лицами судебнаго вѣдомства въ имперіи—со стороны кассаціонныхъ департаментовъ и соединеннаго присутствія 1-го и кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената, мы вынуждены признать безусловную случайность характера такового надзора, ибо кассаціонные департаменты могутъ его проявлять лишь на тѣхъ, сравнительно весьма не многихъ, дѣлахъ, кои вступаютъ въ нихъ въ порядкѣ кассаціоннаго производства, вполнѣ зависящаго, въ своемъ возникновеніи, не только отъ воли жалующихся на рѣшеніе суда частныхъ лицъ и отъ степени усердія къ службѣ обязанныхъ опротестовывать неправильное судебное рѣшеніе—чиновъ прокуратуры, но и отъ многихъ другихъ стороннихъ условій, какъ то: допускающаго или недопускающаго кассацію свойства самаго дѣла, существованія формальныхъ поводовъ къ ходатайству о кассированіи его, соблюденія подающими протестъ или жалобу закономъ установленнаго порядка на обжалованіе рѣшенія и проч.

Такой же случайный характеръ имѣетъ и надзоръ соединеннаго присутствія 1-го и кассаціонныхъ департаментовъ сената, такъ какъ и этотъ надзоръ, возбуждаясь лишь вступающими въ соединенное присутствіе жалобами, сообщеніями и предложеніями, находится въ полной зависимости отъ посторонннхъ для него условій: воли жалующихся частныхъ лицъ и возможности для нихъ осуществить свое право на жалобу и отъ правильности дѣйствія режима, на почвѣ коего возникаютъ помянутыя, долженствующія вступать въ присутствіе, сообщенія и предложенія.

Несомнѣнно, что подобный надзоръ со стороны кассаціонныхъ департаментовъ и соединеннаго ихъ и перваго департамента сената—присутствія, имѣя дѣло съ отдѣльными, изрѣдка доходящими или доводимыми до него, нарушеніями закона со стороны суда и судей, не въ состояніи обнаруживать свѣдѣнія о сихъ нарушеніяхъ съ тою полнотою, которая необходима для вѣрной обрисовки истиннаго „положенія и образа дѣйствій судебныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства.“

И такъ, существующая организація надзора высшихъ, въ порядкѣ подчиненности, судебныхъ мѣстъ за низшими не такова, чтобы она исключала возможность существованія „съ вреднымъ для общества направленіемъ суда“ и вела „къ строгому преслѣдованію каждаго неблаговиднаго его дѣйствія“.

Не соотвѣтствуетъ сему назначенію организація и того надзора, который, сосредоточиваясь въ лицѣ министра юстиціи, долженъ, но не можетъ доставлять ему, въ требуемыхъ цѣлями правосудія полнотѣ и нелицепріятности, свѣдѣнія „обо всемъ, происходящемъ въ судебномъ вѣдомствѣ“, кои вызывали бы его главу на „принятіе мѣръ къ устраненію всякихъ отступленій отъ установленныхъ закономъ правилъ и порядка и къ привлеченію виновныхъ къ отвѣтственности“—во всѣхъ, безъ исключенія, нуждающихся въ въ такихъ мѣрахъ случаяхъ.

Основательность этого нашего взгляда на организацію послѣдняго надзора выясняется слѣдующимъ.

Изъ приведенныхъ выше словъ объясненія на 254 ст. учр. суд. уст.—видно, что, по мысли законодателя, „главными органами дѣятельности министра юстиціи“ по общему надзору за судебными установленіями и должностными лицами судебнаго вѣдомства являются „чины прокурорскаго надзора, которые во всѣхъ случаяхъ, въ коихъ обнаруженное ими упущеніе по судебной части не можетъ быть исправлено властію предсѣдателей судебныхъ мѣстъ, обязаны доносить объ упущеніяхъ, въ порядкѣ подчиненности“. Между тѣмъ, прокуратура, объязанная, такимъ образомъ, слѣдить за ходомъ судебнаго дѣла и своими, помянутыми, донесеніями, въ порядкѣ подчиненности, быть на стражѣ интересовъ правосудія, сама является однимъ изъ трехъ главныхъ факторовъ суда, ибо она принимаетъ активное и разнообразное участіе во всѣхъ стадіяхъ

уголовнаго процесса въ качествѣ обвинительной власти, при чемъ ходъ судебнаго дѣла находится въ такой же зависимости отъ характера дѣятельности чиновъ прокуратуры по участію въ судебномъ процессѣ, въ какой положеніе этого дѣла зависитъ отъ характера дѣятельности двухъ другихъ факторовъ суда—магистратуры и адвокатуры. Невозможно, конечно, сомнѣваться въ томъ, что такая, направленная къ надзору за отправленіемъ правосудія, дѣятельность прокуратуры, при личномъ, активномъ и весьма важномъ участіи ея чиновъ въ судебномъ процессѣ, ставитъ прокуроровъ въ совершенно неестественное положеніе и создаетъ неблагопріятную почву для помянутаго ихъ надзора, на которой послѣдній не въ состояніи давать въ руки центральной власти по судебному вѣдомству соотвѣтствующіе истинѣ отзывы о положеніи судебнаго дѣла и о причинахъ порою проявляющихся въ немъ погрѣшностей и неурядицъ. Даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда въ сихъ явленіяхъ чины мѣстнаго прокурорскаго надзора совершенно не повинны, трудно ожидать, чтобы отъ нихъ могли поступать, въ порядкѣ подчиненности, соотвѣтствующія происходящему въ судебномъ учрежденіи — донесенія, ибо таковыя, вызывая центральную власть на изслѣдованіе создающаго подобныя ненормальныя явленія — положенія дѣла въ учрежденіи, неминуемо должны подвергнуть разсмотрѣнію дѣйствія и чиновъ мѣстной прокуратуры, по ихъ участію въ отправленіи правосудія. Кому же не извѣстно, что навлекать на самаго себя ревизію не любитъ даже и тотъ, кто ведетъ свое дѣло добросовѣстно, такъ какъ и онъ не можетъ быть увѣренъ, что взглядъ изслѣдывающаго положеніе дѣла ревизора всегда и во всемъ совпадетъ съ его собственнымъ взглядомъ на правильность его дѣйствій и не найдетъ въ нихъ недостатковъ.

Изъ того же объясненія на 254 ст. учр. суд. уст.—видно, что и самъ законодатель, не смотря на его признаніе чиновъ прокуратуры „главными органами дѣятельности министра юстиціи“ по надзору за положеніемъ судебнаго дѣла въ имперіи, не питалъ большихъ надеждъ на надлежащее выполненіе этими „главными органами“ возложенныхъ на нихъ обязанностей по означенному надзору. Въ противномъ случаѣ, помянутое объясненіе, вслѣдъ за признаніемъ чиновъ прокурорскаго надзора такими органами, не

заключало бы въ себѣ слѣдующихъ словъ: „Но дабы надзоръ министра юстиціи *былъ дѣйствительный, а принимаемыя имъ мѣры соотвѣтствовали настоятельности каждаго случая*, ему предоставлено, не ограничиваясь свѣдѣніями, получаемыми отъ чиновъ прокурорскаго надзора, *повѣрять и дополнять* оныя по мѣрѣ надобности *и даже удостовѣряться помимо прокуроровъ* о положеніи и образѣ дѣйствій судебныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ....“

Однакоже если для того, чтобы надзоръ министра юстиціи за положеніемъ судебнаго дѣла въ имперіи былъ „дѣйствительный“, недостаточно „главныхъ органовъ“ сего надзора — чиновъ прокуратуры, то, по нашему крайнему разумѣнію, таковой надзоръ главы судебнаго вѣдомства не можетъ быть „дѣйствительнымъ“, т. е. повсемѣстно обезпечивающимъ надлежащее отправленіе правосудія, и отъ предоставленія министру юстиціи провѣрять и дополнять получаемыя имъ отъ прокуроровъ, по означенному предмету, свѣдѣнія. И въ самомъ дѣлѣ, если возможно предположить, что отъ чиновъ прокуратуры могутъ вступать, въ порядкѣ подчиненности, требующіе провѣрки и дополненія, несоотвѣтствующіе истинному „положенію и образу дѣйствій судебныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ“—донесенія, то не болѣе ли еще правдоподобнымъ является предположеніе, что отъ такихъ лицъ прокурорскаго надзора можетъ и совершенно не поступать донесеній о ненормальныхъ въ указанной сферѣ—явленіяхъ, долженствующихъ привлечь на себя вниманіе главы прокурорскаго надзора и вызвать его на принятіе соотвѣтствующихъ мѣръ къ устраненію таковыхъ явленій и къ привлеченію виновныхъ къ отвѣтственности? Вѣдь, доносящій съ отступленіемъ отъ истины несравненно болѣе рискуетъ быть въ этомъ изобличеннымъ, чѣмъ совсѣмъ недоносящій подвергаетъ себя риску изобличенія въ бездѣйствіи власти, — къ тому же и отвѣтственность за первое противозаконное дѣяніе много тяжелѣе отвѣтственности за второе.

Очевидно, въ виду возможности такихъ случаевъ бездѣйствія власти чиновъ мѣстной прокуратуры по надзору за отправленіемъ правосудія и предоставлено закономъ министру юстиціи „даже удостовѣряться, помимо прокуроровъ, о положеніи и образѣ дѣйствій судебныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ судебнаго вѣдомства“ — посредствомъ лично имъ, министромъ, или чрезъ своего товарища

производимой ревизіи судебныхъ установленій и посредствомъ поручаемаго членамъ судебныхъ палатъ обревизованія окружныхъ судовъ и мировыхъ установленій. Но и эти способы удостовѣряться, помимо прокуроровъ, о положеніи судебнаго дѣла, т. е. означенныя ревизіи и обревизованія, совершенно недостаточны для того, чтобы сдѣлать надзоръ министра юстиціи „дѣйствительнымъ", ибо дѣйствительнымъ надзоромъ главы судебнаго вѣдомства долженъ быть признанъ такой, который своевременно доставлялъ бы центральной власти по судебному вѣдомству вѣрныя свѣдѣнія о всякомъ уклоненіи отъ нормы въ положеніи судебнаго дѣла въ имперіи и тѣмъ обезпечивалъ бы надлежащее отправленіе въ ней правосудія со стороны всѣхъ участвующихъ въ дѣлѣ суда факторовъ, неисключая и обвинительной власти, возложенной на чиновъ прокуратуры. Достигнуть сего возможно лишь періодическими, правильно организованными и общими для всѣхъ судебныхъ установленій и должностныхъ лицъ каждаго округа, — ревизіями, повторяющимися въ немъ въ точно, закономъ, опредѣленные промежутки времени и производимыми съ необходимыми обстоятельностью и полнотою, внѣ всякихъ сторонніхъ вліяній и предвзятыхъ цѣлей, кромѣ цѣли обнаруженіи истины,—каковыми могутъ быть только сенаторскія ревизіи, какъ то мы уже доказывали въ своей, четыре года тому назадъ напечатанной въ „Судебной Газетѣ", статьѣ „Судебные порядки"[1]). Министръ же юстиціи и его товарищъ, вслѣдствіе занятія ихъ дѣлами управленія по судебному вѣдомству, учинять такія періодическія, часто повторяющіяся и обстоятельныя, ревизіи во всѣхъ судебныхъ округахъ не въ состояніи, ибо не имѣютъ необходимаго на это свободнаго времени.

Что касается производящихся время отъ времени министерскихъ ревизій по судебному вѣдомству, то назначеніе ихъ, будучи экстраординарною мѣрою надзора, отнимающею у министра или его товарища немало необходимаго для дѣлъ управленія вѣдомствомъ—времени, можетъ быть вызвано причинами лишь исключительными, каковыми являются или обнаруженіе, стеченіемъ благопріятныхъ для того обстоятельствъ, передъ центральною властью, значительныхъ въ какомъ нибудь судебномъ округѣ безпорядковъ,

[1]) «Суд. Газета» 1892 годъ, №№ 23-и 24-й.

или же необходимость для вновь назначеннаго главы судебнаго вѣдомства въ личномъ ознакомленіи его съ тѣми округами и составомъ ихъ чиновъ, которые или менѣе знакомы ревизующему министру или привлекаютъ на себя его особенное вниманіе исключительными, внѣшними, мѣстными условіями, среди коихъ приходится дѣйствовать суду. Поэтому, ведя къ намѣченной цѣли и принося въ семъ отношеніи несомнѣнную пользу, означенныя ревизіи не даютъ, однакоже, цѣльнаго представленія объ общемъ положеніи судебнаго дѣла во всѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ введены новые суды, а также не обнаруживаютъ дефектовъ въ отправленіи правосудія, свойственныхъ лишь тому судебному округу, котораго министерская ревизія не коснулась.

Обревизованіе же окружныхъ судовъ и мировыхъ установленій, по порученію министра юстиціи, предсѣдателями и членами судебныхъ палатъ—есть мѣра надзора настолько же и по-тѣмъ же причинамъ неудачная, насколько неудачною или, вѣрнѣе сказать, малодѣйствительною мѣрою является надзоръ судебныхъ палатъ за состоящими въ округѣ каждой изъ нихъ судебными мѣстами и должностными лицами судебнаго вѣдомства, какъ о томъ мы выше говорили уже.

Изъ объясненія на 256 ст. учр. суд. уст.—видно, что порученіе ревизіи судебнаго мѣста предсѣдателю или члену не той судебной палаты, въ округѣ коей состоитъ это мѣсто, возможно лишь въ крайнихъ случаяхъ [1]). Но практика, насколько извѣстно, такихъ случаевъ ненаходила и, по весьма понятнымъ, вполнѣ разумнымъ причинамъ, едва ли когда нибудь найдетъ, ибо обходъ, въ указанномъ отношеніи, представителей мѣстной судебной палаты не будетъ, конечно, содѣйствовать сохраненію престижа ея власти въ судебномъ округѣ.

Посему, ведя разговоръ объ означенныхъ обревизованіяхъ, мы должны имѣть въ виду порученіе ихъ предсѣдателю или члену не чужой обревизовываемому судебному мѣсту — палаты, а той, въ округѣ коей оно находится.

Но если судебныя палаты, дѣятельность коихъ несомнѣнно должна отражаться на дѣятельности всѣхъ подвѣдомственныхъ имъ судебныхъ мѣстъ и должностныхъ лицъ, не могутъ, какъ мы выше

[1]) Въ той же 3-й ч. суд. уставовъ, стр. 181-я.

говорили, исполнять, надлежащимъ образомъ, свои обязанности по надзору за этими мѣстами и лицами, безъ опасенія обнаружить такимъ надзоромъ своихъ собственныхъ неправильныхъ дѣйствій по руководству ими, то возможно ли признать цѣлесообразнымъ порученіе ревизіи послѣднихъ представителямъ тѣхъ же судебныхъ палатъ. Наталкиваясь, при подобной ревизіи, на такія неправильныя порядки и дѣйствія ревизуемаго судебнаго мѣста, существованіе которыхъ, обусловливается неправильными дѣйствіями мѣстной судебной палаты, производящій ревизію предсѣдатель или членъ ея, будучи однимъ изъ виновниковъ этихъ послѣднихъ дѣйствій, окажется ревизующимъ самого себя.

Помимо сего, законъ 20 мая 1885 года дѣлаетъ крайне затруднительнымъ порученіе обревизованія окружныхъ судовъ старшему предсѣдателю мѣстной судебной палаты. Означеннымъ закономъ, между прочимъ, вмѣняется послѣднему въ обязанность „наблюдать за правильнымъ и незамедлительнымъ теченіемъ дѣлъ въ подвѣдомственныхъ палатѣ—окружныхъ судахъ и за точнымъ исполненіемъ своихъ обязанностей всѣми должностными лицами, принадлежащими къ составу сихъ судовъ и при нихъ состоящими“, а также старшему предсѣдателю, тѣмъ же закономъ, вмѣнено въ объязанность объ наруженныхъ имъ „упущеніяхъ или отступленіяхъ отъ законнаго порядка со стороны окружнаго суда“ или сообщать его предсѣдателю, или же предлагать на обсужденіе судебной палаты, что́, конечно, должно вести къ прекращенію безпорядка и помѣшать ему разрастись до обширныхъ размѣровъ. При такомъ значеніи указаннаго надзора старшаго предсѣдателя и долженствующемъ явиться, въ качествѣ результатовъ сего надзора, его благотворномъ вліяніи на ходъ дѣла въ окружныхъ судахъ,—обревизованіе послѣднихъ тѣмъ же старшимъ предсѣдателемъ не будетъ ли подведеніемъ итога всей его собственной дѣятельности по означенному надзору за обревизовываемыми имъ окружными судами?

Несомнѣнно, что не по причинѣ достаточности для цѣлей надзора и удобства осуществленія указанныхъ въ первоначальной редакціи 256 ст. учр. суд. уст.—мѣръ эта статья закона, уполномачивавшая министра юстиціи производить ревизіи судебныхъ установленій лично или чрезъ своего товарища и поручать обревизова-

ніе окружныхъ судовъ и мировыхъ установленій членамъ судебныхъ палатъ,—впослѣдствіи, закономъ 28 декабря 1892 года, была дополнена постановленіемъ о правѣ министра юстиціи, прежде назначенія ревизіи, поручать обозрѣніе дѣлопроизводства окружныхъ судовъ и мировыхъ установленій, съ цѣлью извлеченія необходимыхъ для центральной власти судебнаго вѣдомства свѣдѣній, членамъ консультаціи, оберъ-прокурорамъ, ихъ товарищамъ, прокурорамъ судебныхъ палатъ и предсѣдателямъ окружныхъ судовъ. Но и эта послѣдняя мѣра, могущая имѣть примѣненіе не по отношенію ко всѣмъ судебнымъ установленіямъ округа, а лишь къ какому нибудь одному и, притомъ, низшаго разряда судебному мѣсту, осуществляется только по полученіи въ министерствѣ юстиціи свѣдѣній о необходимости ея, а поступленіе такихъ свѣдѣній, какъ мы выше уже говорили, является дѣломъ болѣе или менѣе случайнымъ, неорганизованнымъ въ видѣ правильно дѣйствующаго мѣстнаго надзора. Къ тому же такое обозрѣніе дѣлопроизводства, какъ мѣра, направленная къ выясненію, необходима ли министерская ревизія, не можетъ быть плодотворною болѣе послѣдней; посему мѣра эта и не имѣетъ самостоятельнаго значенія.

Обозрѣвши организацію существующаго у насъ надзора за отправленіемъ правосудія, перейдемъ къ разсмотрѣнію дѣйствующихъ законоположеній объ отвѣтственности судей за уклоненіе ихъ въ своей дѣятельности отъ поставленной для нея законодателемъ цѣли.

Въ началѣ настоящаго труда нами было уже говорено, что искорененіе судебною реформою 20 ноября 1864 года продажности суда—общепризнанный фактъ, но что не одно корыстолюбіе судьи служитъ благопріятною почвою для неправосудія, ибо это страшное зло весьма успѣшно, напримѣръ, культивируется и на почвѣ халатнаго, небрежнаго отношенія судебнаго дѣятеля къ своему дѣлу. Въ значительномъ же развитіи этого недостатка въ средѣ современныхъ судей едва ли возможно сомнѣваться, а сомнѣвающимся въ семъ напомнимъ многоговорящія въ означенномъ отношеніи слова вполнѣ авторитетнаго лица—о томъ, что въ помянутой средѣ: „духъ, бодрость падаютъ, идеалы оскудѣваютъ, ремесленничество растетъ, интересъ къ знанію ослабѣваетъ, развитіе въ застоѣ“.....

Такимъ образомъ, помянутая судебная реформа, положивъ конецъ вѣдаемымъ уголовнымъ судомъ злоупотребленіямъ по службѣ со стороны судей, не была однакоже въ состояніи также успѣшно покончить съ нарушеніями судейскихъ обязанностей, подлежащими вѣдѣнію дисциплинарнаго суда и существованіе коихъ несовмѣстимо съ надлежащимъ положеніемъ дѣла правосудія. Такое перемѣщеніе центра тяжести въ судейской отвѣтственности—изъ уголовной въ дисциплинарную придало большое значеніе законоположеніямъ, опредѣляющимъ налагаемыя на судей въ этомъ послѣднемъ порядкѣ судопроизводства—взысканія, и вызвало особенную необходимость въ строгомъ соотвѣтствіи сихъ законоположеній требованіямъ современности.

Посему и мы, при разсмотрѣніи вопроса объ удовлетворительности дѣйствующей организаціи отвѣтственности судей, остановимся исключительно на дисциплинарной, постановленія закона о которой заключаются въ 261—296 ст. учр. суд. уст.

Статья 264-я сего учрежденія, между прочимъ, опредѣляетъ, что дисциплинарное взысканіе можетъ быть наложено на судью не иначе, какъ по разсмотрѣніи дѣла о немъ подлежащимъ дисциплинарнымъ судомъ, каковымъ является: для предсѣдателей и членовъ судебныхъ палатъ и предсѣдателей окружныхъ судовъ—образованное въ составѣ Правительствующаго Сената—Высшее Дисциплинарное Присутствіе, а для остальныхъ судей—Судебная Палата (270 ст. учр. суд. уст.,—законъ 20 мая 1885 г.).

Однакоже причины, которыя, какъ мы выше говорили, обращаютъ надзоръ судебныхъ палатъ за подвѣдомственными имъ окружными судами въ надзоръ за своею собственною дѣятельностью, а производимыя предсѣдателями и членами судебныхъ палатъ ревизіи названныхъ судовъ—въ обревизованіе этими судьями самихъ себя, —легко могутъ привести судебную палату, при исполненіи ею обязанностей дисциплинарнаго суда надъ подвѣдомственными судьями, къ обсужденію вопроса о законности собственныхъ своихъ дѣйствій, т. е. поставить ее въ положеніе суда, обсуждающаго свою собственную вину, ибо неправильно выполненныя судебною палатою обязанности по руководству подвѣдомственными ей судебными мѣстами и должностными лицами вполнѣ могутъ привести послѣднихъ къ неправильнымъ дѣйствіямъ по службѣ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ,

и къ дисциплинарной отвѣтственности, дѣло о которой должно быть разрѣшено тою же судебною палатою.

Для устраненія сего, совершенно ненормальнаго, порядка дисциплинарнаго производства, необходимо и вполнѣ возможно, по нашему мнѣнію, сосредоточить дисциплинарныя дѣла о всѣхъ, указанныхъ въ 270-й ст. учр. суд. уст., судьяхъ, безъ исключенія, въ Высшемъ Дисциплинарномъ Присутствіи, хотя бы для сего послѣднее, въ виду такого расширенія сферы его дѣятельности, подверглось надлежащей реорганизаціи. Передача нынѣ подвѣдомственныхъ судебнымъ палатамъ дисциплинарныхъ дѣлъ о судьяхъ въ названное Присутствіе не можетъ встрѣтить затрудненія въ общемъ, по имперіи, количествѣ сего рода дѣлъ, такъ какъ таковое не настолько велико, что бы оно могло его вызвать. Польза же отъ разрѣшенія всѣхъ дисциплинарныхъ дѣлъ о судьяхъ однимъ учрежденіемъ и, притомъ, такимъ, которому ничто не мѣшаетъ быть безпристрастнымъ въ ихъ рѣшеніи, не требуетъ, по своей очевидности, доказательствъ. Отмѣтимъ, однакоже, то, весьма желательное, послѣдствіе отъ предлагаемой нами мѣры, что разрѣшеніе дисциплинарныхъ дѣлъ о всѣхъ судьяхъ однимъ дисциплинарнымъ судомъ дастъ послѣднему несуществующую для нынѣ дѣйствующихъ многихъ дисциплинарныхъ судовъ—возможность не допускать въ своихъ рѣшеніяхъ различія послужившихъ основаніями для нихъ взглядовъ—какъ на самую природу одного и того же нарушенія, такъ и на наказуемость его, и согласовать, въ подлежащихъ случаяхъ, одно свое рѣшеніе съ другимъ, насколько это будетъ вызываться требованіями справедливости. Такая практика дисциплинарнаго суда должна весьма благотворно отразиться на судейской службѣ, давая судьямъ возможность впередъ знать, какое ихъ ожидаетъ рѣшеніе этого суда за то или другое нарушеніе служебныхъ обязанностей.

Затѣмъ, изъ той же, вышеуказанной, 264 ст. учр. суд. уст. мы видимъ, что, по ея первоначальной редакціи, предсѣдатели, товарищи предсѣдателей и члены судебныхъ мѣстъ, а также мировые судьи, подлежали, въ порядкѣ дисциплинарной отвѣтственности, *только предостереженіемъ*, опредѣляемымъ судьѣ не иначе, какъ по разсмотрѣнію дѣла надлежащимъ судомъ—на основаніи правилъ, постановленныхъ въ 270—291 ст. учр. суд. уст. При этомъ,

по 293 ст. сего учрежденія, о судьѣ, подвергнутомъ, въ теченіе одного года, предостереженію три раза, въ случаѣ новой въ томъ же году, считая со времени перваго предостереженія, вины, подлежащей тому же взысканію,—надлежало представлять на усмотрѣніе кассаціонныхъ департаментовъ сената на тотъ предметъ, не признаютъ ли они нужнымъ предать виновнаго уголовному суду.

Мотивируя свое постановленіе о томъ, что судья, въ порядкѣ дисциплинарной отвѣтственности, можетъ подлежать лишь предостереженіямъ, законодатель высказалъ, что „подвергать" судей „не только предостереженіямъ, но и замѣчаніямъ и выговорамъ безъ суда, было бы несогласно съ достоинствомъ званія судьи и могло бы поколебать то уваженіе, которое желательно и необходимо утвердить въ обществѣ къ званію судьи [1])".

Съ такимъ взглядомъ на разсматриваемый предметъ едва ли возможно согласиться, вслѣдствіе его противорѣчія содержанію той же 264 ст. учр. суд. уст., по которой судьи подлежали и нынѣ подлежатъ предостереженіемъ не иначе, какъ по разсмотрѣніи дѣла *надлежащимъ судомъ*, а потому нѣтъ основанія говорить, что дозволеніе подвергать ихъ, въ томъ же дисциплинарномъ порядкѣ, не только предостереженіямъ, но и замѣчаніямъ и выговорамъ *безъ суда*—было бы несогласно съ достоинствомъ званія судьи. Такой взглядъ заключаетъ въ себѣ не лестное для организаціи дисциплинарнаго суда мнѣніе о немъ, по которому его и *судомъ* нельзя назвать. Но если онъ, по своей организаціи, дѣйствительно есть такой несовершенный судъ, то сдѣланное имъ судьѣ предостереженіе точно также можетъ повести къ указываемымъ въ объясненіи на 264 ст. учр. суд. уст.—нежелательнымъ послѣдствіямъ, какъ ихъ можетъ вызвать „дозволеніе подвергать" судей, въ порядкѣ дисциплинарнаго суда, замѣчаніямъ и выговорамъ. Несомнѣнно, что возможность существованія упрощеннаго способа разрѣшенія дѣлъ дисциплинарнымъ судомъ вытекаетъ, главнымъ образомъ, не изъ незначительности опредѣляемаго имъ наказанія, а изъ нетребующей сложнаго судопроизводства природы подлежащихъ разсмотрѣнію сего суда служебныхъ нарушеній. Поэтому дозволеніе подвергать судей, въ порядкѣ ди-

---

[1]) Объясненіе на 264 ст. учр. суд. уст.; суд. уставы, изд. Гос. Канц.

сциплинарнаго суда, замѣчаніямъ и выговорамъ только тогда могло бы поколебать въ обществѣ уваженіе къ званію судьи, когда помянутыя наказанія налагались бы означеннымъ судомъ несправедливо. Едва ли возможно сомнѣваться и въ томъ, что утвержденіе въ обществѣ уваженія къ званію судьи можетъ осуществиться лишь на почвѣ безупречности его служебной дѣятельности и такого надзора за нею, при которомъ судейская дѣятельность не можетъ безнаказанно проявляться въ иномъ направленіи, но никакъ не на почвѣ сопряженной съ разсмотрѣніемъ вины судьи въ порядкѣ уголовнаго судопроизводства—трудности подвергнуть его болѣе строгому наказанію, чѣмъ предостереженіе.

Если же организація существующаго дисциплинарнаго суда не такова, чтобы она обезпечивала основательность постановляемыхъ имъ рѣшеній и, тѣмъ, устраняла бы возможность колебать въ обществѣ уваженіе къ званію судьи, то надлежитъ дать сему суду соотвѣтствующую требованіямъ необходимости организацію и предоставить его компетенціи всѣ тѣ дѣла о нарушеніи судьями своихъ служебныхъ обязанностей, кои природою сихъ нарушеній не вызываютъ надобности въ сложномъ производствѣ ихъ по правиламъ уголовнаго судопроизводства.

Между тѣмъ указанное ограниченіе дисциплинарнаго суда въ выборѣ и назначеніи судьямъ соотвѣтствующихъ ихъ винѣ наказаній обезсилило этотъ судъ въ борьбѣ съ ихъ служебными нарушеніями и привело къ измѣненію, Высочайше утвержденнымъ 20 мая 1885 г. мнѣніемъ Государственнаго Совѣта, многихъ постановленій закона, касающихся дисциплинарной отвѣтственности судей.

Такъ, напримѣръ, по означенному новому закону, 264 ст. учр. суд. уст. дополнена постановленіемъ, предоставляющимъ дисциплинарному суду право подвергать судей не только предостереженіямъ, но и вычетамъ изъ жалованья за проступки, указанные въ 413—415 ст. улож. наказ.

Затѣмъ, тотъ же законъ совершенно отмѣнилъ 293 ст. учр. суд. уст., примѣненіе которой на практикѣ никогда не могло осуществиться, ибо сдѣлать изобличенному въ служебныхъ проступкахъ судьѣ, въ теченіи одного года, одно послѣ другаго, три предостереженія и, затѣмъ, предать его уголовному суду за четвертую,

совершенную въ томъ же году и подлежащую тому же наказанію, вину являлось физически не возможнымъ, по отсутствію достаточнаго времени на совершеніе всего этого.

Наконецъ, тоже Высочайше утвержденное 20 мая 1885 г. мнѣніе Государственнаго Совѣта замѣнило 295 ст. учр. суд. уст. тремя другими постановленіями закона, однимъ изъ коихъ установлено, что „если Министромъ Юстиціи будетъ усмотрѣно: а) что судья совершилъ такія служебныя упущенія, которыя хотя и не влекутъ удаленія его отъ должности по суду, но, по своему значенію или многократности, свидѣтельствуютъ о несоотвѣтствіи виновнаго въ нихъ судьи занимаемому имъ положенію или о явномъ съ его стороны пренебреженіи къ своимъ обязанностямъ; или б) что судья дозволилъ себѣ, внѣ службы, такіе противные нравственности или предосудительные поступки, которые хотя и не имѣли послѣдствіемъ привлеченіе его къ уголовной отвѣтственности, но, будучи несовмѣстны съ достоинствомъ судейскаго званія и получивъ огласку, лишаютъ совершившаго ихъ судью необходимыхъ для сего званія довѣрія и уваженія, или же в) что судья, поставивъ себя, образомъ своихъ дѣйствій въ мѣстѣ служенія, въ такое положеніе, которое подаетъ основательный поводъ сомнѣваться въ дальнѣйшемъ спокойномъ и безпристрастномъ исполненіи имъ своихъ обязанностей, тѣмъ не менѣе уклоняется отъ предлагаемаго ему перевода въ другую мѣстность на равную должность,—то обстоятельства эти Министръ Юстиціи передаетъ на обсужденіе Высшаго Дисциплинарнаго Присутствія Правительствующаго Сената, которое, истребовавъ отъ судьи объясненіе, можетъ постановить: въ первыхъ двухъ случаяхъ—объ увольненіи его отъ должности, а въ послѣднемъ—о перемѣщеніи его въ другую мѣстность, на равную судейскою должность“.

Останавливаясь на разрѣшеніи вопроса о томъ, насколько помянутый законъ 20 мая 1885 г. устранилъ существовавшіе до него недостатки въ законахъ о дисциплинарной отвѣтственности судей, мы прежде всего констатируемъ, что 270 ст. учр. суд. уст., опредѣлявшая прежде, между прочимъ, подсудность дисциплинарныхъ дѣлъ: о предсѣдателяхъ и членахъ судебныхъ палатъ—кассаціоннымъ департаментамъ правительствующаго сената и о предсѣдателяхъ, товарищахъ предсѣдателей и членахъ окружныхъ су-

довъ—судебнымъ палатамъ,—помянутымъ закономъ измѣнена лишь въ томъ отношеніи, что дѣла о судьяхъ первой категоріи признаны подлежащими вѣдѣнію не кассаціонныхъ департаментовъ сената, а вновь образованнаго, въ составѣ Сената, Высшаго Дисциплинарнаго Присутствія (ст. 119-я, по редакціи закона 20 мая 1885 г.), и, кромѣ того, дисциплинарныя дѣла о предсѣдателяхъ окружныхъ судовъ, вѣдавшіяся прежде судебными палатами, признаны подлежащими разрѣшенію того же Высшаго Дисциплинарнаго Присутствія; для дѣлъ же объ остальныхъ судьяхъ судебныя палаты по прежнему до сего времени исполняютъ обязанности дисциплинарнаго суда, несмотря на указанныя выше неудобства и нежелательныя послѣдствія отъ такого совмѣстительства въ дѣятельности судебныхъ палатъ — обязанностей этого дисциплинарнаго суда и возложенныхъ на нихъ закономъ руководства и надзора за дѣятельностью судей, дисциплинарныя производства о коихъ сему суду подвѣдомственны.—Затѣмъ отмѣтимъ, что измѣненная закономъ 20 мая 1885 г. редакція 264 ст. учр. суд. уст., опредѣляющая компетенцію дисциплинарнаго суда въ выборѣ судьямъ наказанія, какъ мы видѣли, весьма незначительно расширила въ этомъ отношеніи власть означеннаго суда, предоставивъ лишь ему, прежде непринадлежавшее, право опредѣлять неявляющимся, безъ особыхъ законныхъ причинъ, къ должности судьямъ, а равно судьямъ, неявившимся на срокъ изъ отпуска и непредставившимъ законныхъ въ томъ оправданій,—вычетъ изъ жалованья (413—415 ст. улож. о наказ.), и по прежнему оставивъ въ распоряженіи дисциплинарнаго суда для всѣхъ остальныхъ служебныхъ упущеній судьи—одно предостереженіе. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, законъ 20 мая 1885 г. взамѣнъ существовавшей до него 295 ст. учр. суд. уст., разрѣшавшей общему собранію кассаціонныхъ департаментовъ сената удалять отъ должности судью, подвергнутаго, въ уголовномъ порядкѣ, наказанію за неотносящіеся къ службѣ преступленіе или проступокъ,—предоставилъ Высшему Дисциплинарному Присутствію Сената, между прочимъ, право перемѣщать судью, въ указанныхъ нами выше случаяхъ, въ другую мѣстность, на равную судейскую должность, и даже увольнять его отъ должности—какъ за служебныя упущенія, хотя и не влекущія удаленія отъ должности по суду, но свидѣтельствующія о несоотвѣтствіи виновнаго въ нихъ судьи

занимаемому имъ положенію, такъ и за внѣслужебныя, противныя нравственности и предосудительныя поступки, хотя бы таковые и не имѣли своимъ послѣдствіемъ привлеченіе его къ уголовной отвѣтственности, но были несовмѣстны съ достоинствомъ судьи и получили огласку.

Однакоже возбужденіе вопроса о принятіи одной изъ этихъ, порою крайне необходимыхъ, рѣшительныхъ мѣръ по отношенію къ провинившемуся судьѣ можетъ послѣдовать не иначе, какъ въ указанномъ разсматриваемымъ закономъ—порядкѣ, т. е. чрезъ Министра Юстиціи, который о вызывающихъ означенныя мѣры дѣйствіяхъ судьи передаетъ на обсужденіе Высшаго Дисциплинарнаго Присутствія. Поэтому послѣднее, убѣдившись обстоятельствами какого либо, разсматриваемаго имъ, дисциплинарнаго дѣла о судьѣ въ необходимости, для пользы службы, перевести его въ другую мѣстность или уволить отъ должности, лишено возможности поднять о семъ вопросъ по собственной иниціативѣ и сдѣлать, затѣмъ, постановленіе о принятіи одной изъ этихъ мѣръ. Такое ограниченіе власти Высшаго Дисциплинарнаго Присутствія едва ли вызывается какою нибудь необходимостью. Несомнѣнно, что оказанное ему законодателемъ довѣріе предоставленіемъ въ его распоряженіе права обсуждать, по предложенію Министра Юстиціи, необходимость осуществленія по отношенію къ виновному судьѣ одной изъ помянутыхъ мѣръ и постановлять о принятіи или непринятіи ея свое рѣшеніе—не можетъ быть менѣе того довѣрія, на которомъ должно основываться предоставленіе означенному Присутствію права постановлять рѣшеніе о перемѣщеніи судьи и увольненіи его отъ должности, въ указанныхъ выше случаяхъ, и по собственной его, Присутствія, иниціативѣ, безъ требованія сего Министромъ Юстиціи,—при разсмотрѣніи всякаго дисциплинарнаго дѣла о судьѣ. Это расширеніе власти Высшаго Дисциплинарнаго Присутствія, долженствующаго, по нашему, вышеизложенному, мнѣнію, быть однимъ общимъ судомъ для всѣхъ судей безъ исключенія, во 1-хъ) увеличитъ число указываемыхъ 264-й ст. учр. суд. уст., могущихъ быть наложенными на судью, дисциплинарныхъ взысканій и, тѣмъ, сдѣлаетъ дисциплинарный судъ надъ судьей болѣе сильнымъ въ борьбѣ съ его служебными упущеніями и во 2-хъ) устранитъ, путемъ надлежащаго согласованія, существующее нынѣ несоотвѣтствіе въ постановленіяхъ

уголовнаго закона и закона о дисциплинарномъ судѣ, заключающееся въ томъ, что Высшее Дисциплинарное Присутствіе, безъ всякаго особаго о винѣ судьи производства, можетъ постановить объ увольненіи его отъ должности за такія дѣйствія, которыя не влекутъ удаленія совершившаго ихъ судьи отъ должности по суду, хотя оба эти наказанія: удаленіе и увольненіе отъ должности—вполнѣ равнозначащія.

Быть можетъ, намъ возразятъ, что уголовный судъ, будучи публичнымъ и имѣя обязанность тщательно изслѣдовать подлежащую его разсмотрѣнію вину подсудимаго, болѣе обезпечиваетъ правильность такихъ важныхъ рѣшеній, какъ рѣшеніе объ увольненіи или удаленіи судьи отъ должности.

На это возраженіе мы отвѣтимъ, что тщательно, т. е. по мѣрѣ надобности, изслѣдовать вину судьи обязанъ и дисциплинарный судъ, но что могущія подлежать его вѣдѣнію дѣла о служебныхъ упущеніяхъ судьи требуютъ, природою сихъ упущеній, менѣе сложнаго производства, чѣмъ вѣдаемыя уголовнымъ судомъ дѣла о болѣе важныхъ преступленіяхъ. Но, конечно, и между подобными дисциплинарными дѣлами могутъ оказаться такія, при производствѣ коихъ встрѣтится надобность въ подробномъ изслѣдованіи вины судьи, въ мѣстѣ его служенія, каковое изслѣдованіе должно и можетъ быть произведено не иначе, какъ членомъ Высшаго Дисциплинарнаго Присутствія, а полученное симъ путемъ—устанавливалось бы послѣднимъ, въ подлежащихъ случаяхъ, въ его засѣданіи. Рѣдкая, сравнительно, необходимость въ подобномъ изслѣдованіи вины судьи исключаетъ возможность затрудненія отъ обремененія членовъ Высшаго Дисциплинарнаго Присутствія означенными порученіями.

Такимъ образомъ, слѣдовало бы, по нашему мнѣнію, разрѣшить дисциплинарному суду въ необходимыхъ случаяхъ: производить, чрезъ своихъ членовъ, указанное выше изслѣдованіе вины обвиняемаго и провѣрять соотвѣтствующими, учиняемыми въ засѣданіи этаго суда, дѣйствіями—добытое помянутымъ изслѣдованіемъ, о каковомъ правѣ названнаго суда должно существовать особое постановленіе закона—въ дополненіе изложеннаго въ 282 ст. учр. суд. уст.—правила о порядкѣ разрѣшенія дисциплинарныхъ дѣлъ.

Что касается могущей оградить обвиняемаго судью отъ пристрастія въ разрѣшеніи дѣла о немъ—публичности засѣданій дисциплинарнаго суда, то таковая, условно существовавшая до отмѣнившаго ее закона 20 мая 1885 г., подлежала бы возстановленію, съ прежнимъ же условіемъ примѣненія ея лишь въ случаѣ, когда сего потребуетъ самъ обвиняемый, въ огражденіе интересовъ коего она только и можетъ имѣть значеніе. Поэтому относящаяся къ сему предмету 281 ст. учр. суд. уст. должна получить, по нашему мнѣнію, свою прежнюю редакцію. Препятствіе къ сему едва ли можетъ найтись, ибо правильное рѣшеніе судомъ дѣла не можетъ бояться огласки его, а оглашеніе неправильнаго рѣшенія весьма желательно по нетребующимъ объясненія—причинамъ.

При нахожденіи же въ числѣ опредѣляемыхъ судьѣ, по 264 ст. учр. суд. уст., дисциплинарнымъ судомъ, взысканій—мѣръ: *перемѣщенія въ другую мѣстность*, на равную судейскую должность *и удаленія отъ должности*—за соотвѣтствующія дѣянія, не оказалось бы логичнымъ исключать изъ дисциплинарныхъ, для судьи, взысканій—*замѣчанія* и *выговоры*, т. е. болѣе легкія, сравнительно съ удаленіемъ отъ должности, наказанія. Между тѣмъ „замѣчанія“ и „выговоры“ явились бы для виновныхъ судей переходными наказаніями отъ „предостереженія“ къ „удаленію отъ должности“ и, быть можетъ, удержали бы нѣкоторыхъ изъ этихъ судей отъ приводящихъ ихъ къ удаленію отъ должности—дѣйствій, проявленіе коихъ нерѣдко объясняется полною безнаказанностью прежняго, ненадлежащаго, поведенія допустившаго ихъ судьи, ибо предостереженіе не есть наказаніе. Къ тому же о нѣкоторыхъ ненадлежащихъ дѣйствіяхъ и поведеніи судьи невозбуждается нынѣ, повидимому, дисциплинарное производство потому лишь, что грозящее судьѣ, въ этомъ порядкѣ разсмотрѣнія его вины, „предостереженіе“—слишкомъ ничтожная за такія дѣйствія и поведеніе—мѣра.

Изложенное въ достаточной степени выясняетъ огромную зависимость характера дѣятельности личнаго состава судебныхъ коллегій вообще и судебныхъ палатъ въ частности—съ одной стороны отъ предоставленія имъ необходимой самостоятельности въ отправленіи правосудія и закономѣрной независимости—судьямъ, а съ другой стороны отъ правильной постановки надзора за дѣятельностью

этихъ коллегій и надлежащей организаціи дисциплинарной отвѣтственности ихъ членовъ—какъ за служебныя упущенія, такъ и внѣслужебное недоброкачественное поведеніе.

Затѣмъ вышеизложенное не оставляетъ также сомнѣнія и въ томъ, что первоначальная постановка надзора за дѣятельностью судебныхъ коллегій и организація дисциплинарной отвѣтственности ихъ личнаго состава настолько неудовлетворяли требованіямъ необходимости, что едва минуло 20 лѣтъ послѣ изданія судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 года, какъ уже потребовалась весьма значительная законодательная поправка въ соотвѣтствующихъ статьяхъ учрежденія судебныхъ установленій, которая и выразилась въ разсмотрѣнномъ нами Высочайше утвержденномъ 20 мая 1885 г. мнѣніи Государственнаго Совѣта.

Но если существовавшія въ теченіе первыхъ 20-ти лѣтъ дѣйствія судебныхъ уставовъ—постановленія закона о надзорѣ за судебными установленіями и дисциплинарной отвѣтственности ихъ личнаго состава не удовлетворяли требованіямъ необходимости, то они, конечно, не могли содѣйствовать, совмѣстно съ двумя другими основными принципами новаго суда—его самостоятельностью и независимостью судей, правильной постановкѣ дѣла правосудія. Вслѣдствіе этого, судейскія самостоятельность и независимость, не направляемыя по надлежащему пути удачно организованными надзоромъ за дѣятельностью суда и отвѣтственностью его агентовъ, не были въ состояніи привести къ тѣмъ благотворнымъ результатамъ, которые онѣ, при иныхъ условіяхъ, должны дать.

Нѣтъ сомнѣнія, что завѣдывающая судебною частью центральная власть, въ своихъ заботахъ о надлежащей практической постановкѣ дѣла правосудія, не могла мириться съ подобнымъ положеніемъ,—и прежде, чѣмъ выработала проектъ помянутаго закона 20-го мая 1885 г., она должна была испробовать мѣры, которыя, по ея мнѣнію, могли направлять, въ качествѣ эквивалента надзору и дисциплинарной отвѣтственности, дѣятельность суда и судей по пути достиженія поставленной для нихъ законодателемъ цѣли.

И вотъ, такою мѣрою признано было, введенное и до нынѣ существующее, періодическое поощреніе наградами тѣхъ судей, которыхъ центральная власть считала сего заслужившими своею примѣрною дѣятельностью. Но такъ какъ представители этой вла-

сти могутъ быть лично знакомы съ служебною дѣятельностью и нравственными качествами, сравнительно, немногихъ лишь судей, то при оцѣнкѣ таковыхъ дѣятельности и качествъ необходимо руководствоваться отзывами о нихъ, исходящими отъ предсѣдателей судебныхъ коллегій и состоящихъ при послѣднихъ прокуроровъ. Словомъ, произошло то, чего, какъ мы видѣли, стремились избѣжать творцы судебныхъ уставовъ, признававшіе, что при удостоеніи судей наградами, основанномъ на аттестаціи ихъ предсѣдателями и прокурорами, „нѣтъ никакой возможности устранить вліяніе аттестующихъ и представляющихъ къ наградѣ на представляемаго и нѣкоторую зависимость сего послѣдняго отъ перваго“ и что немного найдется людей, которые не пожелали бы сравняться чинами и знаками отличія съ равными имъ по званію товарищами, а это врожденное человѣку желаніе не обойдется безъ угодливости и разнаго рода искательствъ.....“

Было бы ошибочно полагать, что могущій произойти отъ такого порядка награжденія судей—вредъ возможно устранить назначеніемъ на должности предсѣдателей судебныхъ коллегій безукоризненной нравственности и выдающихся способностей—людей. Извѣстно, что тѣ или другія нежелательныя явленія въ какомъ либо дѣлѣ весьма нерѣдко зависятъ не отъ характера дѣятельности отдѣльнаго, ведущаго это дѣло, лица, а отъ крайне неблагопріятныхъ условій, при которыхъ оно ведется. Останавливаясь на этомъ мнѣніи, прибавимъ къ нему, что бываютъ такія условія дѣятельности, при коихъ самый благонамѣренный и способный дѣятель не въ состояніи устранить происходящій на его глазахъ вредъ дѣлу. Такими то именно неблагопріятными условіями и обставлена, въ разсматриваемомъ отношеніи, современная служба предсѣдателей и членовъ судебныхъ коллегій вообще и судебныхъ палатъ—въ частности.

Разсмотримъ въ указанномъ отношеніи, для доказательства основательности изложеннаго, обстановку службы членовъ и предсѣдателей судебныхъ палатъ, вопросъ объ упорядоченіи дѣятельности коихъ мы пытаемся разрѣшить въ настоящей главѣ нашего труда.

Мы уже говорили, что назначеніе въ члены судебной палаты, получаемое въ огромномъ большинствѣ случаевъ съ должности

товарища предсѣдателя или прокурора окружнаго суда, не приноситъ назначаемому улучшенія въ его служебномъ положеніи, ибо всѣмъ этимъ тремъ должностямъ присвоенъ одинъ и тотъ же годовой окладъ жалованья въ 3500 рублей и всѣ онѣ, а равно и должность члена окружнаго суда, состоятъ въ одномъ и томъ же, пятомъ, классѣ. Но не одною этою стороною служба на должности члена судебной палаты непривлекательна. Не радостна она для занимающаго эту должность еще и, главнымъ образомъ, потому, что дальнѣйшее, ведущее къ улучшенію матеріальнаго быта, служебное движеніе съ нея возможно лишь для самаго незначительнаго числа счастливцевъ. Съ этой должности получаютъ, въ обыкновенномъ порядкѣ, повышеніе по службѣ лишь на должность предсѣдателя окружнаго суда, общее число которыхъ невелико, а потому вакансіи на послѣднюю должность, сравнительно, весьма рѣдки. Къ тому же на нее чаще назначаются лица прокурорскаго надзора (товарищи прокуроровъ судебныхъ палатъ и, даже, прокуроры окружныхъ судовъ), чѣмъ члены судебныхъ палатъ.

Вслѣдствіе такого порядка вещей, членъ судебной палаты, предостерегаемый опасностью навсегда остаться на своей необезпечивающей матеріальныя нужды семейнаго, пожилаго человѣка— должности, стремится, обыкновенно, попасть въ число помянутыхъ немногихъ счастливцевъ—кандидатовъ на должность предсѣдателя окружнаго суда и, затѣмъ, получить эту должность. А такъ какъ такое счастіе можетъ быть удѣломъ лишь тѣхъ членовъ палаты, которые отличены, въ качествѣ достойнѣйшихъ, отъ своихъ товарищей высшею властью, то стремленіе къ полученію наградъ, коими наилучшимъ образомъ выражается подобное отличіе, является господствующимъ. Между тѣмъ, получать награды, кромѣ рѣдкихъ случаевъ, можетъ лишь тотъ членъ судебной палаты, который будетъ наилучшимъ образомъ аттестованъ ея предсѣдателемъ.

Вотъ на какой почвѣ создаются взаимныя служебныя отношенія между предсѣдателями и членами судебныхъ палатъ. Возможно ли сомнѣваться, что на этой почвѣ вполнѣ могутъ имѣть мѣсто совершенно нежелательныя проявленія въ сферѣ коллегіальнаго разрѣшенія дѣлъ судебными палатами—даже и при томъ условіи, что ихъ предсѣдатели люди достойнѣйшіе, гнушающіеся обращенной къ нимъ лести и ухаживаній за ними на службѣ и внѣ службы,

и что члены палатъ чужды способности на подобныя лесть и ухаживанія.

Идетъ, положимъ, въ засѣданіи судебной палаты совѣщаніе по какому нибудь дѣлу. Извѣстно, что прежде, чѣмъ наступитъ время окончательнаго рѣшенія его по большинству голосовъ присутствующихъ въ засѣданіи членовъ, съ подачею предсѣдателемъ своего голоса послѣднимъ,—происходитъ между членами обмѣнъ мнѣній, въ которомъ не можетъ, конечно, не принимать участія и предсѣдатель. Вслѣдствіе сего, мнѣніе по дѣлу послѣдняго становится извѣстнымъ членамъ палаты до окончательной подачи голосовъ. Это мнѣніе предсѣдателя подлежитъ такой же свободной критической оцѣнкѣ со стороны присутствующихъ въ засѣданіи членовъ, какъ и мнѣніе каждаго изъ нихъ, на чемъ, безусловно, долженъ держаться коллегіальный способъ разрѣшенія дѣлъ, признаваемый законодателемъ наилучшимъ обезпеченіемъ правильности рѣшенія судебныхъ дѣлъ. Но для свободной критической оцѣнки необходимо, чтобы способность къ таковой ничѣмъ не парализовалась. Между тѣмъ, указанная выше зависимость служебнаго положенія члена судебной палаты отъ ея предсѣдателей устраняетъ между ними потребное для означенной оцѣнки равенство и, незамѣтно для самаго члена палаты, можетъ расположить его въ пользу мнѣнія предсѣдателя только потому, что оно принадлежитъ послѣднему. Что же касается предсѣдателя, то какъ бы онъ ни былъ добросовѣстенъ въ исполненіи своихъ обязанностей, онъ, тѣмъ не менѣе, во 1-хъ) всегда можетъ составить себѣ неправильное по дѣлу мнѣніе и во 2-хъ) долженъ благосклоннѣе относиться къ членамъ, имѣющимъ одинаковое съ нимъ мнѣніе,—особливо если таковые, обладая знаніями закона и умѣньемъ пользоваться симъ знаніемъ по своему усмотрѣнію, могутъ ловко мотивировать проводимое имъ, предсѣдателемъ, рѣшеніе дѣла.

И вотъ, видя въ каждомъ засѣданіи на сторонѣ своего мнѣнія по дѣлу извѣстныхъ членовъ, изъ коихъ нѣкоторые къ тому же кстати и умѣло оказываютъ ему свою поддержку подходящими мотивами рѣшенія, предсѣдатель невольно можетъ мало по малу составить объ этихъ членахъ мнѣніе, какъ о способнѣйшихъ и достойнѣйшихъ отличій и въ такомъ смыслѣ аттествовать ихъ центральной власти, самъ не замѣчая, что способности и достоин-

ства имъ аттестуемаго заключаются въ одномъ отсутствіи свободной критической оцѣнки мнѣній его, предсѣдателя, и въ готовности поддерживать таковыя ловко подобранными мотивами. Точно также и оказывающіеся, при такихъ условіяхъ, на сторонѣ мнѣнія предсѣдателя—члены легко могутъ не давать себѣ отчета въ томъ, что подобная ихъ солидарность съ предсѣдателемъ есть плодъ безсознательнаго подчиненія ихъ мысли—мнѣнію послѣдняго.

Можетъ ли быть сомнѣніе въ томъ, что тамъ, гдѣ существуютъ въ коллегіи подобныя явленія, крайне тяжело служить членамъ ея, для которыхъ отказъ отъ самостоятельности въ своихъ сужденіяхъ по рѣшаемымъ дѣламъ и подчиненіе сихъ сужденій въ глубинѣ души нераздѣляемымъ чужимъ мнѣніямъ—дѣло немыслимое. Отчужденіе сослуживцевъ и прозваніе людьми безпокойными и строптивыми, съ дурнымъ характеромъ,—вотъ удѣлъ такихъ членовъ и ихъ награда за свою службу въ подобныхъ коллегіяхъ. Понятно, что тяжесть такого положенія по силамъ не многимъ, почему, при указанныхъ условіяхъ, не могутъ быть многочисленны и занимающіе его. Будучи же въ незначительномъ меньшинствѣ, они, конечно, безсильны съ успѣхомъ противоборствовать господствующимъ въ коллегіи порядкамъ, создаваемымъ большинствомъ.

Переживаемое нами время богато парадоксальными, по всевозможнымъ вопросамъ, сужденіями, въ числѣ которыхъ можетъ оказаться и мнѣніе о томъ, что отмѣченныя нами проявленія въ сферѣ коллегіальнаго разрѣшенія судебныхъ дѣлъ весьма желательны.

Въ настоящемъ трудѣ мы уже говорили, въ чемъ именно долженъ заключаться коллегіальный способъ разрѣшенія судебныхъ дѣлъ, а также выясняли значеніе этого способа вообще и указывали на историческія причины, вызвавшія его примѣненіе въ Россіи. Поэтому возражать на приведенное мнѣніе значило бы повторять уже сказанное. Ограничимся отвѣтомъ, что отмѣченныя нами проявленія обращаютъ коллегію въ совѣщательное присутствіе, въ которомъ высказанныя членами мнѣнія имѣютъ лишь совѣщательное значеніе для предсѣдателя, могущаго постановить рѣшеніе по дѣлу: или согласное съ большинствомъ поданныхъ по нему голосовъ, или согласное съ меньшинствомъ ихъ, или же несогласное ни съ тѣмъ и ни съ другимъ, а основанное на мнѣніи его, предсѣдателя.

Если такой способъ разрѣшенія судебныхъ дѣлъ болѣе цѣлесообразенъ, то о примѣненіи его, вмѣсто существующаго коллегіальнаго, должно быть предписано закономъ, соотвѣтствующее измѣненіе въ которомъ и надлежитъ провести въ установленномъ порядкѣ Употреблять же означенный способъ подъ фирмою „коллегіальнаго“— едва ли надлежитъ.

Но, по нашему мнѣнію, упраздненіе принципа коллегіальнаго разрѣшенія судебными учрежденіями наиболѣе важныхъ дѣлъ и существенныхъ по нимъ частныхъ вопросовъ заключаетъ въ себѣ серьезныя угрозы общественнымъ и государственнымъ интересамъ. Такое значеніе помянутаго принципа было сознано, какъ мы видѣли, еще Петромъ Великимъ и ярко имъ выражено въ изданныхъ по сему предмету указахъ. Съ того времени и до настоящаго это сознаніе проходитъ красною нитью во всѣхъ предпринимавшихся у насъ законодательныхъ работахъ по судоустройству. Въ виду всего этого принципъ коллегіальнаго разрѣшенія дѣлъ въ нашихъ судахъ не долженъ подлежать упраздненію. Напротивъ, надлежитъ обставить его примѣненіе такими условіями, которые въ должной мѣрѣ содѣйствовали бы наибольшей его плодотворности. Повторимъ, что сими условіями для всѣхъ вообще судебныхъ установленій, по нашему,выше мотивированному, мнѣнію, должны быть: удачно организованный надзоръ за ними, въ коемъ первое мѣсто надлежитъ отвести періодическимъ и обстоятельнымъ, по заранѣе выработанному плану производимымъ, сенаторскимъ ревизіямъ каждаго судебнаго округа; затѣмъ, надлежащая организація дисциплинарной отвѣтственности судей, долженствующей направлять самостоятельность суда и независимость судьи къ достиженію намѣченныхъ для нихъ законодателемъ цѣлей; далѣе, удостоеніе судей наградами на иначе, какъ на основаніи обнаруженныхъ сенаторскою ревизіею данныхъ о ихъ дѣятельности,—и, наконецъ, увеличеніе получаемыхъ судьями годовыхъ окладовъ жалованья: старшими, по количеству прослуженныхъ лѣтъ на должности, членами окружнаго суда—въ размѣрѣ 3000 рублей, а младшими—2500 рублей, и старшими членами судебной палаты въ размѣрѣ 4500 рублей, младшими же—4000 рублей. При этомъ число окладовъ для старшихъ судей должно быть равно половинѣ числа всѣхъ судейскихъ окладовъ, чтобы каждый, прослужившій на должности члена

суда или члена палаты въ теченіе извѣстнаго періода времени, напримѣръ—десяти лѣтъ, могъ получить высшій, его должности присвоенный, окладъ жалованья.

Такое увеличеніе получаемаго членами окружныхъ судовъ жалованья не велико, но оно дастъ имъ средства удовлетворять свои необходимыя потребности. Имѣющаяся же для сихъ судей возможность, при правильной системѣ замѣщенія вакантныхъ должностей по судебному вѣдомству, добиться, путемъ примѣрной службы, назначенія на должность съ высшимъ окладомъ (товарища предсѣдателя или прокурора суда)—должна давать имъ основательную надежду на улучшеніе въ будущемъ ихъ матеріальнаго положенія.

Что же касается указанныхъ нами окладовъ жалованья для членовъ судебныхъ палатъ, то таковые значительно выше окладовъ членовъ окружныхъ судовъ—потому, что первую должность занимаютъ люди, уже много лѣтъ служащіе и, потому, по преимуществу пожилые, имѣющіе, большею частью, дѣтей высшаго школьнаго возраста, требующаго значительныхъ расходовъ на ихъ обученіе. Между тѣмъ большая часть членовъ окружныхъ судовъ—люди молодые, еще не обремененные вступившими въ высшій школьный возрастъ дѣтьми. Кромѣ того, практикующееся нынѣ и долженствующее, для пользы службы, практиковаться въ будущемъ назначеніе на должность члена судебной палаты съ должностей товарища предсѣдателя или прокурора суда—должно, по справедливости, вести за собою повышеніе получаемаго на этихъ двухъ послѣднихъ должностяхъ оклада жалованья хотя бы на 500 рублей, которыми вознагражденіе члена палаты за трудъ лишь сравняется съ нынѣ получаемымъ товарищами прокуроровъ палатъ годовымъ окладомъ. Необходимость же прибавки жалованья до 4500 рублей для значительное число лѣтъ прослужившихъ на должности члена палаты—лицъ обусловливается отсутствіемъ у огромнаго большинства ихъ—возможности имѣть какое либо дальнѣйшее движеніе по службѣ, которое дало бы имъ необходимыя матеріальныя средства на устройство въ жизни окончившихъ воспитаніе дѣтей, а также на удовлетвореніе и своихъ собственныхъ потребностей въ жизненныхъ удобствахъ, на которыя даютъ право и почтенный возрастъ нуждающагося въ такой прибавкѣ жалованья—члена судебной палаты и его слабѣющія силы. потраченныя на многолѣт-

нюю тяжелую службу въ разныхъ, отвѣтственныхъ, должностяхъ по судебному вѣдомству.

Но, кромѣ перечисленныхъ общихъ условій, коими должна быть обставлена дѣятельность и окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ, эта дѣятельность нуждается еще въ особыхъ благопріятныхъ условіяхъ, необходимыхъ только для тѣхъ, или же для другихъ названныхъ судебныхъ коллегій. Въ настоящей главѣ мы уже разсмотрѣли почти всѣ таковыя особыя условія для дѣятельности судебныхъ палатъ и теперь лишь кратко ихъ перечислимъ и присоединимъ къ нимъ одно, еще нами неуказанное. Этими условіями служатъ: правильное распредѣленіе работы по всѣмъ отраслямъ дѣятельности судебной палаты между ея личнымъ составомъ, съ образованіемъ для занятій дѣлами обвинительной камеры особаго департамента палаты, члены котораго ни въ обыкновенное и ни въ вакаціонное лѣтнее время не отвлекались бы отъ своихъ помянутыхъ занятій—работою изъ круга дѣятельности другихъ департаментовъ палаты; затѣмъ, категорическое воспрещеніе назначать параллельныя, т. е. идущія въ одно и тоже время въ разныхъ мѣстахъ судебнаго округа, сессіи палаты, что́ необходимо для устраненія ослабленія, въ количественномъ отношеніи, остающагося на мѣстѣ личнаго состава палаты; далѣе, довольствіе членовъ судебныхъ палатъ, при служебныхъ разъѣздахъ, прогонными и суточными деньгами въ размѣрѣ, дѣйствительно потребномъ на эти разъѣзды; засимъ, упраздненіе дѣятельности судебныхъ палатъ въ качествѣ дисциплинарнаго суда надъ состоящими въ ихъ округѣ судьями, съ отнесеніемъ этой дѣятельности въ кругъ обязанностей Высшаго Дисциплинарнаго Присутствія Правительствующаго Сената, которое, для возможности осуществленія сего, надлежитъ реорганизовать,—и, наконецъ, отмѣна постановленія 256-й ст. учр. суд. уст.—въ той его части, которою дозволяется возлагать обревизованіе окружныхъ судовъ и мировыхъ установленій на предсѣдателей и членовъ судебныхъ палатъ, а также упраздненіе порядка, по которому на членовъ палатъ иногда возлагались обязанности ревизоровъ или ихъ помощниковъ внѣ округа ихъ службы. Необходимость сего мы уже доказывали. Къ сказанному въ этомъ отношеніи остается добавить, что численность личнаго состава судебныхъ палатъ соразмѣрена съ количествомъ въ нихъ работы.

Поэтому командированіе одного изъ членовъ палаты на ревизію лишаетъ послѣднюю, на болѣе или менѣе продолжительное время, того числа рабочихъ рукъ, которое признано закономъ необходимымъ для правильной постановки и успѣшнаго веденія въ ней дѣла.

Въ заключеніе укажемъ на необходимость принятія еще одной мѣры, долженствующей дать надлежащее направленіе вполнѣ естественному стремленію членовъ судебныхъ палатъ пользоваться въ концѣ своей многолѣтней службы и послѣ нея тѣмъ почетомъ въ служилой средѣ и обществѣ, который, чтобы тамъ ни говорили противъ этого, даетъ состоящему на государственной службѣ лицу полученіе имъ высшихъ чиновъ и высшихъ степеней орденовъ, служащихъ наглядным доказательствомъ признанія за нимъ особыхъ заслугъ и служебныхъ отличій. Къ тому же такіе чины и ордена, кромѣ почета, даютъ настолько существенныя, для нашего времени, права и преимущества, что эти послѣднія дѣлаютъ ихъ еще болѣе привлекательными. Такъ, полученіе, напримѣръ, съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника или съ орденомъ св. Владиміра, какой либо степени, потомственнаго дворянства и сопряженнаго съ нимъ права на обученіе своихъ дѣтей въ привиллегированныхъ заведеніяхъ, воспитанникамъ коихъ открывается болѣе широкій путь къ служебной карьерѣ, чѣмъ окончившимъ курсъ наукъ въ иныхъ заведеніяхъ—юношамъ,—весьма существенная награда для лица, непринадлежащаго, по своему рожденію, къ потомственному дворянству. И кому изъ близко стоящихъ къ чиновничьему міру людей неизвѣстно, что полученіе чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника есть для достигшаго сего лица переходъ чрезъ Рубиконъ, совершеніе котораго, въ качествѣ блестящаго служебнаго шага, признается и тѣми, кто не прочь, при подходящей обстановкѣ, разразиться филиппикою противъ карьеризма и безнравственности стремленія къ полученію внѣшнихъ знаковъ отличія.

Требовать, чтобы состоящіе на государственной службѣ лица были выше стремленія ко всѣмъ этимъ, пріобрѣтаемымъ наградами, почету, правамъ и преимуществамъ и чтобы они находили себѣ удовлетвореніе не въ наградахъ, а въ сознаніи исполненнаго ими долга,—значитъ игнорировать природу средняго современнаго че-

ловѣка, т. е. дѣлать ошибку признаніемъ рѣдкихъ качествъ исключительныхъ людей—принадлежащими многимъ обыкновеннымъ людямъ. И такая ошибка всегда дастъ себя знать возникновеніемъ ею обусловливаемыхъ явленій.

Подобную ошибку, по нашему мнѣнію, и сдѣлали творцы судебныхъ уставовъ, полагавшіе, что всѣ состоящіе на должности члена судебной палаты — лица будутъ цѣнить продоставляемую имъ этою должностью служебную обстановку, лишь какъ дающую „существенныя средства для добросовѣстной дѣятельности на пользу общества“ [1]), и, довольствуясь симъ, не станутъ стремиться къ наилучшему устройству собственнаго быта и своей служебной карьеры.

Такой оптимизмъ, неоправдываемый господствующими въ современномъ обществѣ взглядами на призваніе и цѣль жизни человѣка, привелъ, между прочимъ, и къ признанію, что такъ какъ „обязанности каждаго судьи независимо отъ того, состоитъ ли онъ членомъ низшаго или высшаго суда, суть совершенно тождественныя, то необходимо, чтобы всѣ судьи были равны другъ другу и по классу должности“ [2])…..

Насколько это положеніе не отвѣчаетъ требованіямъ дѣйствительности, видно уже изъ одного того, что провести его въ жизнь, въ видѣ соотвѣтствующей мѣры, т. е. по отношенію къ судьямъ всѣхъ трехъ судебныхъ инстанцій, не представилось возможнымъ, ибо, уравнявъ 237-ой статьей учр. суд. уст., въ классѣ должности, членовъ судебныхъ палатъ и членовъ окружныхъ судовъ, а равно мировыхъ судей, законъ не могъ, конечно, уравнять съ ними, въ этомъ отношеніи, членовъ кассаціонныхъ департаментовъ сената, т. е. судей-сенаторовъ, которыхъ, по должности, отнесъ къ 3-му классу.

Даже и въ томъ видѣ, въ какомъ принципъ равенства судей всѣхъ инстанцій нашелъ себѣ выраженіе въ редакціи 237-й ст. учр. суд. уст., этому принципу не суждено было имѣть желаемое законодателемъ примѣненіе въ жизни. Такъ, принявъ во вниманіе, что производство судей въ чины будетъ поддерживать между ними

---

[1]) См. объясненіе на 248 ст. у. с. у.

[2]) См. объясненіе на 236 ст. у. с. у.

различіе въ послѣднихъ, которое „недопуститъ установиться равенству судей, поставитъ ихъ въ неправильныя другъ къ другу отношенія, и даже иногда дастъ перевѣсъ мнѣнію старшаго чиномъ надъ мнѣніемъ младшаго“, что „можетъ быть не совсѣмъ согласно съ справедливостью“,—творцы судебныхъ уставовъ находили необходимымъ „считать всѣхъ судей, состоящихъ въ одномъ и томъ же классѣ должности, совершенно равными между собою и затѣмъ не создавать искусственнаго между ними неравенства посредствомъ поддержанія различія въ чинахъ“ [1]).

Какіе же дало результаты это благое стремленіе къ устраненію „неравенства“ между судьями, „поддерживаемаго различіемъ въ чинахъ“? Какъ отнеслась къ сему стремленію суровая дѣйствительность? Отвѣтъ на эти вопросы дадутъ свѣдѣнія о службѣ личнаго состава судебныхъ палатъ, изъ каковыхъ свѣдѣній видно, что въ каждой палатѣ имѣется значительное число членовъ ея, получившихъ на этой должности чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и высшую степень орденовъ св. Станислава и Анны. Изъ остальныхъ же, неудостоенныхъ сего, многіе уходятъ со службы въ отставку или умираютъ во время состоянія на должности члена палаты, не только не получивъ помянутыхъ большихъ чина и орденовъ, но не имѣя иногда даже и такихъ знаковъ отличія, коими награждаются, сплошь и рядомъ, становые пристава и исправники. Между тѣмъ число лѣтъ службы сихъ пасынковъ счастія весьма нерѣдко превышаетъ число лѣтъ службы отличенныхъ высшими наградами членовъ палаты.

Мы и не думаемъ оспаривать, что эти пасынки служебной карьеры сами способствуютъ устройству себѣ такого служебнаго положенія, вызывая его тѣмъ или другимъ характеромъ своей судейской дѣятельности, и указываемъ на это явленіе вовсе не для защиты ихъ интересовъ. Мы лишь констатируемъ фактъ раздѣленія состава членовъ каждой судебной палаты на удостоенныхъ чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника и высшихъ орденовъ и не удостоенныхъ.

И если принять въ соображеніе, что названный чинъ даетъ весьма существенныя права и преимущества, а также почетъ въ

[1]) См. объясненіе на 248 ст. у. с. у.

служилой средѣ и обществѣ, и что равное сему служебное положеніе присвоивается чиновнику только должностью 4-го класса,— должность же члена судебной палаты состоитъ въ недающемъ этого положенія 5-мъ классѣ, то будетъ понятно, насколько существенно различіе служебнаго положенія членовъ палаты, имѣющихъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, и членовъ палаты, его неимѣющихъ, а также станетъ ясно, что это различіе легко можетъ сказаться во взаимныхъ отношеніяхъ тѣхъ и другихъ членовъ и весьма нежелательно отразиться на дѣлѣ ихъ службы.

Изъ сего ненормальнаго положенія есть лишь два выхода: одинъ заключается въ совершенномъ прекращеніи награжденія судей вообще и членовъ судебныхъ палатъ въ частности—чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и орденами, каковая мѣра, какъ опытъ показалъ, не соотвѣтствуетъ требованіямъ современности,—а второй выходъ изъ указаннаго, нежелательнаго положенія, состоитъ въ переведеніи должности члена судебной палаты изъ 5-го въ 4-й классъ.

Эту послѣднюю мѣру мы и предлагаемъ, находя ее во всѣхъ отношеніяхъ цѣлесообразною.

Никто, конечно, не станетъ возражать противъ того, что обязанности судьи на должности сенатора кассаціонныхъ департаментовъ требуютъ въ бо́льшей степени и общаго умственнаго развитія, и теоретическихъ спеціальныхъ знаній, и служебной опытности, чѣмъ обязанности судьи на должности члена судебной палаты. Равнымъ образомъ, надлежащее исполненіе обязанностей члена судебной палаты требуютъ бо́льшей служебной опытности отъ занимающаго эту должность лица, чѣмъ таковое же выполненіе своихъ обязанностей членомъ окружнаго суда. Поэтому едва ли есть достаточное основаніе признавать обязанности каждаго изъ сихъ трехъ судей „совершенно тождественными“, какъ это находили творцы судебныхъ уставовъ.

Если же судейскія обязанности сенатора, члена судебной палаты и члена окружнаго суда не тождественны и, вслѣдствіе сего, достаточная подготовка къ судейской дѣятельности на должности члена окружнаго суда еще не достаточна для судейской дѣятельности на должности члена судебной палаты, то нѣтъ также осно-

ванія признавать нарушеніемъ справедливости состояніе должностей члена судебной палаты и члена окружнаго суда въ разныхъ классахъ. Напротивъ, доказанная опытомъ необходимость предварительнаго прохожденія членомъ судебной палаты, въ теченіе значительнаго числа лѣтъ, службы на должностяхъ—сначала члена или товарища прокурора окружнаго суда, а затѣмъ товарища предсѣдателя или прокурора суда, для достиженія требуемой дѣятельностью члена палаты—подготовки, — дѣлаетъ справедливымъ отнесеніе должности послѣдняго къ высшему классу противъ должности члена суда, какъ вполнѣ справедливо, что судьи-сенаторы, по классу своей должности, выше всѣхъ другихъ судей.

Посему состояніе должностей: члена окружнаго суда въ 5-мъ классѣ, члена судебной палаты въ 4-мъ и судьи сенатора въ 3-мъ классѣ будетъ надлежащею градаціею, соотвѣтствующею степени значенія самой судейской дѣятельности на каждой изъ сихъ должностей и степени необходимой, для занятія ихъ судьею, подготовки его къ этому.

Что касается полезныхъ результатовъ отъ разсматриваемой мѣры, то ими несомнѣнно будутъ слѣдующія явленія.

Награжденіе кого либо изъ членовъ судебной палаты чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, при состояніи этой должности въ 4-мъ классѣ, лишь закрѣпитъ за личностью награжденнаго предоставляемое ему должностью служебное положеніе, а не возвыситъ для него таковое. При такомъ условіи означенная награда не можетъ нарушить равенства въ служебномъ положеніи членовъ, получившихъ ее и не получившихъ. Кромѣ сего, награжденіе чиномъ 4-го класса на должности 4-го класса является лишь вопросомъ времени, при наличности необходимыхъ для сего служебныхъ качествъ лица, желающаго имѣть эту награду. Посему самое ожиданіе ея занимающимъ должность 4-го класса—лишено того остраго характера, который присущъ ожиданію помянутаго чина на должности 5-го класса, ибо на ней чинъ сей дается въ видѣ исключенія, хотя и часто, болѣе или менѣе, повторяющагося.

Затѣмъ, состояніе должностей членовъ и предсѣдателей судебной палаты въ одномъ и томъ же 4-мъ классѣ приведетъ къ необходимому для этой, отправляющей столь важныя функціи, судебной коллегіи равенству значенія въ ней предсѣдателей и чле-

новъ, о которомъ такъ хлопочетъ г. Мѣщаниновъ, высказавшій вѣрный взглядъ, что въ предающей уголовному суду коллегіи предсѣдатель долженъ быть по отношенію къ ея членамъ только „primus inter pares“. При такомъ же положеніи членовъ въ коллегіи, эти послѣдніе не могутъ быть въ глазахъ предсѣдателя мелкими сошками, вырастающими въ крупной величины особу лишь при помощи необходимой для сего аттестаціи ихъ предъ центральною властью со стороны его, предсѣдателя.....

Наконецъ, состояніе должности члена судебной палаты въ 4-мъ классѣ, при полученіи старшимъ членомъ палаты годоваго оклада жалованья въ 4500 рублей, уравняетъ служебное положеніе этого должностнаго лица съ служебнымъ положеніемъ предсѣдателя окружнаго суда, классы должности и жалованье коего тѣ же самые. Такое уравненіе, устранивъ существующія нынѣ причины къ стремленію членовъ палатъ получить должность названнаго предсѣдателя или какую либо другую, помѣшаетъ уходу съ мѣста члена палаты способнѣйшихъ изъ состоящихъ на сей должности. Равно, проектируемое нами возвышеніе служебнаго положенія на должности члена судебной палаты увеличитъ число желающихъ занять ее— между наилучше подготовленными лицами, что̀ дастъ центральной власти вѣдомства возможность тщательнаго выбора кандидатовъ для замѣщенія этой должности.

Въ настоящей главѣ намъ остается разсмотрѣть послѣднее условіе качественной стороны дѣятельности современной обвинительной камеры, которымъ служитъ та или другая постановка дѣятельности прокуратуры, по участію ея въ актѣ преданія суду.

Нѣтъ сомнѣнія, что это участіе прокуроровъ въ означенномъ дѣлѣ будетъ имѣть вполнѣ надлежащее проявленіе лишь при соотвѣтствіи общей организаціи прокурорскаго надзора всѣмъ преслѣдуемыхъ имъ цѣлямъ, одна изъ коихъ, и притомъ главнѣйшихъ, есть нынѣ—надзоръ за дѣятельностью судебныхъ учрежденій. Но такъ какъ эта дѣятельность весьма много зависитъ отъ характера дѣятельности самой прокуратуры по участію въ судебномъ процессѣ, то дѣло означеннаго надзора является для нея не исполнимымъ и, потому, подлежащимъ упраздненію, какъ это мы подробно доказы-

вали въ своей журнальной статьѣ „Желательное будущее прокуратуры“ [1]).

Но, за неимѣніемъ у насъ возможности вдаваться въ настоящемъ трудѣ въ разработку вопроса объ общей реорганизаціи прокуратуры въ качествѣ обвинительной власти, мы, по необходимости, должны ограничиться разсмотрѣніемъ законоположеній и созданныхъ, на почвѣ ихъ, практикою, порядковъ, касающихся одного непосредственнаго участія прокуроровъ въ преданіи судебною палатою уголовному суду, каковое ближайшее участіе выражется въ письменныхъ работахъ прокуратуры, по вносимымъ ею въ обвинительную камеру дѣламъ, и въ словесныхъ заключеніяхъ, даваемыхъ чинами палатскаго прокурорскаго надзора въ засѣданіяхъ сей камеры.

На основаніи 510 — 525 ст. у. у. с., всѣ, вносимыя въ обвинительную камеру судебной палаты, прокурорскія письменныя работы, какъ то: обвинительные акты о преданіи суду и заключенія о прекращеніи слѣдствія, измѣненіи порядка подсудности дѣла, раздѣленіи предметовъ изслѣдованія и проч., за исключеніемъ тѣхъ изъ нихъ, кои составляются по дѣламъ, подлежащимъ разрѣшенію особаго присутствія палаты, съ участіемъ сословныхъ представителей,—должны изготовляться чинами окружной прокуратуры, которой вмѣнено также въ обязанность, „въ случаѣ очевидной неполноты произведеннаго слѣдствія, не представляющей возможности составить правильное заключеніе о существѣ дѣла“, обращать его къ дослѣдованію (512 ст.) Къ обязанностямъ же чиновъ палатской прокуратуры законъ отнесъ во 1-хъ) внесеніе въ обвинительную камеру, при письменныхъ предложеніяхъ прокурора палаты, представленныхъ ему прокуроромъ окружнаго суда,—дѣлъ, съ письменными по нимъ заключеніями окружной прокуратуры (523 и 529 ст. у. у. с.), и во 2-хъ) дачу словесныхъ заключеній по тѣмъ же дѣламъ въ засѣданіи обвинительной камеры палаты. Эта послѣдняя обязанность формулирована въ законѣ такимъ образомъ: послѣ доклада обвинительной камерѣ, членомъ палаты, дѣла „прокуроръ судебной палаты читаетъ заключеніе мѣстнаго

[1]) №№ 37—40 «Судебной Газеты» за 1894 г.

прокурора и объясняетъ свой собственный взглядъ на дѣло, предлагая при этомъ и окончательные свои выводы“ (531—532 ст. у. у. с.).

Опредѣливъ такія обязанности палатской прокуратуры, законодатель разъясняетъ въ 539 ст. у. у. с., что прокуроръ палаты „не вправѣ требовать, чтобы мѣстный прокуроръ поддерживалъ обвиненіе вопреки своему убѣжденію“ противъ тѣхъ обвиняемыхъ, о которыхъ онъ полагалъ прекратить дѣло, а судебная палата, вмѣсто сего, предала ихъ суду, въ какихъ случаяхъ исполненіе обязанностей обвинителя можетъ быть возложено на другое лицо прокурорскаго надзора. Изложеннымъ исчерпываются всѣ постановленія закона, опредѣляющія, въ чемъ должна заключаться дѣятельность прокуратуры судебной палаты по участію въ преданіи уголовному суду.

На почвѣ же приведенныхъ законоположеній создалась слѣдующая, державшаяся до послѣдняго времени, практика.

Вносимыя въ палату прокурорскія письменныя заключенія по дѣламъ, рѣшаемымъ окружнымъ судомъ съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, составляются товарищами прокурора суда, которые самостоятельно разрѣшаютъ вопросъ и о достаточной полнотѣ направляемаго ими слѣдственнаго производства и о наличности необходимыхъ условій для преданія обвиняемыхъ лицъ суду или для прекращенія о нихъ слѣдствія. Эти заключенія, съ дѣлами, представляются прокурору окружнаго суда, который, получая, обыкновенно, отъ всѣхъ товарищей по своей должности болѣе сотни подобныхъ дѣлъ и заключеній по нимъ—въ мѣсяцъ и будучи занятъ исполненіемъ, возложенныхъ на него закономъ, многообразныхъ обязанностей по завѣдыванію прокурорскою камерою и присутствованію въ многочисленныхъ засѣданіяхъ окружнаго суда и разныхъ губернскихъ учрежденій,—не всегда имѣетъ достаточно времени даже для бѣглаго просмотра помянутыхъ письменныхъ работъ товарищей прокурора. Между тѣмъ, подобный просмотръ можетъ привести къ устраненію лишь внѣшнихъ недостатковъ этихъ работъ, какъ, напримѣръ: къ исправленію такой формулировки обвиненія въ актѣ, въ его окончательномъ выводѣ, которая не соотвѣтствуетъ подведенной къ преступному дѣянію обвиняемаго статьѣ уголовнаго закона, или же къ измѣненію приведенныхъ

въ заключеніи мотивовъ на прекращеніе слѣдствія, въ виду несогласія ихъ съ изложенными въ семъ заключеніи обстоятельствами дѣла и относящимися къ разсматриваемому случаю законами. Прочитать же самое слѣдственное производство и этимъ путемъ провѣрить правильность даваемаго товарищемъ прокурора направленія дѣлу прокуроръ окружнаго суда въ состояніи учинить только по весьма немногимъ дѣламъ, имѣющимъ такой счастливый удѣлъ въ видѣ исключенія, обусловливаемаго или выдавшимся, болѣе обыкновеннаго, свободнымъ у прокурора временемъ или же обратившими его особенное вниманіе, изъ ряда выходящими, наружными недостатками просматриваемой имъ, прокуроромъ, работы своего товарища. При такомъ условіи контроль прокурора окружнаго суда за дѣятельностью товарищей прокурора по состаяленію письменныхъ заключеній является весьма слабымъ и неспособнымъ въ должной мѣрѣ содѣйствовать вступленію къ прокурору палаты правильно составленныхъ окружною прокуратурою обвинительныхъ актовъ и заключеній по дѣламъ, подлежащимъ внесенію въ палату. Однако помянутый контроль особенно необходимъ по отношенію къ дѣятельности товарищей прокурора суда, ибо громадное большинство ихъ состоитъ изъ людей молодыхъ, еще не пріобрѣтшихъ такихъ практическихъ знаній и опыта, которые необходимы для умѣлой, правильной постановки прокуратурою дѣлъ въ обвинительную камеру и даются продолжительною службою на разныхъ, прокурорскихъ и судейскихъ, должностяхъ.

Затѣмъ, возникшая на примѣненіи буквальнаго смысла 532 ст. у. у. с.—практика, существовавшая до послѣднихъ дней, усвоила обычай внесенія въ обвинительную камеру палаты, ея прокуроромъ, дѣлъ и составленныхъ по нимъ чинами окружной прокуратуры заключеній безъ всякихъ замѣны и исправленія сихъ послѣднихъ палатскою прокуратурою—какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда таковыя заключенія, по мнѣнію ознакомившагося съ ними товарища прокурора палаты, являлись совершенно неудовлетворительными, такъ, равно, и въ тѣхъ, когда въ нихъ замѣчались подлежащія исправленію ошибки. При этомъ дающее словесное заключеніе, въ обвинительной камерѣ, лицо палатской прокуратуры ограничивалось указаніемъ палатѣ на необходимость или замѣны неправильно составленнаго окружною прокуратурою заключенія опредѣленіемъ

палаты или исправленія ею вкравшихся въ таковое заключеніе ошибокъ.

Такая практика являлась настолько преобладающею, что говорить о шедшей съ нею въ разрѣзъ дѣятельности, въ указанномъ отношеніи, нѣкоторыхъ чиновъ палатской прокуратуры не представляется основанія, ибо подобная дѣятельность имѣла значеніе исключительныхъ фактовъ, и, притомъ, не всегда возводимыхъ въ систему и тѣми, въ службѣ коихъ эти факты встрѣчались.

Описанный порядокъ изготовленія прокуратурою вносимыхъ въ обвинительную камеру палаты письменныхъ заключеній по вопросу о преданіи суду—привелъ къ тому, что вся работа по исправленію и замѣнѣ неудовлетворительно составленныхъ товарищами прокурора окружнаго суда обвинительныхъ актовъ и заключеній пала на одну судебную палату, которая, при подобной практикѣ, нерѣдко вынуждается къ замѣнѣ своими опредѣленіями или къ исправленію названныхъ письменныхъ прокурорскихъ работъ—и въ томъ случаѣ, когда онѣ страдаютъ чисто внѣшними недостатками, какъ то: неясностью изложенія, крайнею, недающею понятія о существѣ дѣла, сжатостью этого изложенія, неправильностью формулировки обвиненія въ актѣ о преданіи суду и, даже, существенными грамматическими ошибками. Такая дѣятельность судебной палаты въ большинствѣ случаевъ являлась согласною съ предъявленными ей по сему предмету чинами палатской прокуратуры заключеніями, а иногда сими чинами возбуждался и самый вопросъ о необходимости помянутыхъ дѣйствій палаты, для устраненія поименованныхъ выше недостатковъ во внесенныхъ въ обвинительную камеру письменныхъ заключеніяхъ окружной прокуратуры.

Эта дѣятельность палаты по выправленію письменныхъ работъ окружной прокуратуры и замѣнѣ ихъ палатскими опредѣленіями — и въ тѣхъ случаяхъ, когда означенныя работы признаются въ томъ же отношеніи неудовлетворительными и палатскою прокуратурою, обращаетъ на себя вниманіе своими слѣдующими послѣдствіями.

Исполненіе обвинительною камерою судебной палаты такой чужой работы, увеличивая количество работы членовъ палаты по изготовленію палатскихъ опредѣленій и количество работы ея

канцеляріи по перепискѣ этихъ опредѣленій и копій съ нихъ,— ведетъ къ задержанію дѣлъ въ палатѣ на болѣе или менѣе продолжительное время.

Такимъ образомъ, остановившій на себѣ вниманіе г. Мѣщанинова фактъ болѣе продолжительнаго нахожденія дѣлъ въ обвинительной камерѣ палаты, чѣмъ въ камерѣ ея прокурора, является результатомъ неправильной постановки дѣятельности прокуратуры по ея участію въ актѣ преданія суду, а не послѣдствіемъ ненадлежащей дѣятельности, въ указанномъ отношеніи, судебныхъ палатъ, какъ то полагаетъ названное лицо.

Затѣмъ, разсматриваемая нами практика исправленія и замѣны всѣхъ вообще неудовлетворительно составленныхъ окружною прокуратурою заключеній—обвинительною камерою палаты, безъ непосредственнаго активнаго участія въ томъ палатской прокуратуры, выясняетъ, что г. Мѣщаниновъ сдѣлалъ и другую ошибку, признавъ контроль судебныхъ палатъ надъ дѣятельностью прокуратуры по преданіи суду „неосязательнымъ въ цифровомъ отношеніи". Такое свое мнѣніе онъ основалъ на взятыхъ изъ отчетовъ цифровыхъ данныхъ о количествѣ замѣненныхъ палатскими опредѣленіями прокурорскихъ обвинительныхъ актовъ и заключеній о прекращеніи слѣдствія. Между тѣмъ, въ отчеты заносятся лишь такія опредѣленія палаты, которыми измѣняется самый характеръ даваемаго прокуратурою направленія дѣлу, т. е. когда ими, вмѣсто проектированнаго прокуроромъ преданія обвиняемаго суду, слѣдствіе прекращается, или, вмѣсто проектированнаго прекращенія слѣдствія, обвиняемый предается суду. Замѣна же неудовлетворительно составленныхъ прокуроромъ: обвинительнаго акта—палатскимъ опредѣленіемъ о преданіи суду или заключенія о прекращеніи слѣдствія—опредѣленіемъ палаты о таковомъ же его прекращеніи— въ отчетахъ вовсе не указывается и, потому, эта, весьма значительная въ количественномъ отношеніи, работа палаты совершенно скрыта отъ глазъ разсматривающаго отчетъ лица.

Еще болѣе нежелательнымъ послѣдствіемъ описанной практики явилось устраненіе ею того руководства со стороны чиновъ палатской прокуратуры по отношенію къ направленію окружною прокуратурою вносимыхъ въ палату дѣлъ и составленію по нимъ

письменныхъ заключеній, которое несомнѣнно будетъ проявляться при непосредственномъ исправленіи сихъ заключеній и замѣнѣ непригодныхъ изъ нихъ другими—въ камерѣ прокурора палаты. Долженствующее вытекать изъ этого послѣдняго порядка естественное желаніе лицъ палатской прокуратуры избавить себя отъ излишней въ указанномъ отношеніи работы, обременяющей нынѣ палату именно вслѣдствіе постоянныхъ повтореній въ письменныхъ заключеніяхъ чиновъ окружной прокуратуры однихъ и тѣхъ же недостатковъ, служитъ лучшею порукою въ томъ, что это явленіе не будетъ имѣть мѣста при систематическихъ и своевременныхъ указаніяхъ на означенные недостатки виновникамъ ихъ и при неуклонномъ отъ нихъ требованіи не допускать таковые,—на каковое руководство окружною прокуратурою имѣетъ неоспоримое право палатская прокуратура и не имѣетъ и не можетъ имѣть обвинительная камера палаты.

Нѣтъ сомнѣнія, что палата, уполномоченная законодателемъ „имѣть, въ качествѣ камеры обвиненія, косвенный и небезполезный надзоръ за дѣйствіями власти обвинительной въ отношеніи къ возбужденію уголовныхъ исковъ и самаго ихъ преслѣдованія“ [1]),— не призвана, однакоже, не только къ вышеуказанному непосредственному руководству и направленію дѣятельности чиновъ прокуратуры по преданію суду, но даже и къ такому указанію этимъ чинамъ на неудовлетворительность означенной дѣятельности ихъ, которое въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ осуществляется путемъ видимыхъ для всѣхъ исправленій ею, палатою, прокурорскихъ письменныхъ заключеній. И если обвинительная камера палаты дозволяетъ себѣ дѣлать подобныя исправленія, то вынуждается къ сему во 1-хъ) невозможностью утверждать такія изъ этихъ заключеній, которыя страдаютъ существенными недостатками, и во 2-хъ) полною невозможностью замѣнять каждое подобное заключеніе своимъ опредѣленіемъ, ибо таковая практика завалила бы канцелярію палаты работою по перепискѣ означенныхъ опредѣленій и

[1]) См. объясненіе на 536 ст. у. с. у.

копій съ нихъ и вызвала бы еще болѣе продолжительное, чѣмъ нынѣ наблюдаемое, нахожденіе дѣлъ въ палатѣ.

Тѣмъ не менѣе, исправленіе палатою прокурорскихъ письменныхъ заключеній не находитъ себѣ сочувствія между чинами прокуратуры, полагающими, что тѣ изъ сихъ заключеній, которыя признаются обвинительною камерою составленными неправильно, она должна замѣнять своими опредѣленіями, а не исправлять. Мы уже знаемъ мнѣніе по этому предмету одного изъ бывшихъ представителей окружной прокуратуры — г. Мѣщанинова, который изображаетъ положеніе ея чиновъ въ разсматриваемомъ отношеніи въ слѣдующихъ, полныхъ трагизма, словахъ: „....отнимаются руки, опускается голова и пропадаетъ всякая энергія“ у чиновъ окружной прокуратуры отъ дѣлаемыхъ въ ихъ работѣ поправокъ „контролеромъ (членомъ палаты), „которому почему то присвоена дискреціонная власть, хотя этотъ контролеръ вовсе не является ихъ начальствомъ“.

Казалось бы, лучшимъ средствомъ вывести чиновъ окружной прокуратуры изъ такого тяжелаго положенія является несуществовавшая до послѣдняго времени практика исправленія и замѣны страдающихъ недостатками письменныхъ заключеній этихъ чиновъ— въ камерѣ прокурора палаты, что̀ несомнѣнно устранитъ необходимость исправленія сихъ заключеній въ палатѣ по значительному числу дѣлъ и дастъ послѣдней возможность не исправлять, а замѣнять своими опредѣленіями—тѣ, сравнительно, немногія письменныя заключенія прокуратуры, которыя могутъ быть признаны неудовлетворяющими требованіямъ необходимости и послѣ ихъ исправленія въ камерѣ прокурора палаты.

Однако такая полезная мѣра не имѣла надлежащаго примѣненія до самаго послѣдняго времени, ибо принятіе ея, въ качествѣ общей мѣры для всѣхъ судебныхъ округовъ имперіи, составляетъ только что совершившееся, выдающееся своимъ значеніемъ, событіе, о которомъ мы сейчасъ и будемъ говорить.

Но прежде укажемъ причину, которая, по нашему мнѣнію, побуждаетъ г. Мѣщанинова и его единомышленниковъ изъ среды лицъ прокурорскаго надзора настолько неблагосклонно относиться къ установленному закономъ „косвенному и небезполезному контролю судебныхъ палатъ, въ качествѣ камеры обвиненія, за дѣйствіями власти обвинительной въ отношеніи къ возбужденію

уголовныхъ исковъ и самаго ихъ преслѣдованія", что эти лица дошли даже до признанія необходимости упразднить обвинительную камеру судебной палаты и передать дѣло преданія уголовному суду исключительно въ руки прокуратуры.

Вникая въ существо общей дѣятельности прокурорскаго надзора и обвинительной камеры судебныхъ палатъ и входя въ разсмотрѣніе взаимныхъ ихъ отношеній, нельзя не придти къ убѣжденію, что причина нерасположенія чиновъ прокуратуры къ названной камерѣ кроется въ основахъ организаціи существующаго у насъ прокурорскаго института, преслѣдующаго, по закону, своею дѣятельностью двоякую и, какъ мы уже доказывали, недостижимую по этой своей раздвоенности—цѣль изобличенія предъ уголовнымъ судомъ совершившихъ преступленіе лицъ и наблюденія за исполненіемъ закона—всѣми, безъ исключенія, судебными мѣстами и должностными лицами судебнаго вѣдомства.

Будучи надѣлена, такимъ образомъ, властью надзора и за дѣятельностью обвинительной камеры судебныхъ палатъ и ихъ членовъ, прокуратура, съ другой стороны, сама находится, въ своей дѣятельности по возбужденію уголовнаго преслѣдованія и преданію суду, подъ контролемъ тѣхъ же самыхъ судебныхъ палатъ. Этою ненормальною постановкою дѣятельности прокурорской обвинительной власти вполнѣ объясняется, почему г. Мѣщаниновъ свысока и съ ироніей относится къ помянутому контролю судебныхъ палатъ и ихъ членовъ и не признаетъ разумнаго основанія для его существованія, не смотря на полную необходимость такого существованія—по причинамъ, нами уже подробно разобраннымъ въ настоящемъ трудѣ.

Вывести прокурорскую обвинительную власть изъ указаннаго ненормальнаго положенія можетъ, по нашему мнѣнію, одно лишь упраздненіе ея функціи по надзору за исполненіемъ закона въ судебномъ вѣдомствѣ, т. е. за отправленіемъ правосудія, каковой надзоръ, будучи лишенъ возможности проявляться должнымъ образомъ, вслѣдствіе непосредственнаго участія самой прокуратуры въ судебномъ процессѣ, въ качествѣ одного изъ главныхъ факторовъ уголовнаго суда,—съ успѣхомъ можетъ быть замѣненъ указанными выше сенаторскими, періодическими, подробными и, вообще, правильно организованными ревизіями каждаго судебнаго округа имперіи.

Стремленіе упорядочить дѣло отправленія правосудія въ имперіи, проявленное нынѣ дѣйствующимъ министерскимъ, по судебному вѣдомству, режимомъ, съ первыхъ же дней его существованія—не могло, конечно, не коснуться и дѣятельности прокуратуры, при чемъ, независимо разработки вопроса о надлежащей постановкѣ этой дѣятельности образованною при министерствѣ юстиціи коммисіею для пересмотра законоположеній по судебной части, — на дняхъ вышелъ вновь изданный „Наказъ Министра Юстиціи, Генералъ-Прокурора, чинамъ прокурорскаго надзора судебныхъ палатъ и окружныхъ судовъ".

Необходимость въ такомъ общемъ регуляторѣ прокурорской дѣятельности назрѣла давнымъ давно, но зато его долгое ожиданіе нынѣ вполнѣ вознаградилось надлежащею регламентаціею, которою помянутый наказъ, на почвѣ существующихъ узаконеній, регулируетъ всѣ виды дѣятельности прокуратуры, а также участіе чиновъ палатской прокуратуры въ актѣ преданія уголовному суду.

Въ сферѣ этой послѣдней дѣятельности прокуратуры особаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія постановленія разсматриваемаго наказа:

пунктъ второй параграфа шестаго предписываетъ товарищамъ прокурора палаты „возвращать отъ имени прокурора палаты прокурорамъ окружныхъ судовъ, безъ внесенія въ судебную палату, тѣ изъ дѣлъ, представляемыхъ на основаніи 523 ст. у. у. с., которыя, по ихъ" (товарищей прокурора палаты) „мнѣнію, требуютъ дослѣдованія, а также и тѣ, по которымъ письменныя заключенія прокурорскаго надзора оказываются несоотвѣтствующими требованіямъ ст. 520 и 521 у. у. с., или неудовлетворяющими по формѣ или содержанію условіямъ правильнаго и яснаго умозаключенія";

затѣмъ, пунктомъ третьимъ того же шестаго параграфа предписывается товарищамъ прокурора палаты „представлять послѣднему, съ проектами соотвѣтствующихъ бумагъ, тѣ подлежащія возвращенію прокурорамъ окружныхъ судовъ дѣла, по которымъ письменныя заключенія прокурорскаго надзора оказываются составленными съ явнымъ нарушеніемъ закона или невѣрнымъ изложеніемъ обстоятельствъ дѣла",—

и, наконецъ, четвертымъ пунктомъ того же шестаго параграфа предписывается товарищамъ прокурора палаты „вносить, за своею

подписью, въ судебную палату, по обвинительной камерѣ, всѣ остальныя дѣла, дѣлая въ текстѣ письменныхъ заключеній чиновъ прокурорскаго надзора поправки, необходимыя для устраненія вкравшихся несущественныхъ ошибокъ, съ оговоркою этихъ исправленій за своею подписью.....“

Всякій, кому хорошо извѣстно современное положеніе дѣла преданія судебными палатами уголовному суду, долженъ согласиться съ тѣмъ, что приведенныя выше постановленія министерскаго наказа прокуратурѣ направлены къ удовлетворенію насущнѣйшихъ потребностей означеннаго дѣла, несомнѣнное улучшеніе въ положеніи котораго незамедлитъ проявиться въ самомъ ближайшемъ будущемъ, въ качествѣ послѣдствія распоряженій, дѣлаемыхъ сими постановленіями наказа.

Обращаясь къ другимъ инструкціямъ, даваемымъ разсматриваемымъ наказомъ чинамъ палатской прокуратуры, мы находимъ между ними наставленіе, вызванное существованіемъ 532 и ст. у. у. с., предписывающей присутствующему въ засѣданіи обвнительной камеры палаты представителю палатской прокуратуры читать, послѣ доклада дѣла, заключеніе мѣстнаго прокурора и объяснять, затѣмъ, свой собственный взглядъ на это дѣло, предлагая при семъ и окончательные свои выводы. Помянутое наставленіе заключается въ слѣдующихъ словахъ: „..... въ случаѣ несогласія своего съ заключеніемъ прокурорскаго надзора окружнаго суда по существу дѣла или примѣненію закона, товарищи прокурора палаты замѣчанія свои, независимо отъ словеснаго заявленія ихъ въ обвинительной камерѣ, предъявляютъ и письменно въ особыхъ прилагаемыхъ къ препроводительному производству бѣлыхъ листкахъ, на которыхъ, затѣмъ, при разсмотрѣніи дѣлъ въ судебной палатѣ, дѣлается отмѣтка о сущности постановленнаго ею опредѣленія“ (§ 6-й, п. 4-й наказа).

Требованія, предъявляемыя къ чинамъ палатской прокуратуры только что приведенною статьею министерскаго наказа, вполнѣ необходимы при примѣненіи 532 ст. у. у. с., но, по нашему мнѣнію, для такого примѣненія не представится подходящаго случая, если только товарищи прокурора палаты станутъ надлежащимъ образомъ выполнять изложенныя выше наставленія того же наказа относительно неуклоннаго возвращенія окружной прокуратурѣ тѣхъ ея письменныхъ заключеній, кои будутъ отличаться

невѣрнымъ изложеніемъ обстоятельствъ дѣла и неправильнымъ примѣненіемъ закона, т. е. вообще „несоотвѣтствовать требованіямъ 520 ст. у. у. с.," а также „неудовлетворять по формѣ или содержанію условіямъ правильнаго и яснаго умозаключенія".

И въ самомъ дѣлѣ, если товарищи прокурора палаты станутъ вносить въ обвинительную камеру лишь тѣ письменныя заключенія окружной прокуратуры, которыя, при вѣрномъ изложеніи обстоятельствъ дѣла и правильномъ примѣненіи закона, будутъ удовлетворять и условіямъ правильнаго и яснаго умозаключенія, то какимъ же путемъ могутъ проникнуть въ обвинительную камеру палаты такія заключенія окружной прокуратуры, съ коими предъявляющій палатѣ словесное заключеніе товарищъ прокурора ея можетъ быть несогласенъ по существу дѣла или по примѣненію закона? Развѣ возможно допустить, чтобы по одному и тому же дѣлу о его существѣ или примѣненіи по нему закона могли быть два одинаково правильныя, но различныя одно отъ другаго мнѣнія? Если же этого допустить не возможно, то несомнѣнно, что товарищъ прокурора палаты, несоглашающійся съ заключеніемъ окружной прокуратуры по существу дѣла или примѣненію закона, будетъ считать правильнымъ свое мнѣніе по разсматриваемому помянутымъ заключеніемъ дѣлу; мнѣніе же, принадлежащее окружной прокуратурѣ, признаетъ неправильнымъ или вслѣдствіе невѣрнаго пониманія ею закона или по причинѣ допущенной составителемъ помянутаго письменнаго заключенія—погрѣшности въ мышленіи, неудовлетворяющемъ условіямъ правильнаго и яснаго умозаключенія. А разъ товарищъ прокурора палаты будетъ имѣть такое мнѣніе, онъ долженъ, по наказу, возвратить подобное заключеніе окружной прокуратурѣ, для исправленія или замѣны его другимъ, соотвѣтствующимъ сдѣланнымъ имъ, товарищемъ прокурора палаты, указаніямъ по сему предмету.

И надлежитъ признать, что устраненіе, намѣченнымъ въ министерскомъ наказѣ путемъ, разногласія въ письменныхъ и словесныхъ заключеніяхъ, предъявляемыхъ чинами прокуратуры обвинительной камерѣ, крайне необходимо по весьма многимъ и очень важнымъ причинамъ.

Приводя сему доказательства, мы прежде всего отмѣтимъ, что допускаемое 532-ою ст. у. у. с. разногласіе между вносимымъ въ обвинительную камеру, по дѣлу, письменнымъ заключеніемъ

окружной прокуратуры и предъявляемымъ палатскою прокуратурою сей камерѣ, по тому же дѣлу, словеснымъ заключеніемъ—находится въ полномъ несоотвѣтствіи и съ главною основою организаціи прокурорскаго учрежденія, заключающеюся въ единствѣ дѣйствій всѣхъ его органовъ, и съ исключительною, непосредственно преслѣдуемою обвинительною камерою палаты, цѣлью правильно разрѣшить вопросъ о преданіи суду по каждому отдѣльному дѣлу.

Признавая вполнѣ необходимымъ „сохраненіе за представителями прокурорскаго надзора свободы дѣйствія по совѣсти и убѣжденію“ [1]), что, конечно, не совмѣстимо съ слѣпымъ повиновеніемъ низшихъ чиновъ прокуратуры волѣ высшихъ въ отношеніи предъявленія заключеній къ обвиненію и оправданію подсудимыхъ, мы сознаемъ всю необходимость существованія 539 ст. у. у. с., которою возбраняется прокурору палаты требовать отъ подчиненнаго ему лица прокуратуры поддержки обвиненія, вопреки своему убѣжденію, противъ такого подсудимаго, о которомъ послѣдній полагалъ прекратить дѣло.

Но не найдется, по нашему мнѣнію, основанія признавать полезнымъ, для дѣла преданія уголовному суду, внесеніе палатскою прокуратурою въ обвинительную камеру заключеній окружной прокуратуры, съ которыми чины первой прокуратуры не могутъ согласиться по существу дѣла или примѣненію закона.

Указывая обвинительной камерѣ, въ своемъ словесномъ заключеніи, то направленіе, въ коемъ въ ней долженъ разрѣшиться, по дѣлу, вопросъ о преданіи суду,—товарищъ прокурора палаты обязанъ, конечно, доказать такую необходимость этого направленія, которая исключала бы возможность инаго разрѣшенія означеннаго вопроса.

И вотъ, къ выполненію сей задачи онъ, согласно требованія 532 ст. у. у. с., приступаетъ не иначе, какъ чрезъ прочтеніе въ засѣданіи палаты письменнаго заключенія окружной прокуратуры, содержащаго въ себѣ совершенно иное, нераздѣляемое имъ, мнѣніе по дѣлу, т. е. сообщаетъ палатѣ, что по этому дѣлу произошелъ расколъ въ мнѣніяхъ и между самими чинами прокуратуры.

---

[1]) См. объясненіе на 539 ст. у. у. с.

Такое первое дѣйствіе товарища прокурора палаты по предъявленію обвинительной камерѣ словеснаго заключенія вноситъ въ него неизбѣжную раздвоенность, ибо представитель палатской прокуратуры, познакомившій палату съ нераздѣляемымъ имъ самимъ взглядомъ на дѣло окружной прокуратуры, вынуждается, тѣмъ самымъ, подвергнуть въ предъявляемомъ заключеніи болѣе или менѣе подробной критической оцѣнкѣ мнѣніе составителя письменнаго прокурорскаго заключенія. Несомнѣнно, что подобная критическая оцѣнка усложняетъ задачу товарища прокурора палаты и заставляетъ его уклоняться въ своемъ заключеніи въ сторону отъ собственнаго мнѣнія и доказательствъ его основательности, что, конечно, служитъ въ ущербъ цѣльности впечатлѣнія, которое должно производить на палату словесное прокурорское заключеніе.

Но, помимо сего, ознакомленіе обвинительной камеры палаты, состоящими при ней чинами прокурорскаго надзора, съ нераздѣляемымъ ими мнѣніемъ, по дѣлу, окружной прокуратуры и вытекающая изъ такого ознакомленія необходимость для сихъ чиновъ подвергать въ засѣданіи палаты это мнѣніе критической оцѣнкѣ—ставятъ палатскую прокуратуру въ крайне неудобное положеніе. Предъявляя обвинительной камерѣ, при такихъ условіяхъ, свое словесное заключеніе по дѣлу, товарищъ прокурора палаты испытываетъ на себѣ дѣйствіе двухъ, совершенно чуждыхъ одно другому, побужденій, изъ коихъ одно заставляетъ его стремиться доказать палатѣ путемъ строгой критики внесеннаго въ нее письменнаго заключенія окружной прокуратуры, что это заключеніе не подлежитъ утвержденію, какъ несоотвѣтствующее цѣлямъ правосудія; другое же, вполнѣ естественное, побужденіе удерживаетъ дающаго словесное заключеніе товарища прокурора палаты отъ необходимой строгой критической оцѣнки неудовлетворительнаго письменнаго заключенія окружной прокуратуры, дабы такой оцѣнкой не дискредитировать передъ судебною властью чиновъ этой прокуратуры, дѣятельность которыхъ находится, къ тому же, подъ непосредственнымъ руководствомъ палатской прокуратуры. Мы не станемъ говорить о томъ, какъ выходятъ представители палатскаго прокурорскаго надзора изъ подобнаго невозможнаго положенія, ибо безъ всякихъ разговоровъ ясно, что въ этомъ положеніи не возможно сохранить требуемое интересами судебнаго дѣла—равновѣсіе.

И такъ, содержаніе 532 ст. у. у. с. противорѣчитъ одному изъ положенныхъ въ основу прокурорскаго учрежденія принциповъ—его единству, „долженствующему состоять въ томъ, чтобы всѣ органы прокурорскаго надзора дѣйствовали согласно между собою и нераздѣльно“ [1]).

Не содѣйствуетъ эта статья судопроизводственнаго закона и достиженію обвинительною камерою судебной палаты поставленной ей законодателемъ цѣли: правильно разрѣшать вопросъ о преданіи суду по каждому вступающему въ эту камеру дѣлу. Несомнѣнно, что послѣдней, для такого разрѣшенія, необходимо знать лишь то мнѣніе, по дѣлу, окружной прокуратуры, которое раздѣляется чинами палатскаго прокурорскаго надзора, какъ болѣе знающими и болѣе опытными, вслѣдствіе уже одного своего высшаго служебнаго положенія.

Такимъ образомъ, ознакомленіе палаты, товарищемъ ея прокурора, съ нераздѣляемымъ имъ письменнымъ заключеніемъ окружной прокуратуры и критическая оцѣнка сего заключенія тѣмъ же товарищемъ прокурора въ засѣданіи обвинительной камеры должны быть признаны дѣйствіями, подлежащими упраздненію. Вмѣсто же письменнаго заключенія окружной прокуратуры, съ которымъ прокуратура палаты не находитъ возможнымъ согласиться, въ обвинительную камеру должно быть вносимо прокуроромъ палаты такое заключеніе, которое не вызываетъ несогласія съ нимъ палатской прокуратуры ни по существу дѣла и ни по примѣненію закона. Соотвѣтственно сему порядку надлежитъ, по нашему мнѣнію, измѣнить и содержаніе разсмотрѣнной выше 532 ст. у. у. с.

Это измѣненіе редакціи названной статьи закона дастъ возможность, какъ мы полагаемъ, осуществить, для упорядоченія дѣла преданія уголовному суду, еще одну мѣру, въ доказательство необходимости принятія которой изложимъ слѣдующее.

Опредѣляющая сущность прокурорской обязанности 51-я статья основныхъ положеній судоустройства не только возлагаетъ на прокуроровъ власть обвинительную, т. е. обнаруженіе преступленій и преслѣдованіе виновныхъ (4 ст. осн. пол. угол. судопр.), но и предписываетъ чинамъ прокуратуры быть блюстителями закона,

[1]) Тамъ же.

иначе сказать—наблюдать за его единообразнымъ и точнымъ примѣненіемъ и предлагать суду предварительныя заключенія—въ случаяхъ, означенныхъ въ уставахъ уголовнаго и гражданскаго судопроизводства. Для возможности же осуществленія таковыхъ обязанностей по блюстительству закона, 141-я ст. у. с. у. заключаетъ въ себѣ привило о непремѣнномъ присутствованіи лица прокурорскаго надзора въ тѣхъ судебныхъ, распорядительныхъ и по общимъ собраніямъ—засѣданіяхъ судебныхъ мѣстъ, въ коихъ разсматриваются дѣла, по которымъ уставами судопроизводства требуются предварительныя заключенія прокуроровъ; присутствованіе же во всѣхъ остальныхъ засѣданіяхъ судебныхъ мѣстъ помянутая статья закона предоставляетъ усмотрѣнію самихъ чиновъ прокуратуры.

Но, стремясь дать прокурорамъ возможность, чрезъ личное ихъ присутствованіе въ засѣданіяхъ судебныхъ мѣстъ, наблюдать за единообразнымъ и точнымъ примѣненіемъ сими мѣстами закона и предъявлять имъ свои предварительныя словесныя заключенія,—законодатель въ тоже время призналъ необходимымъ оградить свободу совѣщаній судей о постановленіи по дѣламъ рѣшеній и, съ этою цѣлью, потребовалъ 142-ою ст. у. с. у., чтобы при означенныхъ совѣщаніяхъ судебной коллегіи чины прокурорскаго надзора не находились.

Однако такое требованіе нашло себѣ безусловное исполненіе только по отношенію къ судебнымъ (публичнымъ) засѣданіямъ, во время которыхъ судьи, для постановленія по дѣлу рѣшенія, удаляются изъ залы засѣданія въ свою совѣщательную комнату—одни, безъ присутствующаго въ засѣданіи прокурора. Что же касается засѣданій распорядительныхъ и общихъ собраній отдѣленій окружнаго суда и департаментовъ судебной палаты, а также засѣданій обвинительной камеры, то въ отношеніи всѣхъ ихъ требованіе 142-й ст. у. с. у. оказалось на практикѣ неисполнимымъ.

Въ этихъ послѣднихъ засѣданіяхъ слушается обыкновенно весьма значительное количество дѣлъ, разсмотрѣніе коихъ въ одномъ засѣданіи возможно лишь при условіи крайней бережливости идущаго на ихъ рѣшеніе времени. А такъ какъ удаленіе судей, для совѣщанія о постановленіи рѣшенія, изъ залы засѣданія въ особую комнату затягиваетъ засѣданіе и лишаетъ возможности разсмотрѣть въ одинъ день то количество дѣлъ, которое разрѣ-

шается безъ соблюденія сего порядка, то означенное дѣйствіе суда учиняется въ томъ же залѣ засѣданія, гдѣ слушалось дѣло и присутствуетъ дающее заключеніе лицо прокурскаго надзора. Точно также вредитъ быстротѣ разрѣшенія дѣлъ и уходъ прокурора изъ залы засѣданія, на время совѣщанія судей о постановленіи рѣшенія. И это стремленіе нашихъ судебныхъ мѣстъ къ подобной быстротѣ въ разсмотрѣніи дѣлъ вытекаетъ изъ трудно устранимой причины, заключающейся во обремененіи сихъ мѣстъ количествомъ вступающихъ въ нихъ дѣлъ.

Такимъ образомъ установилась практика, допускающая присутствованіе дающаго словесное заключеніе прокурора при совѣщаніи судей о постановленіи рѣшеній—по дѣламъ, слушаемымъ въ засѣданіяхъ: распорядительныхъ, обвинительной камеры и общихъ собраній отдѣленій суда или департаментовъ палаты за исключеніемъ лишь такихъ слушаемыхъ въ этихъ общихъ собраніяхъ дисциплинарныхъ дѣлъ, по которымъ явились въ засѣданіе сами обвиняемые, удаленіе коихъ изъ залы засѣданія, на время совѣщанія о постановленіи рѣшенія, ведетъ за собою, конечно, и уходъ присутствующаго прокурора.

Намъ неоднократно приходилось слышать мнѣніе, что присутствіе при совѣщаніяхъ судей о постановленіи рѣшеній—лица прокурорскаго надзора, обязаннаго, въ качествѣ блюстителя закона, имѣть попеченіе объ интересахъ правосудія, не можетъ вредить этимъ интересамъ и что практика вышеуказаннаго несоблюденія требованія 142 ст. у. с. у. въ громадномъ большинствѣ случаевъ не ведетъ за собою такихъ столкновеній между судебною коллегіею и прокуратурою, которыя прерывали бы мирное теченіе засѣданій и дѣлъ въ нихъ.

Но съ такимъ мнѣніемъ невозможно согласиться по слѣдующимъ основаніямъ.

Необходимое, для пользы дѣла, отсутствіе столкновеній между членами судебной коллегіи и дающимъ ей заключеніе прокуроромъ не должно достигаться въ ущербъ возможности для кого либо изъ нихъ добросовѣстно исполнять свои служебныя обязанности. Между тѣмъ, нахожденіе прокурора при совѣщаніи судей о постановленіи рѣшенія ставитъ и перваго и послѣднихъ въ такое ненормальное положеніе, которое является самою благопріятною почвою для

подобныхъ столкновеній и ведетъ, весьма нерѣдко, къ тому, что избѣжать ихъ возможно бываетъ не иначе, какъ путемъ принесенія въ жертву интересовъ слушаемаго судебною коллегіею дѣла.

Такъ, добросовѣстно исполняющій свои обязанности судья, участвуя въ совѣщаніи о постановленіи рѣшенія, не можетъ при изложеніи собственнаго мнѣнія и доказательствъ его основательности—не войти въ разсмотрѣніе предъявленнаго прокуроромъ словеснаго заключенія, если существо такового несогласно съ существомъ мнѣнія по дѣлу—его, судьи. Но послѣдній въ учиненіи сего разсмотрѣнія или, вѣрнѣе сказать, оцѣнки означеннаго заключенія крайне стѣсненъ присутствіемъ предъявившаго его прокурора, который, въ качествѣ органа надзора за дѣятельностью самихъ судей, аттестуетъ эту ихъ дѣятельность предъ высшею властью. И такое стѣсненіе судьи не исчезаетъ отъ его признанія за прокуроромъ высокихъ нравственныхъ качествъ. Едва ли возможно сомнѣваться въ томъ, что сей послѣдній, выслушивая противорѣчивое своему—мнѣніе судьи, ведущее къ неправильному, по убѣжденію его, прокурора, рѣшенію дѣла, дѣйствительно не можетъ аттестовать способности и дѣятельность этого судьи въ благопріятномъ для него смыслѣ. Въ иной аттестаціи нашли бы себѣ одобреніе указанныя выше дѣйствія судьи, или приведшія коллегію къ неправильному, по мнѣнію прокурора, рѣшенію, или же грозившія такимъ, непринятымъ остальными судьями, рѣшеніемъ.

Но допустимъ, что судья окажется на высотѣ своего положенія и, игнорируя возможность повредить себѣ въ мнѣніи прокурора противорѣчіемъ его заключенію, исполнитъ въ этомъ отношеніи свой долгъ, т. е., доказывая основательность заявленнаго имъ по дѣлу мнѣнія, подвергнетъ оцѣнкѣ не согласное съ нимъ заключеніе прокурора, въ его присутствіи. Не явится ли тогда это присутствіе послѣдняго благопріятной почвой для выступленія его съ своими возраженіями, направленными къ отстаиванію предъявленнаго заключенія, что̀ обратитъ совѣщаніе судей о постановленіи рѣшенія въ совершенно безцѣльный диспутъ ихъ съ прокуроромъ и дастъ самимъ диспутирующимъ обильную пищу для всякаго рода столкновеній между ними.

Не отыщетъ ли въ своей памяти всякій, хорошо ознакомленный съ дѣятельностью, напримѣръ, обвинительной камеры судеб-

ной палаты, указаній на такіе случаи, когда названная коллегія, не смотря на послѣдовавшее уже между ея членами соглашеніе о существѣ рѣшенія по разсматриваемому дѣлу, продолжала диспутировать съ представителемъ прокуратуры по поводу предложеннаго имъ въ своемъ заключеніи, но не принятаго обвинительною камерою, проекта рѣшенія?

Если намъ возразятъ, что подобныя явленія составляютъ болѣе или мѣнѣе рѣдкое исключеніе, то мы, съ своей стороны, выскажемъ, что не болѣе желательны явленія и того инаго, обыденнаго, порядка, при которомъ въ засѣданіяхъ судебной коллегіи, не смотря на присутствіе прокурора при совѣщаніяхъ судей о постановленіи по дѣламъ рѣшеній, между этими прокуроромъ и судьями царитъ полное согласіе. По нашему мнѣнію, такое согласіе, при не соблюденіи требованія 142 стр. у. с. у., можетъ достигаться лишь тѣмъ равнодушіемъ или судей или прокурора къ интересамъ ввѣренаго имъ дѣла, которое даетъ первымъ возможность всегда согласовать свое мнѣніе по дѣлу съ заключеніемъ по нему прокурора, а послѣднему—неотстаивать этого заключенія, если оно будетъ подвергнуто при немъ, въ засѣданіи, кѣмъ либо изъ судей неосновательной, по его мнѣнію, критической оцѣнкѣ.

Входя въ разсмотрѣніе возможныхъ мѣропріятій къ устраненію всѣхъ этихъ ненормальныхъ явленій въ сферѣ дѣятельности суда и имѣя въ виду, что такою мѣрою не можетъ быть признано настоятельное требованіе выполнять, безъ изъятія, предписаніе 142-й ст. у. с. у., вполнѣ доказавшей на опытѣ свою непримѣнимость по отношенію ко всѣмъ, безъ исключенія, засѣданіямъ судебныхъ коллегій, кромѣ публичныхъ,—мы приходимъ къ убѣжденію, что наилучшимъ и кореннымъ средствомъ вывести эти коллегіи изъ вышеописаннаго нежелательнаго положенія является исключеніе „предложенія суду предварительныхъ заключеній“ изъ числа возложенныхъ закономъ на прокуратуру обязанностей.

Необходимость такого мѣропріятія вполнѣ назрѣла и къ осуществленію его не встрѣчается препятствія, которое не могло бы быть устранено.

Нѣтъ сомнѣнія, что 3 п. 51-й ст. основныхъ положеній судоустройства, вызвавшій распоряженіе закона о предъявленіи суду чинами прокуратуры, по извѣстнаго рода дѣламъ, предваритель-

ныхъ заключеній, обязанъ своимъ существованіемъ тому обстоятельству, что при первоначальномъ введеніи судебной реформы 1864 года, вслѣдствіе отсутствія достаточнаго количества вполнѣ подготовленныхъ къ судебной службѣ лицъ, ими были заполнены ряды одной лишь прокуратуры, на плодотворную дѣятельность которой возлагалась особенная надежда въ отношеніи привитія къ жизни означенной реформы. Въ составъ же тогдашней магистратуры, вмѣстѣ съ людьми таковой же достаточной подготовки, по необходимости допускались, и притомъ въ весьма значительномъ количествѣ, лица, не только не долго служившіе въ судебномъ вѣдомствѣ и, потому, малоопытные, но и неполучившіе высшаго юридическаго образованія. При такихъ условіяхъ дѣйствительно представлялось необходимымъ дать суду возможность по болѣе серьезнымъ, затрогивающимъ общественные или государственные интересы, дѣламъ выслушать предварительное прокурорское заключеніе. Предъявляя суду это заключеніе, прокуроръ, обладающій исключительными опытностью и спеціальною теоретическою подготовкою, являлся въ такомъ своемъ положеніи предъ судомъ, такъ сказать, экспертомъ, содѣйствовавшимъ отправленію правосудія путемъ освѣщенія, въ своемъ заключеніи, возникающихъ по дѣлу вопросовъ съ точки зрѣнія существующаго закона и путемъ изложенія, въ томъ же заключеніи, своего мнѣнія о надлежащемъ примѣненіи закона къ данному случаю.

Но не такимъ является современное положеніе предъявляющаго суду словесное заключеніе—прокурора. Нынѣ количество надлежаще подготовленныхъ предварительною службою и спеціальнымъ образованіемъ—лицъ вполнѣ достаточно для замѣщенія ими всѣхъ должностей и судей и прокуроровъ. Уже это одно обстоятельство устраняетъ всякую надобность для суда, въ цѣляхъ правосудія, въ предварительномъ словесномъ заключеніи прокурора—эксперта законности. Если же принять во вниманіе, что дѣятельность прокурора своимъ многообразіемъ устраняетъ для него возможность спеціализироваться въ каждой ея отрасли и сравняться въ знаніяхъ спеціальнаго закона, по каждой отрасли судебнаго дѣла, съ тѣми чинами магистратуры, которые ей посвятили многіе годы своей службы, то станетъ понятно, что чины прокуратуры не въ состояніи своими предварительными заключеніями суду руководить судьями въ

разрѣшеніи возникающихъ вопросовъ и постановленіи рѣшеній по разсматриваемымъ дѣламъ.

Напримѣръ, кому неизвѣстно, какое ложное положеніе обыкновенно занимаютъ въ этомъ отношеніи чины прокуратуры, предъявляющіе свои заключенія въ гражданскихъ отдѣленіяхъ окружныхъ судовъ и въ гражданскихъ департаментахъ судебныхъ палатъ предъ судьями—цивилистами, изучающими порученное ихъ докладу дѣло и относящіяся къ нему законоположенія—такъ, какъ не имѣютъ возможности ихъ изучать неподготовленные къ сему помянутые чины прокуратуры?

И если прокуроры, въ качествѣ криминалистовъ по преимуществу, не бываютъ въ подобномъ ложномъ положеніи при предъявленіи своихъ словесныхъ заключеній суду уголовному, то они все же не имѣютъ такой исключительной, по сравненію съ судьями, подготовки въ области уголовныхъ законовъ, которая оправдывала бы возложенное на нихъ, прокуроровъ, закономъ руководство судьями—криминалистами, посредствомъ предъявленія уголовному суду предварительныхъ заключеній.

И такъ, для того, чтобы оградить свободу совѣщанія судей о постановленіи рѣшенія отъ присутствія на этихъ совѣщаніяхъ дающаго словесное заключеніе прокурора—во всѣхъ тѣхъ засѣданіяхъ судебныхъ коллегій, въ которыхъ послѣдній является не обвинителемъ и стороной въ уголовномъ процессѣ, а блюстителемъ закона, —необходимо упразднить самую дѣятельность чиновъ прокуратуры по присутствованію въ означеныхъ засѣданіяхъ исключительно для предъявленія предварительныхъ заключеній. Осуществленію же сего не можетъ воспрепятствовать то обстоятельство, что въ нѣкоторыхъ, весьма, впрочемъ, немногочисленныхъ, случаяхъ законъ предоставляетъ дающему заключеніе прокурору опротестовывать несогласное съ нимъ рѣшеніе судебной коллегіи, съ существомъ котораго прокуроръ можетъ быть ознакомленъ чрезъ обязательную для суда посылку къ нему, прокурору, копіи означеннаго рѣшенія, что̀ дастъ ему возможность опротестовать рѣшеніе, и не присутствуя въ засѣданіи суда.

Отмѣтивъ путь, коимъ можетъ быть ограждена, въ указанномъ отношеніи, свобода совѣщанія судей о постановленіи рѣшенія въ

засѣданіяхъ: распорядительныхъ, по общимъ собраніямъ и обвинительной камерѣ,—дополнимъ наше мнѣніе по сему предмету тѣмъ, что въ засѣданіяхъ обвинительной камеры судебной палаты возможно устранить присутствованіе прокурора и предъявленіе имъ предварительнаго словеснаго заключенія, а стало быть и его нахожденіе при совѣщаніи членовъ названной коллегіи о постановленіи рѣшенія—еще другимъ способомъ. Такимъ способомъ являются рекомендованныя нами ваше измѣненіе редакціи 532-й ст. у. у. с. и введеніе порядка внесенія въ обвинительную камеру лишь такихъ письменныхъ заключеній окружной прокуратуры, съ которыми чины палатской прокуратуры безусловно и во всѣхъ отношеніяхъ согласны. Тогда этой прокуратурѣ не представится надобности имѣть своего представителя въ засѣданіяхъ помянутой камеры. За внесеніемъ въ нее лишь письменныхъ заключеній, всецѣло раздѣляемыхъ палатскою прокуратурою, чины послѣдней не найдутъ уже предмета, о коемъ могли бы трактовать ихъ словесныя заключенія.

Разсмотрѣніемъ сей мѣры, долженствующей вести къ упорядоченію дѣятельности обвинительной камеры судебныхъ палатъ, мы закончимъ настоящую главу нашего труда, посвященную посильному изслѣдованію вопроса о желательной въ этомъ направленіи реформѣ судебной части.

V.

Настоящая работа, детально разсматривающая затрогиваемые ею вопросы и являющаяся плодомъ досуга немногихъ, свободныхъ отъ профессіональныхъ занятій ея автора, часовъ, не могла быть скоро исполнена. Начавъ ее вскорѣ по выходѣ въ свѣтъ статьи г-на Дейтрихъ, мы при разборѣ послѣдней не были еще знакомы съ вышедшими послѣ нея, пропагандирующими необходимость той же, предлагаемой г-номъ Дейтрихъ, реорганизаціи суда присяжныхъ,—журнальными статьями единомышленниковъ этого автора: И. П. Закревскаго „Судъ присяжныхъ и возможная реформа его“ [1]), А. Кичина „Къ вопросу о формѣ участія присяжныхъ

[1]) Журналъ М. Ю. 1895 г., кн. 12-я.

засѣдателей въ уголовномъ процессѣ“ [1]) и И. И. Соллертинскаго „Дуализмъ судебной коллегіи“ [2]). Поэтому мы не имѣли возможности войти, при разсмотрѣніи доводовъ г-на Дейтрихъ, въ такое же разсмотрѣніе приведенныхъ въ пользу его помянутаго проекта—аргументовъ г. г. Закревскаго, Кичина и Соллертинскаго. Но сожалѣть о семъ въ отношеніи указанныхъ статей первыхъ двухъ авторовъ намъ не приходится во 1-хъ) потому, что на нихъ данъ прекрасный отвѣтъ г. Случевскимъ [3]) и во 2-хъ) вслѣдствіе того, что, возражая гг. Закревскому и Кичину, мы должны были бы повторять то, что уже говорили по содержанію статьи г-на Дейтрихъ, ибо у этихъ трехъ авторовъ, въ ихъ названныхъ работахъ, весьма много общаго.

Такъ, всѣ они признаютъ отсутствіе у присяжныхъ засѣдателей способностей и надлежащей подготовки къ исполненію судейскихъ обязанностей и доказываютъ это постановленіемъ судомъ присяжныхъ оправдательныхъ вердиктовъ по дѣламъ, въ которыхъ фактъ совершеннаго подсудимымъ преступленія болѣе или менѣе доказанъ. Затѣмъ, и г. Дейтрихъ, и г. Закревскій, и г. Кичинъ видятъ въ соединеніи присяжныхъ засѣдателей съ коронными судьями въ одно общее присутствіе, для разрѣшенія вопросовъ о виновности подсудимаго и примѣненіи ему наказанія,—единственную мѣру, могущую парализовать проистекающій, по мнѣнію названныхъ авторовъ, вредъ отъ врученія участи уголовныхъ дѣлъ такимъ некомпетентнымъ судьямъ, какими они признаютъ присяжныхъ засѣдателей.

Единственнымъ существеннымъ отличіемъ статей гг. Закревскаго и Кичина отъ статьи г. Дейтрихъ служитъ лишь то, что первые двое, высказываясь противъ суда присяжныхъ, видятъ въ немъ учрежденіе съ политическою подкладкою,—такое, которое, по

---

[1]) Юридич. Газета 1896 г., № 2-й.

[2]) Журналъ М. Ю. 1896 г., кн. 6-я.

[3]) В. К. Случевскій «О судѣ присяжныхъ и его противникахъ». Журналъ М. Ю. 1896 г., кн. 3-я.

мнѣнію г. Закревскаго [1]), „сохраняетъ полное значеніе свое только тамъ, гдѣ оно призвано къ охраненію и политическихъ правъ," и въ самомъ существованіи коего его сторонники усматриваютъ, по увѣренію г. Кичина [2]), „проявленіе права общества судить по совѣсти—въ противоположеніе правительственному суду, который есть судъ по закону,"—каковыхъ доводовъ противъ существованія суда присяжныхъ г. Дейтрихъ въ своей статьѣ не приводитъ.

На этомъ мнѣніи гг. Закревскаго и Кичина мы только и остановимся и посмотримъ, какъ они доказываютъ его основательность, послѣ чего перейдемъ къ разсмотрѣнію помянутой выше статьи г. Соллертинскаго.

Желая убѣдить, что институтъ присяжныхъ засѣдателей въ такихъ странахъ, какъ Россія, „особенно рѣзко обнаруживаетъ свои недостатки, безъ соотвѣтствующихъ достоинствъ въ политическомъ отношеніи," г. Закревскій приводитъ [3]) слѣдующія слова Миттермайера, находящіяся въ одномъ изъ его научныхъ трудовъ: „тамъ, гдѣ народъ состоитъ въ такомъ подчиненіи, что долженъ слѣпо повиноваться волѣ властей, въ какомъ бы видѣ она ни выразилась,—гдѣ царствуетъ полное равнодушіе къ общественнымъ дѣламъ,—гдѣ сверху безпрестанно сказывается недовѣріе ко всякимъ свободнымъ проявленіямъ,—гдѣ малѣйшее выраженіе ихъ можетъ тотчасъ же быть пресѣчено подчиненными правительству чиновниками,—гдѣ не существуетъ ни свободы печати, ни свободы собраній или союзовъ,—тамъ трудно привиться суду присяжныхъ, а если его введутъ, то онъ будетъ влачить лишь болѣзненное существованіе."

Нѣтъ сомнѣнія, что въ приведенныхъ словахъ Миттермайера заключается осужденіе не института присяжныхъ засѣдателей, а такого государственнаго режима, который, исходя отъ законной или узурпированной власти, преслѣдуетъ личныя цѣли ея представителей, не имѣющія ничего общаго съ государственнымъ благомъ. Подобное управленіе страною дѣйствительно ставитъ существующія

---

[1]) Ж. М. Ю. 1895 г., кн. 12, стр. 59-я.

[2]) Юрид. газета 1896 г., № 2.

[3]) Стр. 59—60.

въ ней учрежденія, въ томъ числѣ и судъ присяжныхъ, въ ложное положеніе, исключающее для нихъ возможность правильно функціонировать. Но относить къ такимъ странамъ современную Россію не представляется никакого основанія, ибо въ послѣдней нѣтъ мѣста проявленіямъ не *истинной*, а *преступной* свободы, „выраженіе“ которой и „пресѣкается подчиненными правительству чиновниками,“ какъ то дѣлается во всякомъ благоустроенномъ государствѣ.

Вотъ г. Кичинъ, хорошо помнящій лекціи своихъ знаменитыхъ учителей Рѣдкина и Градовскаго о томъ, что такое есть „истинная свобода,“ не впалъ въ подобную ошибку, доказывая основательность своего мнѣнія, что защитники суда присяжныхъ распинаются за его пригодность и полезность только потому, что смотрятъ на этотъ институтъ, какъ на политическій, а не судебный, и видятъ въ его существованіи желательное для нихъ проявленіе „права общества судить по совѣсти—въ противоположеніе правительственному суду, который есть судъ по закону.“ Тѣмъ не менѣе и г. Кичинъ, мотивируя такой свой взглядъ на защитниковъ суда присяжныхъ, доказателенъ въ своихъ доводахъ не болѣе г. Закревскаго.

„Говорятъ, и притомъ безъ всякой возможности подтвердить это ссылкою на дѣйствующіе законы,“ пишетъ г. Кичинъ, „что на судѣ присяжныхъ общество проявляетъ свое право судить, что оно судитъ по совѣсти—въ противоположеніе правительственному суду, который есть судъ по закону. Насъ спросятъ, гдѣ же открыто высказывается такое мнѣніе, и мы отвѣтимъ, что вездѣ, чуть ли не на каждой сессіи городскихъ присяжныхъ засѣдателей.“

Но дѣлая такія неопредѣленныя указанія на источникъ приводимаго имъ мнѣнія, г. Кичинъ прибѣгаетъ къ болѣе несомнѣнному анониму, чѣмъ тотъ, который въ той же своей статьѣ онъ осуждаетъ въ качествѣ источника мнѣнія „всѣхъ“ о винѣ подсудимыхъ, отражающагося, будто бы, въ вердиктахъ суда присяжныхъ.

Между тѣмъ, не гдѣ то „вездѣ,“ а въ юридической литературѣ и въ засѣданіяхъ юридическихъ обществъ, и, притомъ, не кѣмъ то, а людьми достаточно авторитетными—неоднократно высказывалось вынесенное ими изъ опыта и научныхъ изслѣдованій—

убѣжденіе, что судъ присяжныхъ вполнѣ можетъ функціонировать правильно, если только внѣ его организаціи коренящіяся, но тѣмъ не менѣе существенно важныя, для его дѣятельности, условія будутъ всегда въ наличности.

О томъ же, въ чемъ именно заключаются эти необходимыя, для дѣятельности суда присяжныхъ, условія и какъ они сильно вліяютъ на характеръ означенной дѣятельности, свидѣтельствуетъ В. Р. Завадскій,—одинъ изъ авторитетнѣйшихъ юристовъ— практиковъ, общеизвѣстныя личныя качества котораго устраняютъ всякую возможность заподозрѣть его въ пристрастномъ отношеніи къ разсматриваемому нами вопросу.

Г. Завадскій, въ своей статьѣ: „Въ залѣ засѣданій съ присяжными засѣдателями. Изъ отчетовъ ревизора," мастерски нарисовалъ картину взаимныхъ отношеній коронныхъ судей, ихъ предсѣдателя и присяжныхъ засѣдателей [1]), описавъ съ натуры стоящихъ на высотѣ своего положенія товарища предсѣдателя и члена обревизованнаго имъ окружнаго суда и злоупотребляющаго этимъ положеніемъ и своею властью предсѣдателя того же суда. Отмѣтивъ громадное вліяніе дѣятельности предсѣдательствующаго въ судебныхъ засѣданіяхъ на характеръ дѣятельности суда присяжныхъ засѣдателей, названный авторъ высказалъ, кромѣ того, слѣдующее.

„Быть присяжнымъ засѣдателемъ, отбывать эту почетную и тяжелую повинность—вобще не легко, но: а) если въ окружномъ судѣ нѣтъ комнатъ для пріема присяжныхъ засѣдателей и они ждутъ засѣданій въ корридорахъ и на лѣстницѣ, при входѣ въ залъ; б) если старшіе въ судѣ не обращаютъ на засѣдателей вниманія, а младшіе имъ грубятъ; в) если судьи открываютъ засѣданія, не стѣсняясь часомъ, назначеннымъ въ повѣсткахъ, по усмотрѣнію, когда освободятся отъ другихъ занятій; г) если въ судѣ никто не заботится о томъ, что ѣли и пили присяжные и было ли у нихъ для этого время, д) если, оставивъ 14 засѣдателей ночевать въ зданіи суда, имъ, для ночлега, не предлагаютъ ничего,

---

[1]) Журналъ М. Ю. 1896 г., кн. 3-я, стр. 109—113 и 124—128.

кромѣ голыхъ скамеекъ судебной залы.... тогда нелегкое вообще положеніе присяжныхъ засѣдателей становится невозможнымъ, просто ужаснымъ!.... Нужно глубоко проникнуться сознаніемъ долга, чтобы при такой обстановкѣ сохранять равновѣсіе душевныхъ силъ и спокойно отправлять тяжкія обязаности присяжнаго судьи—засѣдателя“ [1]).

Между тѣмъ, эта, почти повсемѣстная, приводящая въ ужасъ, обстановка дѣятельности присяжныхъ засѣдателей есть только чисто внѣшняя. Она, при справедливыхъ жалобахъ на предсѣдательствующихъ за ихъ незаконное вліяніе на приговора присяжныхъ, восполняется, по свидѣтельству того же г. Завадскаго, такими явленіями, которыя угнетаютъ уже не физическую природу присяжнаго, а его духовную дѣятельность, мѣшая ея самостоятельному проявленію. Не приводя, въ подтвержденіе сего, дальнѣйшихъ выдержекъ изъ указанной статьи помянутаго автора, мы просимъ читателя, желающаго провѣрить наши изъ нея позаимствованія, лично прочесть эту, весьма интересную по приводимымъ въ ней фактамъ и ихъ освѣщенію, статью.

Обратимся, затѣмъ, къ статьѣ г. Соллертинскаго, напечатанной подъ заглавіемъ „Дуализмъ судебной коллегіи“ [2]).

Въ этой своей статьѣ названный авторъ, указывая на тотъ общепризнанный фактъ, что „присяжные засѣдатели разрѣшаютъ вопросъ о виновности не иначе, какъ въ связи съ вопросмъ объ отвѣтственности,“—говоритъ, что фактъ сей „стоитъ въ прямомъ противорѣчіи“ съ соображеніями составителей судебныхъ уставовъ, положенными въ основу разграниченія суда на двѣ самостоятельныя коллегіи [3]) и заключающимися въ признаніи, что „если рѣшеніе вопросовъ о виновности и наказаніи принадлежитъ однимъ и тѣмъ же судьямъ, то суды часто страются опредѣлить степень вины такъ, чтобы подсудмый подлежалъ тому наказанію, которому судьи желали его подвергнуть,“ что „искажаетъ правильность приговора,“ ибо „отъ личнаго убѣжденія судьи можетъ зависѣть только

---

[1]) Стр. 113—114.

[2]) Журналъ М. Ю. 1896 г., кн. 6-я, стр. 158—171.

[3]) Стр. 159-я.

разрѣшеніе вопроса о винѣ или невинности подсудимаго, а отнюдь не вопроса о слѣдующемъ ему наказаніи“ [1]).

Указанія на полную неосновательность приведеннаго мнѣнія г. Соллертинскаго о „прямомъ противорѣчіи“ изложенныхъ нами соображеній составителей судебныхъ уставовъ съ общепризнаннымъ фактомъ „разрѣшенія присяжными засѣдателями вопроса о виновности не иначе, какъ въ связи съ вопросомъ объ отвѣтственности— заключаются въ той же, разсматриваемой нами, статьѣ помянутаго автора.

Такъ, изслѣдованіе почвы, на которой возникъ этотъ общепризнанный фактъ, приводитъ г. Соллертинскаго къ заключенію, что „если присяжные засѣдатели—судьи, а не свѣдующіе только люди, приглашаемые для оцѣнки фактическихъ уликъ, если, по долгу совѣсти и присяги, на ихъ обязанности лежитъ постановить окончательный судебный приговоръ о виновности, а непредставить суду лишь эвентуальныя заключенія о большей или меньшей степени доказанности обвиненія, то нельзя требовать, чтобы они отбросили всякія соображенія о дальнѣйшихъ неизбѣжныхъ послѣдствіяхъ своего вердикта и всецѣло представили другимъ закончить ихъ дѣло безъ ихъ участіи, неся однако на себѣ всю тяжесть нравственной отвѣтственности за судьбу осужденнаго“ [2]).

Затѣмъ, подвергая тотъ же вопросъ дальнѣйшему разсмотрѣнію, названный авторъ въ другомъ мѣстѣ своей статьи говоритъ: „Если теоретически нецѣлесообразно и практически невозможно ограничивать дѣятельность присяжныхъ разрѣшеніемъ вопросовъ о виновности безъ всякаго соотношенія ея съ мѣрою наказанія, если элементъ отвѣтственности такъ или иначе, прямо или косвенно, входитъ и всегда будетъ входить въ вердиктъ присяжныхъ, то, конечно, для нихъ важно знать не наказаніе, угрожающее виновному по закону, а то, къ чему онъ будетъ присужденъ въ данномъ случаѣ“ [3]).

---

[1]) Объясненіе на 201 ст. у. у. с.; суд. уставы, изд. Гос. Канцеляріею.
[2]) Стр. 163-я.
[3]) Стр. 170-я.

Наконецъ, въ той же статьѣ г. Соллертинскій высказываетъ слѣдующее свое мнѣніе: „Нельзя не согласиться съ составителями судебныхъ уставовъ“, что опредѣленіе судами „степени вины такъ, чтобы подсудимый подлежалъ тому наказанію, какому судьи желаютъ его подвергнуть, т. е. что не наказаніе будетъ сообразоваться съ мѣрою вины, а самая виновность въ ея фактическихъ основаніяхъ будетъ выкраиваться и урѣзываться, чтобы пригнать ее, какъ пригоняютъ солдатскую обмундировку, къ произвольно взятой мѣрѣ наказанія“,—„дѣйствительно представляется совершеннымъ извращеніемъ судебныхъ функцій“.[1])

И такъ, высказанное г. Соллертинскимъ мнѣніе о томъ, что выкраиваніе судьями виновности подсудимаго по произвольно ими взятой для него мѣрѣ наказанія есть совершенное извращеніе судебныхъ функцій, не воспрепятствовало этому автору признать, что „нельзя требовать, чтобы присяжные засѣдатели отбросили всякія соображенія о дальнѣйшихъ неизбѣжныхъ послѣдствіяхъ своего вердикта“, т. е. чтобы они при постановленіи послѣдняго не принимали въ соображеніе угрожающее подсудимому наказаніе. Не помѣшали же эти, принадлежащія названному автору, мнѣнія одно другому существовать — потому, что между помянутымъ „выкраиваніемъ судомъ виновности“ по „произвольно взятой мѣрѣ наказанія“ и принятіемъ присяжными засѣдателями, при постановленіи приговора, въ соображеніе угрожающей подсудимому отвѣтственности—дистанція огромнаго размѣра.

Едва ли возможно не согласиться съ мнѣніемъ, что знакомство съ природою даннаго преступленія, съ точки зрѣнія на него законодателя, будетъ достаточно полное и основательное лишь тогда, когда въ это знакомство войдетъ и знаніе опредѣленнаго въ законѣ за то преступленіе наказанія, ибо только послѣднее окончательно укажетъ мѣсто, даваемое закономъ сему преступленію между другими, по относительной ихъ важности, т. е. значенію для личныхъ, общественныхъ и государственныхъ интересовъ. Для насъ нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что присяжные засѣдатели, при постановленіи своего вердикта, также непремѣнно должны имѣть означенное

[1]) Стр. 163—164-я.

полное знакомство съ природою разматриваемаго ими преступнаго дѣянія—для того, чтобы они могли дать сознательный отвѣтъ на поставленный имъ судомъ вопросъ о виновности. Иначе пришлось бы признать, что будетъ согласно съ интересами правосудія пользоваться смутнымъ представленіемъ присяжныхъ объ относительномъ и безотносительномъ значеніи разсматриваемаго ими преступленія—для постановленія именно такого, а не другаго содержанія приговора.

Какъ г. Соллетринскій, признавая выкраиваніе судомъ виновности по произвольно имъ взятой мѣрѣ наказанія—совершеннымъ извращеніемъ судебныхъ функцій, не могъ относить эти свои слова къ вполнѣ естественному, по его мнѣнію, стремленію присяжныхъ сообразовать свои вердикты съ отвѣтственностью подсудимаго, такъ и составители судебныхъ уставовъ не преслѣдовали, конечно, цѣли поставить присяжныхъ засѣдателей въ указанное выше ложное положеніе, когда высказывали, что судъ не долженъ „опредѣлять степень вины такъ, чтобы подсудимый подлежалъ тому наказанію, которому судьи желали его подвергнуть“. Они лишь хотѣли сдѣлать то, что и сдѣлали, а именно не дали опредѣляющей наказаніе судебной коллегіи права участвовать въ разрѣшеніи вопроса о виновности подсудимаго и тѣмъ устранили для нея возможность опредѣлять вину послѣдняго сообразно произвольно ею взятому для него наказанію.

Если же основанная на извѣстныхъ кассаціонныхъ рѣшеніяхъ судебная практика, вынужденная считаться съ повторяющимися, время отъ времени, случаями постановленія присяжными такихъ оправдательныхъ приговоровъ, которые имѣютъ своею причиною несоотвѣтствіе вины подсудимаго угрожающему ему, по закону, наказанію,—вывела изъ вышеприведенныхъ соображеній составителей судебныхъ уставовъ безусловное запрещеніе поставляетъ присяжныхъ въ извѣстность о существѣ предстоящей подсудимому отвѣтственности, то въ этомъ, конечно, виноваты не составители судебныхъ уставовъ, а та, между прочимъ, неудовлетворительность дѣйствующаго Уложенія о наказаніяхъ, которая нерѣдко ведетъ къ сему.

Правда, существуетъ мнѣніе, что „каждое дѣяніе, которое по уголовному уложенію называется преступленіемъ, должно

непремѣнно вызывать возмездіе, хотя бы не тяжкое, хотя бы для формы, но всетаки возмездіе", для сознанія каковой истины „нуженъ юридическій складъ ума, нужна подготовка совершенно инаго рода, чѣмъ та, которою воспользовалось большинство присяжныхъ засѣдателей"[1]).

Но для того, чтобы согласиться съ такимъ мнѣніемъ, необходимо не знать, а знающему забыть—слѣдующія два, составляющія основу и юридической и не юридической подготовки, — понятія: первое—что не человѣкъ созданъ для суда и уголовныхъ законовъ, а судъ и уголовные законы для человѣка, и второе—что творить себѣ кумира хотя бы и изъ самой возвышенной, стремящейся къ человѣческому благу, идеи есть грѣхъ противъ второй заповѣди, а также и противъ разума, протестующаго противъ божескаго поклоненія твореніямъ столь несовершеннаго существа, какимъ является человѣкъ.

Въ самомъ дѣлѣ, не придется ли признать, что человѣкъ созданъ для „уголовнаго уложенія", а не наоборотъ, если мы станемъ наказывать подсудимаго „хотя бы для формы" и утверждать, что „каждое дѣяніе, которое по" берущему свое начало отъ царя Алексѣя Михайловича „уголовному уложенію называется преступленіемъ, должно непремѣнно вызывать возмездіе?".

Затѣмъ, не будетъ ли отношеніе къ закону, выразившееся въ сознательномъ примѣненіи на практикѣ, въ цѣляхъ служенія идеѣ правосудія, совершенно отжившихъ и утратившихъ всякое значеніе постановленій этого закона, дѣланіемъ себѣ кумира и поклоненіемъ ему?

И если подъ указаннымъ въ приведенномъ выше мнѣніи „юридическимъ складомъ ума" авторъ сего мнѣнія признаетъ такой, который чуждъ двумъ, помянутымъ нами, понятіямъ, то смѣемъ завѣрить, что и между коронными судьями не мало найдется людей, не имѣющихъ этого „юридическаго склада ума", чѣмъ они имѣютъ полное право гордиться.

---

[1]) П. П. Закревскій: «Судъ присяжныхъ и возможная постановка его», Ж. М. Ю. 1895 г., кн. 12, стр. 69.

Въ отношеніи дѣятельности коронныхъ судей по примѣненію закона много замѣчательно вѣрныхъ и глубокихъ мыслей высказалъ В. К. Случевскій въ своей, названной нами выше, статьѣ. Не повторяя всего, имъ сказаннаго по сему предмету, приведемъ лишь тѣ его слова, которыя болѣе другихъ подходятъ къ разсматриваемому нами вопросу.

Указавъ на подмѣченную еще Шекспиромъ и художественно выраженную въ его „Шейлокѣ“ необходимость для судьи примирять, въ своихъ приговорахъ, законъ съ жизнью и на то, что отъ современнаго короннаго судьи, при написаніи имъ мотивированнаго приговора, часто требуется, для того же примиренія закона съ жизнью, ловкость и лукавство шейлоковскаго судьи, въ чемъ многіе судьи и проявляютъ свою отмѣнную умѣлость,—г. Случевскій говоритъ слѣдующее: „Мы думаемъ, что въ ряду защитниковъ, въ дѣятельности судебной, принципа законности quand même, изъ числа судебныхъ практиковъ нѣтъ такого лица, который не въ состояніи былъ бы при откровенной бесѣдѣ привести много извѣстныхъ ему убѣдительныхъ примѣровъ того, какъ судебные дѣятели вынуждаются нерѣдко обходить законъ въ дѣлѣ служенія своего какъ интересамъ справедливости, такъ и интересамъ salus rei publicae. Списокъ нарушеній, допускаемыхъ въ судебной практикѣ по этимъ благимъ намѣреніямъ, не имѣющимъ ничего общаго съ личными, чуждыми правосудію, импульсами по обходу закона, и притомъ выражающихся въ цѣломъ рядѣ дѣйствій, могъ бы представить собою много основаній для внушительнаго заключенія по занимающему насъ вопросу. Даже Сенатъ, въ качествѣ верховнаго кассаціоннаго суда, наблюдающаго за примѣненіемъ точной силы закона и за единообразнымъ его исполненіемъ всѣми судебными установленіями Имперіи, и притомъ лишенный права обсужденія дѣла по существу въ общемъ порядкѣ судопроизводства и слѣдовательно подвергающійся значительно меньшимъ искушеніямъ, чѣмъ другіе суды, не составляетъ въ этомъ отношеніи исключенія...“.

„Въ рѣшительный моментъ постановки приговора“, продолжаетъ г. Случевскій, „судья находится подъ давленіемъ не только юридическихъ, но и нравственныхъ обязанностей, требующихъ отъ него исполненія тяжелаго долга самоотреченія и самозабвенія ради той правды и справедливости, которыя онъ, по указанію своей

совѣсти и по требованію закона, долженъ осуществить въ своемъ приговорѣ. Предъ велѣніями этой совѣсти умолкаютъ всѣ другіе стимулы, и тотъ принципъ законности, который, какъ и принципъ дисциплины въ отношеніи дѣятельности военной, руководилъ до того судьею въ моменты его процессуальной работы, оказывается недостаточно сильнымъ для того, чтобы охранить судью отъ настоятельности этихъ велѣній. Можно сожалѣть, что это дѣлается такъ, а не иначе, какъ можно сожалѣть о томъ, что право развивается не мирнымъ путемъ, а путемъ борьбы, но нельзя отрицать несомнѣнности и неизбѣжности указываемыхъ явленій..." „Наиболѣе тяжелымъ испытаніямъ подвергается судейская совѣсть въ тѣхъ, нерѣдкихъ у насъ при дѣйствующемъ уложеніи, случаяхъ, когда уголовный законъ расходится съ живущимъ, въ обществѣ и судьѣ, правосознаніемъ и когда вслѣдствіе этого судья становится въ тяжелую необходимость либо пожертвовать этимъ правосознаніемъ и соблюсти формальный законъ, либо, наоборотъ, отказаться отъ примѣненія его постановленій, но за то не расходиться съ тѣми чувствами правды и справедливости, которыя коренятся въ почвѣ его правосознанія" [1]).

Возможно ли не согласиться съ заключающимися въ приведенныхъ выдержкахъ изъ статьи г. Случевскаго—мыслями и вытекающимъ изъ нихъ выводомъ о томъ, что соединеніе присяжныхъ засѣдателей и коронныхъ судей въ одно общее присутствіе, для разрѣшенія вопросовъ о виновности подсудимаго и примѣненіи ему наказанія, не можетъ устранить случаевъ постановленія этою смѣшанною коллегіею такихъ оправдательныхъ приговоровъ, основаніемъ для которыхъ служитъ несоотвѣтствіе заключающагося въ постановленіи уголовнаго закона—взгляда на вину подсудимаго съ мнѣніемъ по сему предмету судьи, ибо отъ такого столкновенія закона съ жизнью не застрахована и дѣятельность коронныхъ судей.

И если устарѣлость уложенія о наказаніяхъ даетъ нерѣдкіе, въ указанномъ отношеніи, поводы къ постановленію оправдатель-

---

[1]) В. К. Случевскій. „О судѣ присяжныхъ и его противникахъ"; Ж. М. Ю. 1896 г., кн. 3, стр. 219—220, 240, 223, 234 и 231.

ныхъ приговоровъ, то подобные поводы не могутъ совсѣмъ исчезнуть и тогда, когда существующее уложеніе замѣнится ожидаемымъ, какъ бы послѣднее ни было совершенно. По раздѣляемому нами мнѣнію г. Случевскаго, лучшимъ доказательствомъ сему служитъ произведенный въ началѣ текущаго столѣтія, въ Баваріи, совершенно неудачный опытъ создать такой законодательный кодексъ, который въ состояніи былъ бы исключить всякую самостоятельность судьи и сдѣлать излишнимъ всякіе комментаріи къ этому кодексу,—не смотря на то, что помянутый кодексъ вышелъ изъ рукъ знаменитаго Фейербаха.

Стремясь уменьшить до возможнаго minimum'а число вышеозначенныхъ поводовъ къ столкновенію закона съ жизнью и къ необходимости для суда примирять ихъ между собою въ своихъ приговорахъ, законодатель несомнѣнно имѣетъ возможность болѣе или менѣе достигнуть сего, но онъ никогда не придетъ къ тому совершенству, которое совсѣмъ устранило бы такіе поводы.

Осуществленію этого всегда будетъ мѣшать наблюдаемое въ преступленіи крайнее разнообразіе жизненныхъ проявленій, неподдающееся, по своей неуловимости, предварительному изученію. Съ этимъ приходится мириться, равно какъ и съ тѣмъ, что такая свойственная природѣ человѣка, независимо отъ степени его интеллектуальнаго развитія, несовершенная законодательная дѣятельность должна восполняться самостоятельностью судьи въ разрѣшеніи вопроса, можетъ ли онъ, судья, согласно внутреннему своему убѣжденію и указаніямъ совѣсти подвести дѣяніе подсудимаго подъ дѣйствіе того постановленія уголовнаго закона, признаки котораго въ семъ дѣяніи усматриваются.

Если бы реформаторы, добивающіеся соединенія присяжныхъ засѣдателей и коронныхъ судей въ одно общее присутствіе, стремились только къ тому, чтобы упорядочить отправленіе правосудія, то они не встрѣтили бы препятствія къ признанію, что безъ указанной выше самостоятельности судьи постановленный имъ судебный приговоръ не можетъ отвѣчать цѣлямъ правосудія. Но такъ какъ однихъ изъ этихъ реформаторовъ одолѣли усматриваемые ими въ русскомъ судѣ присяжныхъ призраки политической свободы и выводимыхъ изъ нея политическихъ правъ общества и народа на участіе въ отправленіи правосудія, а другими изъ нихъ овладѣло желаніе восполь-

зоваться появленіемъ сихъ призраковъ для цѣлей, ничего общаго съ дѣломъ правосудія неимѣющихъ, то для насъ нисколько неудивительно, что противники существованія суда присяжныхъ, въ качествѣ отдѣльно отъ коронныхъ судей дѣйствующей коллегіи, не только не признаютъ необходимости разрѣшенія судьею вопроса о виновности подсудимаго согласно внутреннему его о винѣ послѣдняго убѣжденію, не могущему допустить обвиненія и слѣдующаго за нимъ возмездія „хотя бы для формы“,—но также грѣшатъ противъ истины и въ другомъ отношеніи. Они не хотятъ знать и того, что проявленіе присяжными засѣдателями исключительно имъ присущихъ способностей къ „оцѣнкѣ факта“, о коихъ говорили въ своихъ соображеніяхъ составители судебныхъ уставовъ [1]) и существованіе которыхъ признается всѣми судебными дѣятелями, а въ числѣ ихъ и самими врагами суда присяжныхъ,—можетъ имѣть мѣсто лишь тогда, когда присяжные будутъ упражнять эти свои способности при благопріятныхъ условіяхъ, къ числу каковыхъ невозможно отнести совмѣстную ихъ дѣятельность по разрѣшенію вопроса о виновности—съ коронными судьями. Одно уже присутствіе этихъ послѣднихъ будетъ стѣснять присяжныхъ въ проявленіи свойственныхъ имъ качествъ судьи. Между тѣмъ, въ разсмотрѣнномъ нами проектѣ г. Дейтрихъ присяжнымъ засѣдателямъ отведена въ угловномъ процессѣ роль статистовъ, присоединеніе которыхъ къ составу коронныхъ судей необходимо, по словамъ г. Закревскаго, „какъ признаніе извѣстныхъ правъ общества, которыхъ нельзя лишить его, разъ они были предоставлены ему, и какъ средство поддержать въ немъ столь необходимое довѣріе къ нелицепріятному примѣненію судомъ карательныхъ законовъ“ [2]), а не ради упорядоченія самаго отправленія правосудія путемъ улучшенія составленной изъ коронныхъ судей коллегіи введеніемъ въ нее представителей общества и народа.

Но если въ разрѣшеніи судомъ присяжныхъ вопроса о виновности—не иначе, какъ при знакомствѣ ихъ съ угрожающимъ подсудимому наказаніемъ, не возможно усматривать основанія для соединенія присяжныхъ и коронныхъ судей въ одно общее при-

---

[1]) См. объясненіе на 201 ст. у. у. с.

[2]) Ж. М. Ю. 1895 г., кн. 12, стр. 61—62.

сутствіе, то не имѣется основанія и для того, чтобы оправдывать существующую практику запрещенія поставлять присяжныхъ въ извѣстность объ этомъ наказаніи. Такое запрещеніе можетъ лишь помѣшать суду присяжныхъ примирить въ своемъ приговорѣ законъ съ жизнью, когда это вызывается необходимостью, но не способно убавить число постанавляемыхъ симъ судомъ оправдательныхъ приговоровъ. Скорѣе оно увеличиваетъ его, такъ какъ присяжные, не зная, къ чему подсудимый можетъ быть приговоренъ, и опасаясь, при первомъ къ тому, даже кажущемся, признакѣ, несоотвѣтствія наказанія винѣ подсудимаго, могутъ выносить по этой причинѣ оправдательный вердиктъ и тогда, когда такое ихъ опасеніе будетъ неосновательно.

Удивительно ли, что при подобныхъ условіяхъ постановленія судомъ присяжныхъ приговоровъ—между ними встрѣчаются такіе оправдательные вердикты, которые не отвѣчаютъ цѣлямъ правосудія. Тѣмъ не менѣе, г. Соллертинскій находитъ, что „однимъ разрѣшеніемъ указывать присяжнымъ засѣдателямъ на размѣръ угрожающаго виновному наказанія..... нельзя помочь дѣлу“ [1]), ибо, по мнѣнію этого автора, „для присяжныхъ важно знать не наказаніе, угрожающее виновному по закону, а то, къ чему онъ будетъ присужденъ въ данномъ случаѣ“ [2]). Между тѣмъ, онъ же, г. Соллертинскій, говоритъ, что—„нельзя требовать, чтобы присяжные отбросили всякія соображенія о дальнѣйшихъ неизбѣжныхъ послѣдствіяхъ своего вердикта“ — потому, что они „несутъ на себѣ тяжесть нравственной отвѣтственности за судьбу осужденнаго“ [3]).

Дѣйствительно, присяжные засѣдатели, будучи, по исполненію своихъ судейскихъ обязанностей, людьми, въ общемъ, добросовѣстными и, вмѣстѣ съ тѣмъ, практичными, берутъ на свою нравственную отвѣтственность судьбу осужденнаго лишь постольку, поскольку она зависитъ отъ ихъ вердикта. Поэтому, зная, что между наказаніями, указанными въ законѣ за совершенное подсудимымъ преступленіе, есть такое, которое, по ихъ мнѣнію, слѣдуетъ ему назначить, присяжные засѣдатели ни въ какомъ случаѣ не примутъ на свою

---

[1]) Стр. 169.
[2]) Стр. 170.
[3]) Стр. 163.

нравственную отвѣтственность назначеніе коронным судомъ, осужденному ихъ вердиктомъ, другаго изъ указанныхъ въ законѣ наказаній, хорошо понимая, что за предоставленный закономъ коронным судьямъ выборъ осужденному наказанія отвѣтственность падаетъ на этихъ судей, а не на нихъ, присяжныхъ засѣдателей.

Такимъ образомъ, не подлежитъ сомнѣнію, что разрѣшеніе указывать присяжнымъ на размѣръ угрожающаго подсудимому наказанія несомнѣнно поможетъ дѣлу правосудія, ибо этого разрѣшенія вполнѣ достаточно, чтобы уберечь судъ присяжныхъ отъ постановленія такихъ оправдательныхъ вердиктовъ, почвою для которыхъ служитъ неосновательное опасеніе присяжныхъ засѣдателей, что подсудимому, въ случаѣ признанія его виновнымъ, коронный судъ не можетъ назначить соотвѣтствующаго винѣ наказанія, за неимѣніемъ таковаго въ подлежащихъ статьяхъ уголовнаго закона.

Но г. Соллертинскій, признающій, что „отдѣленіе въ уголовныхъ дѣлахъ вопроса о виновности отъ вопроса о наказаніи, съ предоставленіемъ разрѣшенія каждаго изъ этихъ вопросовъ особымъ судьямъ“ [1]), ведетъ къ дуализму судебной коллегіи,—находитъ, что такой дуализмъ не только приводитъ къ постановленію судомъ присяжныхъ неправосудныхъ приговоровъ, но мѣшаетъ, также, и коронным судьямъ исполнять, какъ слѣдуетъ, возложенныя на нихъ закономъ обязанности.

„Коронный судъ“, говоритъ названный авторъ [2]), „связанный въ своемъ убѣжденіи всесильнымъ вердиктомъ присяжныхъ, несравненно болѣе, чѣмъ онъ былъ связанъ прежде теоріею формальныхъ уликъ, замкнулся въ механической регистраціи вердикта по степенямъ и статьямъ уложенія“. И это не потому, что коронному суду больше нечего дѣлать, за возложеніемъ обязанности разрѣшать вопросъ о виновности подсудимаго на судъ присяжныхъ. Нѣтъ, г. Соллертинскій самъ указываетъ, что „на долю коронныхъ судей осталось“: опредѣленіе до нѣкоторой степени объема судебнаго изслѣдованія,—окончательная формулировка обвиненія въ предлагаемыхъ на рѣшеніе присяжныхъ вопросахъ,—юридическая оцѣнка

---

[1]) См. Объясненіе на 201 ст. у. у. с.

[2]) Стр. 168.

вердикта присяжныхъ,—назначеніе мѣры наказанія виновнаго,—исполненіе указанной въ 818-й ст. у. у. с.—обязанности „поданія первой помощи безвинно осужденнымъ“—и, наконецъ, исключительное право обращенія къ Монаршему милосердію, съ ходатайствомъ о смягченіи участи или помилованіи осужденнаго. „Все это“, замѣчаетъ г. Соллертинскій, „требуетъ отъ короннаго судьи непремѣнно по каждому дѣлу составить себѣ свое самостоятельное убѣжденіе относительно степени виновности подсудимаго, но, съ одной стороны, это дается лишь путемъ тяжкой и сложной работы мысли и воли, а съ другой—парализуется сознаніемъ безцѣльности и безполезности въ большинствѣ случаевъ такого труда“, ибо относительно вопроса о виновности подсудимаго коронный судья можетъ „скорѣе всего прійти къ совершенно иному выводу, чѣмъ присяжные и вотъ тогда то для него начнется настоящая нравственная пытка“: „надо или оставить дѣло, гдѣ приходится санкціонироватъ рѣшенія, въ разумности и справедливости которыхъ не убѣжденъ, или же пойти по пути уступокъ и компромиссовъ“..... Направившись же по этому пути, коронный судья, по увѣренію названнаго автора, доходитъ во 1-хъ) до признанія, что судъ присяжныхъ—лучшая форма суда, почему и слѣдуетъ ему предоставить разрѣшеніе вопроса о виновности подсудимаго, и во 2-хъ) до сведéнія всей своей судейской дѣятельности къ одной „механической регистраціи вердикта по степенямъ и статьямъ Уложенія“, на что́ краснорѣчиво указываетъ „печальный фактъ“ весьма рѣдкаго обращенія короннаго суда къ Монаршему милосердію, съ ходатайствомъ о смягченіи участи или помилованіи осужденнаго [1]).

И такъ, г. Соллертинскій находитъ, что „дуализмъ судебной коллегіи“ деморализируетъ коронныхъ судей и что ближайшею причиною этой деморализаціи является ихъ обязанность санкціонировать такіе вердикты присяжныхъ, въ разумности и справедливости которыхъ они, судьи, не убѣждены.

Входя въ разсмотрѣніе послужившаго основаніемъ для сего мнѣнія—положенія, каковымъ является признаніе, что коронные

---

[1]) См. стр. 166—168.

судьи вынуждаются къ санкціи, т. е. утвержденію „неразумныхъ и несправедливыхъ", по ихъ мнѣнію, рѣшеній суда присяжныхъ,— мы выскажемъ слѣдующее.

Скрѣпленіе подписями коронныхъ судей постановленнаго уголовнымъ судомъ, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, приговора возможно разсматривать, какъ его утвержденіе, лишь въ отношеніи къ предоставленному коронному суду, 818-й ст. у. у. с.,—праву признавать, что вердиктомъ присяжныхъ осужденъ невинный, къ пользованію каковымъ правомъ судъ препятствія не встрѣчаетъ. За исключеніемъ сего, подписаніе кореннымъ судьей помянутаго приговора есть не утвержденіе его, а только удостовѣреніе, что онъ, судья, принималъ въ постановленіи этого приговора участіе предоставленными ему закономъ дѣйствіями, со словъ г. Соллертинскаго выше нами перечисленными.

Если же кореннымъ судьямъ не проходится санкціонировать рѣшеній суда присяжныхъ, въ разумности и справедливости которыхъ они, судьи, не убѣждены, то изъ сего, въ дѣйствительности не совершаемаго коронными судьями, дѣйствія не можетъ вытекать и деморализація ихъ.

Что касается дѣлаемыхъ г. Соллертинскимъ указаній, что коронные судьи „замкнулись въ механической регистраціи вердикта по степенямъ и статьямъ Уложенія" и въ неисполненіи возложенныхъ на нихъ обязанностей дошли даже до того, что неосуществляютъ въ должной мѣрѣ своего „драгоцѣннѣйшаго права" обращенія къ Монаршему милосердію, съ ходатайствомъ о помилованіи осужденнаго или смягченіи его участи, то причины существованія такихъ дѣйствительно „печальныхъ фактовъ" въ сферѣ служебной дѣятельности коронныхъ судей надлежитъ искать не въ устраненіи ихъ отъ разрѣшенія предоставленнаго компетенціи присяжныхъ— вопроса о виновности подсудимаго, а въ тѣхъ, именно, ненормальныхъ условіяхъ дѣятельности коронныхъ судей, о которыхъ мы выше уже говорили подробно.

Въ концѣ своей статьи г. Соллертинскій заявляетъ [1]), что къ нему не примѣнимъ обращенный къ гг. Дейтрихъ, Закревскому и Кичину упрекъ въ томъ, что „ихъ вниманіе сосредоточиваетъ на

---

[1]) Стр. 169-я.

себѣ не столько существующій, сколько проектируемый ими судъ", ибо онъ, г. Соллертинскій, въ своей работѣ лишь посильно разсматриваетъ техническіе недостатки нынѣ дѣйствующаго суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Однако содержаніе статьи г. Соллертинскаго не оставляетъ сомнѣнія, что, ратуя противъ „дуализма судебной коллегіи", онъ отдаетъ свои симпатіи тому же соединенію коронныхъ судей и присяжныхъ засѣдателей въ одно общее присутствіе, для разрѣшенія какъ вопроса о виновности подсудимаго, такъ и вопроса о примѣненіи къ нему наказанія, на которомъ сосредоточивается вниманіе гг. Дейтрихъ, Закревскаго и Кичина.

Указавъ на журнальныя статьи гг. Закревскаго, Кичина и Соллертинскаго, которыми эти лица заявили о своей солидарности съ г. Дейтрихъ въ вопросѣ о желаемой всѣми ими реорганизаціи суда присяжныхъ,—мы отмѣтимъ также, что и г. Мѣщаниновъ имѣетъ единомышленниковъ по вопросу о необходимости непосредственнаго внесенія прокурорскимъ надзоромъ, въ окружный судъ, обвинительныхъ актовъ по всѣмъ, производящимся въ порядкѣ публичнаго обвиненія, дѣламъ. Такъ, изъ 18-ти высказавшихъ, по сему предмету, свое мнѣніе членовъ бывшаго въ концѣ 1894 г. Совѣщанія старшихъ предсѣдателей и прокуроровъ судебныхъ палатъ—восемь лицъ находили возможнымъ осуществить помянутую, предлагаемую г. Мѣщаниновымъ, мѣру. Изъ остальныхъ же—одни стояли за сохраненіе положенія судебной палаты, какъ обвинительной камеры, а другіе высказались за перенесеніе функцій обвинительной камеры на окружный судъ [1]).

Но если почти единогласное признаніе, со стороны находившихся на означенномъ Совѣщаніи лицъ, необходимости дальнѣйшаго существованія нынѣ дѣйствующаго суда присяжныхъ (за это, какъ извѣстно, подали свой голосъ изъ 20-ти членовъ совѣщанія—18-ть) имѣетъ значеніе весьма сильнаго аргумента въ пользу сохраненія названнаго института, то раздѣленіе членовъ того же совѣщанія на три помянутыя фракціи, изъ коихъ высказавшаяся за предоставленіе прокуратурѣ исключительнаго права преданія уго-

---

[1]) «Совѣщаніе о реформѣ обвинительной процедуры»; Ж. М. Ю. 1895 г., кн. 11, стр. 48—49.

ловному суду заключаетъ въ себѣ менѣе половины членовъ Совѣщанія,—не можетъ разсматриваться какъ доводъ противъ существующаго порядка преданія суду. Такое разногласіе практиковъ по разсматриваемому вопросу должно лишь побудить къ особенно тщательному изслѣдованію вызвавшаго это разногласіе предмета и къ осторожности въ выводахъ, долженствующихъ явиться результатомъ сего изслѣдованія. За неопубликованіемъ же основаній, побудившихъ нѣкоторыхъ членовъ Совѣщанія высказаться противъ дальнѣйшаго существованія обвинительной камеры судебной палаты, мы лишены возможности войти въ ихъ разсмотрѣніе. Но учиненное выше детальное изслѣдованіе условій, при коихъ нынѣ находится дѣло преданія уголовному суду, а равно условій, которыя необходимы для надлежащей постановки сего дѣла, вполнѣ исчерпываетъ, по нашему мнѣнію, вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи нынѣ дѣйствующей обвинительной камеры.

VI.

Кончая свою работу, мы скажемъ нѣсколько словъ объ условіяхъ, въ виду которыхъ она была предпринята.

Въ обыкновенное врямя, когда регулирующіе правовую жизнь народа—законы не вызываютъ болѣе или менѣе справедливыхъ нареканій на ихъ неудовлетворительность, а существующія въ странѣ учрежденія не являются, въ сознаніи многихъ, недостигающими поставленныхъ законодателемъ, для ихъ дѣятельности, цѣлей,—участіе въ изслѣдованіи вопросовъ о соотвѣтствіи помянутыхъ законовъ и учрежденій современнымъ общественнымъ потребностямъ—такихъ лицъ, которые не обладаютъ подготовкою представителей науки и въ состояніи лишь освѣтить означенные вопросы съ точки зрѣнія полученнаго ими опыта практиковъ, можетъ, пожалуй, быть признано излишнимъ, какъ неспособное дать ни свойственной ученому глубины мысли и ни богатства годнаго для изслѣдованія матеріала.

Но совершенно инымъ представляется участіе юриста-практика въ производящемся нынѣ, во исполненіе Высочайшаго пове-

лѣнія, изслѣдованіи причинъ, препятствующихъ „царству дѣйствительнаго правосудія въ Россіи“. Если плодотворность этого изслѣдованія находится въ прямой зависимости отъ участія въ немъ ученыхъ юристовъ, знанія и способности коихъ обезпечиваютъ ему вѣрность взгляда на подлежащія наблюденію явленія, то осмысленное знакомство съ послѣдними юриста-практика можетъ дать необходимый для означеннаго изслѣдованія матеріалъ.

Поэтому то къ участію въ работѣ Высочайше утвержденной Коммисіи для пересмотра законоположеній по судебной части—приглашены какъ лица, обладающіе научными знаніями, такъ и лица, имѣющіе преимущественно практическую опытность. Кромѣ того, Коммисія, приступая къ своимъ работамъ, не только ознакомилась съ касающеюся ихъ предмета юридическою литературою, но и предложила желающимъ принять такой вызовъ—юристамъ-практикамъ рядъ относящихся къ предстоящей судебной реформѣ вопросовъ, для доставленія по нимъ своихъ мнѣній. Издаваемый же при министерствѣ юстиціи, въ качествѣ спеціальнаго органа помянутой Коммисіи, журналъ напечаталъ рядъ статей, принадлежащихъ перу юристовъ-практиковъ и заключающихъ въ себѣ ихъ мнѣнія по тѣмъ или другимъ, подлежащимъ ея разсмотрѣнію, вопросамъ. При всемъ этомъ приглашеніе юристовъ къ участію въ разработкѣ такихъ вопросовъ сопровождалось заявленіемъ, что такъ какъ истина легче всего выступаетъ именно изъ столкновенія различныхъ мнѣній, то Коммисія не побоится даже какихъ крайностей и съумѣетъ разобраться въ самыхъ разнородныхъ данныхъ и отдѣлить нужное и доброе отъ плевелъ, лишь бы высказываемыя мнѣнія и взгляды были добросовѣстные, основанные на личномъ изученіи дѣла и проникнутые желаніемъ искренно послужить ему.

Все это, въ связи съ огромнымъ значеніемъ ожидаемой судебной реформы, должно побуждать юриста-практика, достаточно ознакомленнаго съ современнымъ положеніемъ судебнаго дѣла и имѣющаго свой опредѣленный взглядъ на причины неудовлетворительности сего положенія, печатно высказать этотъ взглядъ. И отъ исполненія такой обязанности не должна, по нашему мнѣнію, удерживать неизвѣстность, будетъ ли предпринятый, въ указанномъ направленіи, трудъ имѣть практическій или иной какой либо успѣхъ, если только авторъ его самъ убѣжденъ въ основательности

своихъ воззрѣній и цѣлесообразности предлагаемыхъ имъ мѣръ. Пускай большинство этихъ мѣръ будутъ признаны непрактичными и многія воззрѣнія неосновательными. Между ними, быть можетъ, все же найдутся такія, которыя, хотя бы въ качествѣ малыхъ крупицъ, послужатъ дѣлу предстоящей судебной реформы.

Руководимый этими мыслями, пишущій настоящія строки, имѣвши возможность въ теченіе почти 25-ти лѣтней службы на различныхъ должностяхъ по судебному вѣдомству—составить себѣ опредѣленное понятіе о современныхъ условіяхъ, благопріятствующихъ и препятствующихъ надлежащему отправленію отечественнаго правосудія,—возымѣлъ намѣреніе изложить, въ печатномъ трудѣ, свое, вытекающее изъ сего понятія, мнѣніе объ исключительной трудности для принимающихъ какое либо участіе въ производящемся нынѣ пересмотрѣ законоположеній по судебной части— дѣятелей выполнить, какъ слѣдуетъ, эту свою миссію.

Отмѣтивъ въ разъясненіе сего, что благотворное дѣйствіе закона на жизнь зависитъ не только отъ существа его постановленій, но и отъ той или другой практики примѣненія послѣднихъ, и что, кромѣ того, немалое значеніе имѣютъ существующіе въ вѣдомствѣ порядки и обычаи, которымъ законъ отводитъ довольно обширное поле дѣйствія,—мы высказали, что разрѣшить вопросъ о степени зависимости нежелательныхъ въ области дѣятельности суда явленій—какъ отъ неудовлетворительности существующихъ законоположеній, такъ и отъ дѣйствующей практики ихъ примѣненія и характера водворившихся въ вѣдомствѣ порядковъ и обычаевъ,—задача весьма тяжелая для современныхъ дѣятелей, ибо они такъ или иначе, въ томъ или другомъ отношеніи, содѣйствовали установленію означенныхъ практики, порядковъ и обычаевъ, или же будутъ разрѣшать сей вопросъ въ сотрудничествѣ прикосновенныхъ сему дѣятелей.

Иллюстрировавъ это свое мнѣніе результатами учиненнаго нами разсмотрѣнія журнальныхъ статей вышеназванныхъ авторовъ, выдающихся своимъ умомъ, опытностью, доброжелательствомъ дѣлу правосудія и положеніемъ и посвятившихъ свои, помянутыя, работы изслѣдованію важнѣйшихъ, для предстоящей судебной реформы, вопросовъ: о соотвѣтствіи цѣлямъ правосудія существующихъ нынѣ учрежденій суда присяжныхъ и камеры обвиненія,—мы, въ видахъ

еще большаго освѣщенія послѣдняго вопроса, изложили наше личное мнѣніе о законодательныхъ мѣрахъ, необходимыхъ для правильной постановки дѣла преданія уголовному суду.

Мы не можемъ, конечно, судить, удалось ли намъ исполненіемъ такой своей задачи съ пользою послужить дѣлу правосудія. Но какъ бы ни былъ суровъ приговоръ читателя о нашемъ трудѣ, этотъ приговоръ не лишитъ насъ сознанія посильно исполненнаго долга, хотя бы наше пониманіе такового не раздѣлялось другими.

25 Августа 1896 года.

Опечатки.

Стр.	*Напечатано.*	*Надлежитъ читать.*
3	неподлежитъ	не подлежитъ
6	неоказала	не оказала
8	благопріятной почвой	благопріятною почвою
—	оно не затрогивало бы	оно ни затрогивало бы
—	не ослабно	неослабно
—	не много	немного
9	необходимѣйщее	необходимѣйшее
—	неотказывая	не отказывая
10	каковаго	какового
17	большая	бо̀льшая
19	непропускается	не пропускается
20	небудутъ	не будутъ
24	необходимъ	необходимы
25	необладаетъ	не обладаетъ
29	недопустить	не допустить
32	не желалъ	ни желалъ
33	неуказываетъ	не указываетъ
37	необладаютъ	не обладаютъ
39	неможетъ	не можетъ
43	непризнали	не признали
51	по скольку	поскольку
55	„такъ какъ огромное	такъ какъ „огромное
57	палата	палаты
62,83,88 и 96	въ теченіи	въ теченіе
65	на сколько	насколько
83	недостигаетъ	не достигаетъ
84 и 85	нечитаютъ	не читаютъ

Стр.	*Напечатано.*	*Надлежитъ читать.*
88	иного	инаго
93	тяжолымъ	тяжелымъ
94	умалачиваетъ	умалчиваетъ
—	нетолько	не только
—	съ этой работы	съ этою работою
95	состаленіе	составленіе
108 и 109	на приговоры	на приговорá
—	расматриваемый	разсматриваемый
115	осуществленіе	осуществленіе
119	разсматрѣніе	разсмотрѣніе
125	въдѣйствительности на существующій	въ дѣйствительности не существующій
127	по стольку, по скольку	постольку, поскольку
136 и 114	дѣлъ инстанціи	и 114 дѣлъ 1-й инстанціи
152	постанавливаемыхъ	постановляемыхъ
162	объязанная	обязанная
167	закономъ	закономъ
177	невозбуждается	не возбуждается
202 и 204	не возможно	невозможно
218	объ отвѣтственности	объ отвѣтственности“
226	постанавляемыхъ	постановляемыхъ
230 и 231	Совѣщанія	совѣщанія
232	высказываемыя	высказываемые